

смена

№ 24 ДЕКАБРЬ 1983

С НОВЫМ ГОДОМ,
дорогие
товарищи!

Из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума Верховного Совета СССР
Ю. В. АНДРОПОВА

Уберечь человечество от грозной опасности может и должен только человеческий разум. Мы призываем тех, кто толкает мир по пути все более опасной гонки вооружений, отказаться от несбыточных расчетов достичь таким путем военного превосходства, чтобы диктовать свою волю другим народам и государствам.

отстоять

ПОМНИТЕ, ЛЮДИ! ПЛАНЕТА ЖИВА!
ПРОСЯТ О ЖИЗНИ ЗЕМЛЯ И ТРАВА.

Николай МОЙКИН

Борьба за мир не абстрактна. Это борьба против тех, кто миру угрожает. У них есть имена и адрес. Их преступление перед человечеством, которому они навязали гонку ядерных вооружений, чреватую всеобщей катастрофой, будет судимо по высшей справедливости Судом Истории. И каждый день приносит новые доказательства в обвинительное заключение.

В конце 1983 года США перешли опаснейший ядерный Рубикон, начав размещение новых ядерных ракет в Европе — «у порога нашего дома», как было подчеркнуто в заявлении Юрия Владимировича Андропова. Путь к этой безответственной авантюре, ставящей мир на грани ядерной катастрофы, начался почти четыре десятилетия назад...

В 5 часов 29 минут 45 секунд 16 июля 1945 года на военном полигоне Аламогордо в 320 километрах от городка Лос-Аламос на юге Соединенных Штатов Америки был произведен первый испытательный взрыв атомной бомбы.

АГРЕССИЯ В ЛИВАНЕ, АГРЕССИЯ В ГРЕНАДЕ, СОЗДАНИЕ НОВЫХ СИСТЕМ УНИЧТОЖЕНИЯ — ПРАКТИКА ПОВСЕДНЕВНАЯ ИМПЕРИАЛИЗМА США.

ЖИЗНЬ!

ПРОСИТ РЕБЕНОК, РОДИВШИЙСЯ ЕДВА:
ДУМАЙТЕ, ДУМАЙТЕ, ЛЮДИ!

6 августа 1945 года, через три недели после экспериментального взрыва на Аламогордо, американский атомный гриб вырос над Хирошимой, а еще через три дня, 9 августа,— над Нагасаки.

Выполнение приказа президента США Трумэна стоило жизни почти четверти миллиона японцев, а около 400 тысяч человек до сих пор страдают от последствий ядерных бомбардировок.

Так началась атомная эпоха. Или, точнее, эпоха атомного безумия.

Но и в «безумном, безумном мире», как и всюду, действуют неумолимые законы диалектического развития: все взаимосвязано, ничто не проходит бесследно, одно вытекает из другого. Ни француженка Мария Кюри, открывшая атомную радиоактивность, ни немецкие физики Отто Ган и Фриц Штрасман, доказавшие в 1938 году возможность расщепления атомного ядра, ни сотни других первых ученых-ядерщиков никогда не предполагали, что их проникновение в тайны атома увенчается в скором времени атомным грибом и последующим колossalным осложнением и обострением международной обстановки. Но именно это в конце концов произошло, когда

МИР ПРО-
ТЕСТУЕТ, МИР
ТРЕБУЕТ: ПРЕКРА-
ТИТЬ ГОНКУ ВООРУЖЕ-
НИЙ, ПОДГОТОВКУ К ЯДЕРНОЙ
ВОЙНЕ!

плоды ядерной науки стали достоянием политиков и военно-промышленного комплекса Запада.

В начале второй мировой войны гитлеровский рейх уже вел урановые исследования в военных целях, когда группа ведущих западноевропейских физиков, вырвавшись из нацистских сетей, бежала в Новый Свет и предложила свои научные услуги Вашингтону. Среди этих ученых-беженцев были «звезды первой величины». Именно из них высшие чины в министерстве обороны США впервые составили костяк той самой опенгеймеровской группы, которая 6 декабря 1941 года по указанию правительства США приступила к осуществлению секретного проекта «Манхэттен» — разработке атомной бомбы. Именно эти ученые, сами того не ожидая, заложили первые камни в фундамент одного из самых чудовищных порождений XX века.

Через три с половиной года проект «Манхэттен» был выполнен, однако применить «бомбу космической мозги» против Гитлера, как это мыслилось первоначально, Америке так и не удалось: еще до завершения проекта нацистская Германия была наголову разгромлена с помощью обычного оружия Советской Армией.

Не было военной необходимости подвергать атомной бомбардировке и японские города — ведь к августу 1945 года дальневосточный союзник Германии был уже основательно измотан на азиатских и тихоокеанских фронтах.

Суть дела была в другом. В конце войны, когда уже обрисовались политические контуры нового, послевоенного мира, ядерный гриб, нарисованный американскими летчиками в японском небе, понадобился Вашингтону как новый, устрашающий символ его неизменной политической стратегии — стратегии антикоммунизма.

В ответ на созданную Соединенными Штатами первую в мире атомную бомбу Советский Союз разработал свое ядерное оружие лишь в 1949 году. В 1948 году в США был впервые запущен в серийное производство межконтинентальный стратегический бомбардировщик, в СССР такой бомбардировщик появился лишь в 1954 году. Атомную подводную лодку с ядерными ракетами на борту США спустили на воду в 1960 году, а Советский Союз — только в 1968-м. Межконтинентальные ракеты с разделывающимися боеголовками поступили на вооружение армии США в 1964 году, а на вооружение Советской Армии — несколько лет спустя.

К началу 70-х годов США имели «авторские свидетельства» на 23 из 25 мощнейших систем оружия, созданных в том время в мире.

В последующие годы стали известны новые «патенты» Пентагона — на нейтронную бомбу, химические заряды и т. п.

Прекрасная, древняя, зелено-голубая планета Земля превратилась в пороховую бочку. Запасов всевозможных видов вооружений, в том числе ядерных, скопилось столько, что их хватило бы, чтобы много-кратно уничтожить все человечество.

По данным Организации Объединенных Наций, совокупная разрушительная мощь мировых военных арсеналов за последние 30 лет увеличилась в несколько миллионов раз. Ежегодные военные расходы в мире составляют более 400 миллиардов долларов, что приближается к одному миллиарду долларов в минуту. В области военных исследований заняты около 40 тысяч высококвалифицированных специалистов, то есть примерно 40 процентов всех ученых земного шара, занимающихся исследовательской деятельностью.

Мировые расходы на военные цели из года в год растут. И это происходит в то время, когда 1,5 миллиарда человек (более 40 процентов населения земного шара) не имеют возможности пользоваться медицинским обслуживанием, когда около 600 миллионов человек страдают от хронического недодления, около 2 миллиардов не имеют доступа к чистой воде, а около 750 тысяч ежемесячно умирают от болезней, передаваемых через воду, не пригодной для питья, когда в мире насчитывается 800 миллионов неграмотных и примерно 250 миллионов детей в возрасте до 14 лет, которые не в состоянии посещать школу!

Гонка вооружений поглощает не только огромные средства, которые могли бы пойти на решение безотлагательных социальных проблем. Она не только отвлекает от созидательного мирного труда талантливых ученых и специалистов. Гонка вооружений — это всемирный сеятель смерти.

...В 1954 году — год спустя после проведения серии ядерных испытаний в американском штате Невада — в небольшом городке Сент-Джордж в соседнем штате Юта начались съемки фильма «Завоеватель». Этой ленте суждено было прореметь не благодаря игре занятых в ней голливудских «звезд» Джона Уэйна, Сьюзан Хейворд и других. Известность фильму принесли последствия ядерных взрывов в Неваде, оказавшиеся роковыми для многих участников съемочной группы. Из 250 человек, съехавшихся на киносъемки в Юту, 91 оказался потом болен той или

иной формой рака, а 46 участников уже умерли, в том числе Джон Уэйн, Сьюзан Хейворд и директор-продюсер «Завоевателя» Ричард Паузлл.

На атомном полигоне в Неваде в период с 1951 по 1963 год — до подписания советско-американского Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой — было произведено 233 ядерных взрыва в атмосфере, а при последующих (после 1963 года) подземных испытаниях произошло еще 40 случаев выброса радиоактивных материалов в атмосферу.

В последние годы американской общественности стали известны некоторые из хранилищ ядерных отходов, давшие течь. «Проходившиеся» резервуары расположены в местечках Мэксси-Флэтс (штат Кентукки), Саванн-Ривер (Южная Каролина), Окридж (Теннесси), Лос-Аламос (Нью-Мексико), Ханфорд (Вашингтон) и ряде других.

В июле 1981 года радиоактивная утечка произошла на атомной электростанции в небольшом городке Монтиселло (штат Миннесота). В грунт и близлежащую реку Миссисипи, которую так восторженно описывал в своих книгах Марк Твен, вылилось 2 тысячи галлонов отработанного ядерного горючего. В 80 километрах к югу от Монтиселло на берегах Миссисипи стоят два крупных города-близнеца — Миннеаполис и Сент-Пол. Когда произошла авария, власти штата, чтобы защитить экономические интересы хозяев АЭС

воздушной базы Масти-Филд в штате Пенсильвания был поднят по тревоге экипаж бомбардировщика «B-17». За несколько минут до взлета к бомбардировщику в сопровождении машин охраны подкатил грузовик, из которого на борт было принято поддошкины огромных металлических контейнеров общим весом 3 тонны. Экипажу было приказано сбросить их в Атлантический океан примерно в 160 километрах от города Атлантик-Сити (штат Нью-Джерси). Вылеты с аналогичным заданием повторились 20 и 22 октября. Членам экипажа было приказано молчать.

Джордж Эрл, отставной военный летчик и бывший командир того самого бомбардировщика «B-17», молчал 33 года. Но все это время его мучил вопрос: что же было в тех контейнерах? Несколько раз он обращался с запросами в Пентагон и в Комиссию по ядерному регулированию, но везде натыкался на стену молчания. Тайна раскрылась лишь недавно, когда в американской прессе появились сообщения о том, что на западное побережье США океанским прибоем выброшено несколько контейнеров, излучающих мощную радиацию. Контейнеры оказались как две капли воды похожи на те, что сбрасывал в океан Джордж Эрл.

«Теперь у меня нет никакого сомнения, — заявил журналистам бывший летчик, — что в тех загадочных контейнерах находилось не что иное, как радиоактивные отходы испытаний ядерного оружия, проводившихся Пентагоном».

ДУМАЙТЕ, ЛЮДИ!

Ирина ПАНОВА

1

Я — тишина.
Все начала — во мне.
Слушайте, слушайте, люди!
Я говорю о сегодняшнем дне:
грозные смерти орудья
смогут планету
сгубить на огне.
Слушайте, слушайте, люди!
Слушайте, люди! Пока я жива,
жизни на жизнь
выдаются права.
Вспомните прошлое, люди!

2

Где война ревела и бурлила,
шла беда в атаку на мечту.
На пути от Волги до Берлина
замерли солдаты на посту
и молчат. Отставить разговоры!
Есть у них забота лишь одна,
чтобы на родимые просторы
ночью опустилась тишина,
чтоб земля не знала криков боли,
кроме тех,
что жизнь приносит ей...
Чтобы вести о счастливой доле
разносили стаи журавлей.
И в жару, и в грозы, и в метели

берегут покой родной земли
те, кто защитить ее сумели —
сами уберечься не смогли.

3

Мы родились из тишины,
из тишины возникло слово,
и до конца не решены
загадки разума живого.
Мысль появляется на свет...
Но почему не та, а эта
наша единственная ответ
до наступления рассвета?
Вопросов много, а задач
намного больше, чем решений.

и не допустить паники среди населения, поспешили заявить, что «инцидент в Монтиселло» не представляет опасности для жизни человека.

В одном из своих публичных заявлений руководитель «Союза обеспокоенных ученых Америки» Дэнниэл Форд с горечью констатировал: «Вложив в атомную энергетику огромные средства и стремясь во что бы то ни стало извлечь из этих капиталовложений наивысшую прибыль, ядерные предприниматели отодвигают на второй план безопасность и благополучие населения, плюют на мнение общественности».

Чтобы не подливать слишком много масла в огонь, заправили ядерного бизнеса, Пентагон и винситонская администрация срочно занялись поисками мест для захоронения радиоактивных отходов. Вскоре решение было найдено: опасные отходы можно попытаться «экспортировать» в другие страны, в разные районы планеты — подальше от США.

Вашингтон провел переговоры о местах захоронения ядерных отходов с правительством Сьерра-Леоне. Американская корпорация «Нэдлог текнолоджи групп» разработала даже план перевозки и размещения контейнеров с радиоактивным грузом в глубинах этой западноафриканской страны. За все «услуги» США предложили Сьерра-Леоне 25 миллионов долларов. По сообщению газеты «Вашингтон пост», аналогичные предложения Белый дом сделал Нигерии, Сенегалу, Либерии, а также ряду государств Латинской Америки. Однако большинство стран не пошли на сделку с Вашингтоном, недвусмысльно дав ему понять, что они не желают становиться ядерными ассенизаторами Америки.

Таков же был ответ и 12 государств бассейна Тихого океана, к которым Соединенные Штаты обратились за «помощью в разрешении проблемы загрязнения окружающей среды». Эти страны отвергли планы превращения в американскую ядерную свалку атолла Пальмира, расположенного между Гавайями и островами Кука.

Американские ядерные «кладбища» в глубинах океана стали возникать сразу после второй мировой войны.

...16 октября 1947 года на американской военно-

Как сообщила газета «Ньюсдей», официальные представители американского Агентства по охране окружающей среды, Мэттисон, вынужден был признать, что в послевоенные годы министерство обороны США создало близ Атлантического и Тихоокеанского побережий страны 30 ядерных свалок. Проведенные в последнее время исследования показали, что по меньшей мере каждый четвертый контейнер на этих свалках дал течь и опасные для живых организмов вещества просачиваются в воду.

Один из руководителей Агентства по охране окружающей среды, Мэттисон, вынужден был признать, что в послевоенные годы министерство обороны США создало близ Атлантического и Тихоокеанского побережий страны 30 ядерных свалок. Проведенные в последнее время исследования показали, что по меньшей мере каждый четвертый контейнер на этих свалках дал течь и опасные для живых организмов вещества просачиваются в воду.

...В 1959 году от американских берегов вышла в Атлантический океан большая баржа. Она везла ядерный реактор с экспериментальной подводной лодкой «Сивулф». Когда глубина за бортом достигла 2730 метров, люди с баржи перешли на сопровождавшее ее военное судно, а сама баржа вместе с реактором пошла через несколько минут ко дну. Так был выполнен еще один секретный приказ Пентагона.

Спустя много лет военное ведомство США отдало другой приказ — начать поиски затопленного реактора с «Сивулфом». Командование военно-морских сил США отказывается сообщить журналистам, было ли изъято из реактора радиоактивное топливо и зачем понадобилось спустя столько лет разыскивать баржу с ядерным грузом. Поиски реактора, окруженные плотной завесой секретности, пока так и не дали никаких результатов.

Ушедший под воду ядерный реактор с «Сивулфом» является, как указывала газета «Бостон глоб», крупнейшим в мире сознательно затопленным радиоактивным объектом.

Но не только в качестве гигантской радиоактивной свалки используется Западом зона Мирового океана,

занимающая более 70 процентов поверхности планеты. Еще несколько десятилетий назад она была превращена в гигантский испытательный атомный полигон США и их союзников по НАТО.

Ядерное «освоение» Мирового океана началось с маленького тихоокеанского атолла Бикини, входящего в группу Маршалловых островов. В один из январских дней 1946 года над Бикини возник чудовищный огненный шар. Это был первый ядерный взрыв после окончания второй мировой войны. По мощности он соответствовал хиросимскому. А 1 марта 1954 года Пентагон взорвал на этом же атолле устройство, мощность которого—15 мегатонн—почти в тысячу раз превышала силу атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Около 500 коренных жителей Бикини были перевезены накануне эксперимента на близлежащие острова Ронгелап и Кили. Однако население других островов, расположенных в центральной части Тихого океана, не было даже предупреждено американским военным командованием о готовящемся взрыве. По мнению ученых и политических наблюдателей, Пентагону это понадобилось для того, чтобы «на живом примере» проследить, как ведут себя флора и фауна после «ядерного нападения». Лишь на третий день после взрыва водородной бомбы жители островов Ронгелап и Утирик, находящихся в 190 километрах от Бикини, были эвакуированы на одну из тихоокеанских военных баз США.

Нас жизнь ведет от неудач
к исчезновению сомнений.
Сбиваться с этого пути
и на короткий час опасно.
Как нам детей своих спасти?
Как не стубить
наш мир напрасно?

4
А вы заметили, что громче
сегодня музыка звучит?
Она порой пугает ночью,
когда в окно мое стучит.
А я шепчу ей: «Успокойся,
и завтра будет день опять».
Она в ответ грохочет: «Бойся!
Опасно жить! Опасно спать!»
И в песне крики—от испуга?
А барабаны глушат страх?
Когда не слушают друг друга,
горят доверья на кострах...

5

Кто не любит
предрассветной раны
уходить в зеленые леса?
Нам заря назначила свиданье,
вот уже теплееют небеса,
согреваясь первыми лучами.
Удивит один особый миг.
Он, не распрошавшийся
с ночами,
утреннею песнею возник.
Сразу же, послушные приказу,
оживают сонные леса,
и певцы, не видимые глазу,
пробуют спросонок голоса.
Звуки отогрелись и воскресли,
порвались тумана пелена.
Как нужна
для звонкой
лтической песни
добрая ночной тишина!

6

Но есть другая тишина—
сосредоточенности полной.
И увлекает вдали она
дорогой старой, но не торной.
Всегда у этой тишины
неровный почек вдохновеня,
и только ей разрешены
неповторимые мгновенья.
Я—тишина.
Мертвый холод во мне.
Слушайте, слушайте, люди!
Страшно
быть с вечностью наедине...
Вы преступления судьи—
ведь миллионы остались во мне!
Вспомните прошлое, люди!
Помните, люди! Планета жива!
Прощай о жизни земля и трава,
просит ребенок, родившийся едва:
думайте, думайте, люди!

Японский журналист Тэцуо Мазда, неоднократно посещавший Ронгелап и Утирик и собравший много документальных свидетельств и показаний самих островитян, рассказал о трагических последствиях «водородной атаки» в своей книге «Жертвы, о которых умалчивают». Все жители этих двух островков, пишет Мазда, получили значительную дозу радиации, но им не было оказано никакой медицинской помощи. Впоследствии большинство из этих «подопытных ядерных кроликов» заболело лейкемией. У 33 из 82 полинезийских обитателей Ронгелапа было обнаружено нарушение функций щитовидной железы, что, по заключению врачей, может вызывать раковые заболевания. У 41 процента матерей на Ронгелапе и Утирике дети рождались мертвыми, а выжившие становились на всю жизнь калеками. 46 островитян уже умерли. «После взрыва скончался каждый пятый»,— рассказывали полинезийцы.

Ядерные испытания в Тихом океане проводила также Англия. Начиная с 1957 года она осуществила серию ядерных взрывов на острове Рождества. На атолле Муруроа в южной части Тихого океана до сих пор проводят испытания атомного оружия Франция. По сообщениям иностранной печати, в сентябре 1979 года у южных берегов Африки, на стыке Атлантического океана с Индийским, взорвали совместное ядерное устройство Израиль и Южно-Африканская Республика.

Кому неизвестно, что войны испокон веков были неизменным спутником истории европейского континента? Статистика подвела мрачный итог: в войнах XVII века в Европе погибло 3 миллиона человек; войны XVIII века унесли 5 миллионов жизней; число военных жертв в XIX веке—6 миллионов.

Потом наступил век XX...

Первая мировая война 1914—1918 годов—10 миллионов погибших. Вторая мировая война 1939—1945 годов—50 миллионов человеческих жизней, в том числе 20 миллионов жизней советских людей.

Европа была и главным действующим лицом и основным полем боя двух мировых войн. Сегодня стратеги Пентагона планируют превращение Европы

в театр военных действий третьей мировой войны. Именно так с самого начала расценили намерения Вашингтона разместить в Европе ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты трезвомыслие политики Запада, военные эксперты, специалисты по современной ракетной технике. Осознав опасность, поднялись на беспрецедентную по масштабам и накалу борьбу против американских планов народы европейских стран. «ЛУЧШЕ БЫТЬ АКТИВНЫМИ СЕГОДНЯ, ЧЕМ РАДИОАКТИВНЫМИ ЗАВТРА»—один из популярных в Западной Европе лозунгов антиатомного движения, охватившего многомиллионные массы.

Характерно, что в этом движении видную роль играют военные, еще вчера занимавшие ответственные посты в НАТО. Вот что, например, заявил генерал Нино Пасти, сенатор Италийской Республики, бывший заместитель верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО по ядерным вопросам:

«В Америке бытует интересное выражение, в котором Европа фигурирует как «предмет одноразового пользования», то есть такой, которым пользуются с определенной целью, как, например, патроном для винтовки. Винтовка, то есть в данном случае США, остается целой, а патрон—европейское пушечное мясо—на войне идет в расход. В случае войны Соединенным Штатам гораздо выгоднее гибель Европы, если это поможет им добиться такой важной цели, как уничтожение Советского Союза...»

созданию и размещению в космическом пространстве ракетного и лазерного оружия, в том числе проекты с применением космических кораблей многоразового использования системы «Шаттл».

Короче говоря, по разумению вашингтонских стратегов, все, что окружает человечество—земля, вода, воздух, а теперь и межпланетное пространство,—должно стать ареной «решающей схватки», то есть ядерной войны с «мировым оплотом коммунизма»—Советским Союзом.

...Сэнди Ямагути 38 лет назад избежал смерти. Ему было 14 лет, когда на его родной город Нагасаки была сброшена атомная бомба. От удара взрывной волны он потерял сознание, а когда пришел в себя, почувствовал во всем теле нестерпимую боль. От мощного радиоактивного облучения обгорело более 50 процентов поверхности тела.

Увечья и раны от того страшного взрыва дают о себе знать и сейчас, когда Сэнди Ямагути перевалил за 50. Чудом оставшись в живых, но сделавшись на всю жизнь калекой, он оказался одним из 370 тысяч «хибакус»—так в Японии называют людей, уцелевших во время ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

С юности у Сэнди была мечта стать механиком. Он поступил в техническое училище в Нагасаки, но из-за своих физических недостатков и болезней, связанных с атомным облучением, проучился в нем целых десять лет вместо трех обычных. Устроиться после училища на работу оказалось невозможно. «Никто не хотел брать меня,—вспоминал потом Ямагути.—Всюду чиновники по найму рабочей силы осторожно намекали или говорили прямо, что я не подхожу по физическим данным».

В 1956 году Ямагути был в числе тех, кто создал Ассоциацию жертв атомной бомбы. Этой организации он по сей день отдает все свое время и силы. Летом 1982 года «хибакус» Сэнди Ямагути, отец двух приемных детей, был приглашен на вторую специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. В Нью-Йорк, где проходила сессия, его направила Коалиция антиядерных организаций Японии, собравшая за первые шесть месяцев 1982 года 30 миллионов подписей под воззванием о запрещении и уничтожении ядерного оружия. Выступая с трибуны ООН перед представителями 157 стран, Ямагути рассказал о своей горькой доле, в которой, как в капле воды, отразилась судьба сотен тысяч его соотечественников. Атомные удары Америки по двум японским городам не только вызвали многочисленные жертвы среди населения, не только превратили сотни тысяч людей в инвалидов. Эта варварская акция, сказал Сэнди Ямагути, будет еще долго висеть черной тенью над судьбой детей, внуков и правнуков нынешних «хибакус».

От имени всех уцелевших жертв атомного геноцида он заявил, что использование ядерного оружия является «величайшим преступлением против всего человечества».

...Вечером 15 июля 1945 года над полигоном «Аламогордо», где все было готово для осуществления первого в истории атомного взрыва, неожиданно разразилась гроза. Гроза была дикая, с жутким ветром, градом и подобным водопаду ливнем. «Ла хорнада дель мурто»—«дорогу мертвых»—всю ночь будто кто-то обстреливал из тысяч орудий, и ослепительные вспышки до самого утра беспрерывно разламывали грохочущую темноту. Казалось, природа восстала против задуманного страшного эксперимента.

Спустя десятилетия после той грозовой ночи на американском полигоне под Лос-Аламосом в атомной истории человечества изменилось многое.

На Земле не только созданы огромные ядерные арсеналы, но и возникло огромное, непреодолимое стремление у миллионов людей уничтожить эти арсеналы, навеки похоронить всякие возможности развязывания и ведения ядерной войны. И в этом главное знание нашего времени.

Люди, еще вчера далекие от политики, сегодня осознают: пока гонка ядерных вооружений не приведет к мировому пожару, пока ядерные тучи, гущающиеся над планетой, не разрядятся громом всеунижающей войны, пока не поздно, надо решительно действовать, чтобы сохранить самое ценное, что есть на земле,—мир, иначе говоря, жизнь. К этому призывают, во имя этого неустанно работают народы Советского Союза, социалистического содружества, наши партии и правительства.

Во всех странах Земли были услышаны слова Генерального секретаря ЦК КПСС, руководителя Советского государства Ю. В. Андропова: «Советский Союз со всей определенностью и твердостью заявляет, что он остается приверженным принципиальному курсу на прекращение гонки вооружений, прежде всего ядерных, на уменьшение и в конечном итоге полное устранение угрозы ядерной войны».

Да, пока еще не поздно. У человечества еще есть время свернуть с «дороги мертвых».

УСКОРЕНИЕ

Завершается третий год одиннадцатой пятилетки. Прожит насыщенный, многому научивший, многим обогативший нас этап жизни.

Каким он останется в нашей памяти? Чем запомнится? Наверняка, прежде всего делом, работой, творчеством.

Вводились в строй новые предприятия и цехи во всех областях и краях, благоустраивались города Севера и села Нечерноземья. В стране развернулось социалистическое соревнование за увеличение производства высококачественных товаров народного потребления. Сделаны крупные шаги в осуществлении Продовольственной программы СССР, уже заметно сказавшиеся на обеспечении населения страны продуктами питания. Продвинулись вперед базовые отрасли тяжелой индустрии, наращивается добыча нефти и газа. Развиваются отрасли, определяющие научно-технический прогресс. Существенные сдвиги произошли в других сферах народного хозяйства. Сколько адресов трудового подвига!

Но в том-то и отличительная черта завершающегося года, что хорошо потрудились не только передовики.

Общий объем промышленного производства уже в ноябре увеличился по сравнению с десятью месяцами прошлого года на 4,2 процента. Производительность труда в промышленности за соответствующий период возросла на 3,6 процента. И прежде всего — за счет укрепления дисциплины, сокращения потерь рабочего времени.

Нам пытались помешать из-за рубежа, но мы построили и досрочно ввели в действие магистральный газопровод Уренгой — Помары — Ужгород. Достижение выдающееся.

История планеты еще не знала таких темпов строительства.

Задолго до конца года стали поступать сообщения о досрочном его завершении лучшими трудовыми коллективами страны.

Социалистические обязательства трех лет пятилетки комсомольско-молодежное монтажное управление № 1 производственного объединения «Сибкомплектмонтаж» выполнило к 65-летию со дня рождения Ленинского комсомола.

По рекордным графикам работал молодежный коллектив буровиков В. Сидоренко из Сургута. В ноябре первой среди проходческих коллективов шахты имени Ленинского комсомола Украины выполнила годовой план молодежная бригада А. Путри...

Всего не перечислишь. Комсомол был в авангарде всех дел.

Это традиция. Это образ жизни советской молодежи, ее нравственное кредо.

Завершение года — всегда подведение итогов, анализ допущенных ошибок, поиск путей их преодоления.

И здесь всем нам необходимо обратить особое внимание на дальнейшее развитие бригадной организации труда, работу на единый наряд. Сейчас это одна из важнейших задач комсомола. Не только потому, что бригадам по силам производственные задачи, с которыми не справляются одиночки. А потому, что в бригадах молодой труженик проходит настоящую школу колLECTIVизма. Главным принципом его жизни становится принцип товарищества. В нем выпрямляется чувство хозяина. И уже не индивидуальными наскоками на бесхозяйственность и непорядок занимается он, а участвует в коллективном управлении большим делом, привыкая мыслить масштабами государственными. Как показывает жизнь, человек бригадный — человек более надежный, нравственно устойчивый.

Как бы ни были серьезны и масштабны дела сегодняшние, мы были обязаны думать о дне завтрашнем.

О нашей рабочей смене, в которой мы прежде всего хотим видеть трудовую добросовестность, готовность принять на себя заботы страны. И потому развернулась повсюду на основе указаний июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС продуманная подготовка к реформе общеобразовательной школы и системы профессионально-технического обучения. Главный смысл ее в том, чтобы приблизить молодых к труду. Труду, приносящему конкретную пользу людям, налагающему ответственность и предоставляемому права. Дающему возможность прочувствовать истинную цену хлебу, заработанному рублю.

У нас принято судить о человеке по его труду.

Он высшее мерило личного достоинства и общественного престижа личности. Этот принцип должен ставиться во главу угла всей воспитательной работы комсомола. И еще раз, может быть, более глубоко осознали мы в этом году: не обойтись нам здесь без нравственного опыта ветеранов. Опыта, живущего в славных делах молодых тружеников наших дней.

Завершается третий год пятилетки. Нам есть чем гордиться, есть о чем задуматься. Каждый должен отчитаться перед собой, своей совестью. Честно ответить на вопрос: а все ли я сделал, что мог? Может, я могу больше? А если могу, то почему не сделал? Вот вопросы, вот позиция, действительно достойные человека наших дней, сознавшего свое место в жизни.

Темпы пятилетки высоки. Дело чести каждого комсомольца работать, наращивая их. Этим мы были и будем сильны.

Овидий ЛЮБОВИКОВ

Yпоэта, лауреата Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького Леонида Решетникова есть давние стихи, написанные в 1942 году в Подмосковье. Вот заключительная строка этого стихотворения:

Если скажет кто:
«Переплатили
Здесь за клок
неудобных полей»,—
Ты ответь,
что у нас не любили
Торговать
с Отчизной своей.

Прочитал однажды эти строки на встрече в молодежном общежитии и вскоре получил такую записку: «А не идеализируют ли писатели воинов вообще и защитников Москвы в частности?» Надо было отвечать. Сначала привел один документ — протокол партийного собрания коммунистов московского завода. Состоялось собрание в грозные дни октября сорок первого года. «Слушали, — говорилось в протоколе, — о защите Москвы от фашистских захватчиков. Постановили: защищать Москву ценою собственной жизни». И подписи: председатель собрания, секретарь сбранния.

Так разве нуждаются в идеализации эти люди, которые назавтра после собрания?

наверняка прочитавшие о войне, если не все согласились, то задумались, и не столько слухом и зрением, сколько своим сердцем попытались услышать раскаты боя на том рубеже и увидеть встающую на дыбы землю.

«Не любили торговаться с Отчизной своей» в те огненные годы не только солдаты на фронте, но и те, кто в тылу, выбиваясь из сил, ковал оружие возмездия и Победы, кормильцы армии.

В музее уральского завода увидел однажды старую фотографию. Запечатлены были на ней передовики производства на приеме у директора завода. За длинным столом — усталые, исхудавшие, в телогрейках с отцовского плеча мальчишки 13—16 лет. Перед каждым из них — банка компота, все, чем мог тогда отблагодарить директор своих помощников, свою опору за бессонный, изнурительный труд.

Мой давний знакомый, директор крупного предприятия, один из тех, кому раньше, чем паспорт, была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», как-то признался: «Все военные годы два желания у меня были: вдоволь поспать и досыпать поесть».

В сумерках по затемненному городу он и его сверстники торопились на завод к своим станкам. Они еще ростом не вышли и, чтобы дотянуться до рукавов, подставляли к станку деревянные ящики. Случалось, что и спали в цехе, по несколько суток не возвращались домой.

Сегодня у солдат Великой Отече-

РУКОПО

Честь и слава тем, кто осваивает необжитые земли и поднимает города на безлюдных берегах. Низкий поклон и тем, кто изо дня в день встает к своему станку, берет в свои крепкие руки штурвал комбайна. Стать настоящими мастерами им всегда готовы помочь люди опытные, те, кого мы уважительно зовем наставниками.

Воспитание начинается с уважения. Только на этом фундаменте воздвигаются крепкие педагогические постройки. Подростки нуждаются в признании их человеческого достоинства. Нужно найти то зернышко, что есть в каждом, и умело вырастить его.

рания стали в ряды ополченцев, отстояли столицу и далеко не все вернулись на свой родной завод после Победы? И еще сказал о том, что сегодня молодым людям трудно до конца понять, какая страшная опасность нависла над Москвой, над всей Родиной в сорок первом году.

Слушатели насторожились, видел по лицам, что некоторые готовы ринуться в спор. И, предупреждая возражения, рассказал о памятнике защитникам столицы, установленном на двадцать третьем километре Ленинградского шоссе. По обеим сторонам шоссе ощетинились противотанковые ежи. Бетонные ежи, внушительнее тех, сделанных из рельсов, которые разбрасывали на танконосных направлениях. На этом самом рубеже стояли насмерть наши воины и преградили фашистам путь к столице. Больше тысячи километров прошли захватчики с огнем и мечом по нашей земле. Осталось всего ничего до Москвы. Был определен день парада фашистских войск на Красной площади, назначен командующий парадом и отпечатаны пропуска. Но от этого рубежа покатились разбойничьи орды вспять и до Берлина.

Теперь подумайте, сказал, обращаясь к слушателям, под силу ли вам, как тому солдату в мерзлом окопе, за спиной которого была Москва, понять до последней точки, всем своим существом и смертельную опасность и проникнуться его тревогой за судьбу Москвы, за судьбу Родины?

Спора не было. Молодые рабочие, много, безусловно, слышавшие и много

стремлены и у тех, кто в заводских цехах и на хлебных полях напряженно и беззаботно трудился, седые головы. За плечами у них — огромный житейский опыт, честно и достойно пройденный путь гражданина и патриота. Об этом опыте, как о государственном богатстве, говорил Ю. В. Андропов на встрече с ветеранами партии.

Это отступление в далекие огненные годы продиктовано не только желанием еще и еще раз сказать о том, что военное поколение — а ряды его год от года редеют — исполнило свой долг как надо. Не менее важно и другое: всем и каждому проникнуться сознанием того, что их жизнь — наше бесценное наследство; обращаясь к нему, словно припадая к животворному источнику, растут, мужают и выходят в люди дети и внуки ветеранов.

Может быть, иной читатель подумает, что автор поднимает военное поколение над другими, утверждает его исключительность. Да нет, конечно. Трижды нет!

За окольцем села Верхнеленска, на старом кладбище, похоронен один из первых русских марксистов, Николай Евграфович Федосеев. Когда в Иркутской области проходили Дни советской литературы, мы, писатели, пришли к его могиле, поклонились человеку, которого любил и ценил В. И. Ленин.

«Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению». Эти ленинские слова начертаны на постаменте памятника.

Известен и такой факт истинного товарищества и высокого уважения Ленина к нашему земляку: Владимир Ильич специально приезжал во Владимир, чтобы встретиться с Федосеевым. Встреча не состоялась только потому, что Федосеева в тот день из тюрьмы не выпустили.

Короткая, яркой вспышке подобная жизнь Н. Е. Федосеева героична от начала до конца. Меня в ней особенно восхищает такой факт. Еще совсем юношей Федосеев уверовал в преобразующую силу марксистской теории классовой борьбы. Это сегодня старшеклассники могут обстоятельно разъяснить, в чем состоят заблуждения народников и почему террор не может быть оружием борьбы за светлое будущее. А в те годы, когда одни «шли в народ», заведомо обрекая себя на лишения, а другие метали самодельные бомбы под царскую карету и шли на эшафот, в те годы мужество и самопожертвование народников и народовольцев не могли не увлечь молодых, революционно настроенных людей. Тем удивительнее мудрость и прозорливость юноши Федосеева.

Далеко в краю иркутском пришли на память ленинские слова: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем...»

Читая и перечитывая заново страницы великой жизни, нам, шагнувшим в

и закаленная ленинская партия. А в самом начале революционного пути все-таки «тесная кучка» занесла руку на, казалось бы, твердыню непоколебимую, решила ниспровергнуть устои вековые. Так пусть сегодня и навсегда в наших сердцах и в сердцах благодарных потомков не меркнет огонь восхищения подвигом самых первых! И будем учиться у них не только мужеству и верности революционным идеалам, но и высокому чувству товарищества.

«Он к товарищу милел людскою лаской. Он к врагу вставал железа тверже». Когда писались эти строки, были живы многие соратники Владимира Ильича. И, воссоздавая образ великого человека, поэт, конечно, понимал, что он — образ — не будет полным, если не сказать, не передать ленинскую человечность, его отношение к товарищам по оружию.

В каждом письме из петербургской тюрьмы на волю Ленин передавал поручения: к такому-то заключенному никто не ходит на свидание, надо подыскать ему «невесту»; другому нужны теплые сапоги; третьему — книги. В сибирской ссылке он едет за много верст, чтобы навестить, ободрить заболевшего товарища... Уже после революции он строго выговаривает тем товарищам, которые работали на износ, не дорожили «казенным имуществом», так в шутку называл он здоровье.

И — железная твердость, принципиальная прямота к тем, кто когда-то шел рядом, а потом не просто оступился, а поступился интересами партии, идеала-

Фото Павла МАКСИМОВА

ЖАТИЕ ПОКОЛЕНИЙ

восьмидесятые годы XX столетия, совсем не просто, а может быть, даже невозможно представить, как неизмеримо труден был этот путь. Да, труден, ибо был он неизведен и каждый шаг на нем был первым шагом. Да, он был обрывист, ибо сильный и коварный враг противостоял ленинцам, и каждую пядь брали с боем и оплачивали большой кровью.

В сквере, неподалеку от того места, где еще недавно в летнее время действовал передвижной цирк, установлен памятник Степану Халтурину. Создан он много лет назад, кажется, к пятой годовщине Великого Октября. Памятник этот, на мой взгляд, точно передает то далекое время, когда он, рабочий-революционер, вышел «на бой кровавый, святой и правый». Еще не развернуто знамя, а ниспадает вдоль древка у правого плеча. Но рука призывающе вскинута. Но нога в тяжелом рабочем сапоге уже сделала твердый шаг вперед, и взгляд устремлен в неизведенное — тревожное и счастливое.

Понимаю, как рискованы, а подчас неоправданны исторические параллели. И тем не менее всякий раз, как обращаюсь к документам той далекой поры, одолевают вот какие мысли. На долю нашего народа выпало немало испытаний. Самое грозное из них — Великая Отечественная война. Но в том сорок первом нас было много — сто семьдесят миллионов. Мы были едини, и когда грянул тревожный набат, встали как один, плечо к плечу, от края и до края. Наконец, сплачивая, вдохновляя, организуя народ, была во главе мудрая

ми революционной борьбы. Когда Каменев и Зиновьев выдали план восстания, Владимир Ильич обращается с письмом к членам партии большевиков: «Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал бы колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед Ц. К. и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии».

У каждого из детей Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых была своя библиотечка. Среди книг в комнате Владимира Ильича и сегодня хранится «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя. И когда два года назад стоял на пороге этой комнаты и увидел гоголевский томик, вспомнились слова старого запорожца: «Нет уз святыи товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любят и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищ».

Читал эти строки юный Володя Ульянов, и наверняка остались они на всю жизнь в его цепкой памяти, ибо всегда и везде не было для него «уз святыи товарищества».

В день Великого Октября на праздничной трибуне с особым уважением смотрю на ветеранов партии. Год от года уже их круг — скоротечное время неумолимо. Всегда восхищает трогательная их забота друг о друге. Пони-

маю, конечно, что когда-то они жили и боролись далеко один от другого и в то же время всегда они были рядом, в одном строю. Огнем и мечом испытывал враг крепость их товарищества, а суровое время закаляло голодом и холодом. Самые счастливые из них видели и слышали Ильича. И пусть немногое сохранила память, но стоит закрыть глаза, и встанет над площадью Финляндского вокзала Ленин, не изваянный из металла, встанет Ленин живой.

Это о них — много видевших и много сделавших — отличные строки поэта Я. Смелякова:

Приостановится движенье,
и просто худо будет нам,
когда исчезнет уваженье
к таким, как эти, старикам.

Сегодня молодежь знает, наверное, больше, чем думают порой о ней старшие. И все-таки, так мне кажется, сегодня молодые люди знают чуть меньше, чем иногда о себе полагают. Ибо сказано не в бровь, а в глаз: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Нет, пусть никогда дети и внуки не увидят того, что довелось увидеть их, как подчас называют юнцы, предкам. Но понимать это каждому юноше, «обдумывающему житье», необходимо, и прежде всего ради себя самого, ежели есть у него стремление с честью исполнить высокую должность — быть человеком на земле.

Да, старшие имеют право быть взыскательными к тем, кто идет за ними, ибо во все времена они были истово взыскательны к себе. Не только «не любили торговаться с Отчизной своей», а пре-

выше всего ставили и ставят заботу о благе народа и нашего великого государства.

Взыскательность эта определяется и тем, что им, людям старшего поколения, хочется, чтобы молодежь во всех отношениях не только не уступала, но была лучше их самих. Если же отец или мать чрезмерно пекутся о том, чтобы их детям жилось легче, то горькими бывают плоды подобной заботы.

Когда в 1979 году в Даровском районе Кировской области началось движение выпускников средних школ: с аттестатом зрелости — на поля и фермы, то поперек этого движения стали некоторые родители. Не раз приходилось слышать от работников райкома партии, что дети были куда сговорчивее, понятливее, чем иные папаши и мамаши.

Вроде бы благое намерение движет в этих случаях родителями: пусть дети не испытывают тех трудностей и огорчений, которые выпали на нашу долю. Но забывают они при этом, что нет на земле легкого счастья, что только на трудных, крутых дорогах может его обрести человек.

Испытать и проверить себя, обрести и закалить характер нельзя за широкой родительской спиной. Иное дело — в трудную минуту опереться на надежное отцовское плечо или услышать сердечное материнское слово.

«День наш тем и хорош, что труден...» — утверждал Владимир Маяковский в поэме «Хорошо!». Утверждение это и в наши дни своего значения не утратило. Да, иные масштабы, высоты иные. Но день сегодняшний и день

грядущий не обещают нам легкой жизни. Несколько лет тому назад был в гостях у зенитчиков, у тех, кто охраняет небо над нами и мир на нашей земле. Приехал в часть под вечер. Многие воины отыхали. На волейбольной площадке кипело сражение. В красном уголке солдаты играли в шахматы, писали письма. Но ретиво топорщили хвосты ракеты под защитными сетками. Но напряженно всматривались в мигающие экраны дежурных операторов.

Майор, командир части, несколько раз во время разговора повторил: «Вот так и служим, мирная жизнь...» А когда стали прощаться, я заметил, что у молодого майора совсем седая голова. Такая она, мирная жизнь.

Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет... Жалею я этого умника, ибо на своем, им избранном кружном пути он может потерять друзей-товарищей, останется в одиночестве. Видел когда-то в нашем Заречном парке две лыжи. Бежали они рядом, подумал: вот шли бок о бок закадычные друзья. Круто поднялась впереди не очень большая, но горка. И одна лыжня решительно устремилась на подъем, а другая вильнула в сторону, в обход горы. Встретятся ли они снова, сойдутся ли за подъемом?

«Не может не вызывать беспокойства,— говорил Ю. В. Андропов,— и опасный грибок мещанства, проникающий в молодежную среду».

В связи с этим мне вспомнилось выступление замечательного прозаика Чингиза Айтматова на последнем Всесоюзном съезде писателей. Повышение благосостояния, говорил он, породило у некоторых людей страсть к накопительству. Ребенок из такой семьи имеет свои мерки человеческого авторитета. Он смотрит на школьного учителя глазами своих родителей: а есть ли у него машина и цветной телевизор, а как одевается учитель, что на нем — импорт или ширпотреб. «Учитель,— сказал Айтматов,— первым принимает на себя этот удар бездуховности, атака мещанства идет здесь изо дня в день, и ему не сдержать ее, если не поднимется на помощь вся культурная общественность».

Так пусть джинсы остаются джинсами, то бишь штанами. И пусть каждый желающий имеет возможность завести самые что ни на есть модные. Об этом в конце концов должны серьезно позаботиться и наша промышленность и наша торговля. Но пусть они — джинсы — не застянут свет в окне. Иначе можно забрести в непроходимые дебри дремучего мещанства.

На литературном вечере в городе Горьком мне пришлось однажды выступать с засланным артистом республики Яковом Смоленским. Когда он объявил, что будет читать стихи Пушкина, молодой человек, развалившийся в первом ряду, небрежно забросивший ногу на ногу в до белизны истертых джинсах, снисходительно произнес: «Знаем, проходили». Смоленский глянул на «знатока поэзии» и сказал: «Да, проходили. Мимо проходили».

С тревогой думаю о тех, кто в своей жизни пройдет мимо Пушкина, Толстого, Маяковского, Твардовского. Очень может быть, что скроет он свои дни благополучно и даже пристойно. Но сам себя неправильно обрадует. На обочине его дорожки останутся великие духовные ценности, живительные источники нравственной красоты.

Мудрый человек однажды сказал: я не верю, что может стать подлецом тот, кто с детства знает наизусть пушкинского «Пророка» и лермонтовский «Парус». Конечно, к великому сожалению, бывает и так, что вырастают в людей не очень приятных во всех отношениях те, кто знает наизусть эти великие произведения. И там не менее, какая неистребимая вера в силу высоких творений человеческого гения!

Спора нет: сто путей и сто дорог распахнуты перед каждым молодым че-

ловеком. Но понятие «большая дорога» вовсе не значит дорога длинная, величина которой измеряется числом километров. Честь и слава тем, кто отправляется в далекие края, осваивает необжитые земли и поднимает города на безлюдных берегах. Но низкий поклон и тем, чья жизненная дорога всего-навсего от городского дома до родного завода, от сельского пятистенка до фермы. Поклон тем, кто из дня в день, из года в год встает к своему станку, берет в крепкие, умелые руки штурвал комбайна. А стать настоящим мастером ему всегда готовы помочь люди опытные, все знающие и все умеющие, те, кого мы уважительно зовем наставники.

Около десяти лет назад, когда кировские литераторы впервые встречались с механизаторами зерноводческого звена Героя Социалистического Труда Петра Николаевича Кожемякина, был на этой встрече совсем зеленый паренек Юрий Брызгалов. Он во время долгого разговора ни слова не произнес. Сегодня Юрий Брызгалов — один из лучших механизаторов Немского района да и в областном соревновании серьезно соперничает с людьми куда более опытными. Вырос человек в большого мастера, вырос, опираясь на опыт и знания, ежечасно ощущая поддержку своего отличного звеньевого — Петра Николаевича Кожемякина.

Что греха таить, старые люди бывают иногда без нужды ворчливы. Забывают при этом, что в далекие годы своего детства и своей юности вытворяли порой такое!..

Когда в летнюю пору через Вятку возводили понтонный мост, увидел однажды, как прыгали с этого моста в воду юные купальщики. Их, понятно, прогоняли, но они раз за разом незаметно прокрадывались — и снова в реку. Пожилые люди на берегу не без оснований ворчали: «Вот молодежь пошла!» А я вспомнил, как много-много лет назад вместе со своим закадычным другом вот так же сигал с моста в воду. Взобравшись на перила, мы с замиранием сердца ожидали, когда приблизится к нам разгневанный понтонный страж, замахнется метлой, и только потом прыгали.

Вспомнил о давнем с единственной целью: полезно и седоволосым людям возвращаться в свое детство, чтобы осознать: и они росли отнюдь не паиньками. Спрашивать и с себя по большому счету.

...Неподалеку от дома, где живу, снесли несколько старых строений. Потом появился экскаватор, начал рвать котлован. Обычная картина начала стройки. И мы, привыкшие к подобному, проходили мимо, не обращая внимания. Но однажды, уже глубокой осенью, заметил мальчугана. На спине его был ранец,шел, видимо, из школы. Нос покраснел, ноги, похоже, закоченели от долгого стояния, он постукивал ими. Но, не отрывая глаз, смотрел мальчуган за действиями машиниста. Вот стрела вскинула ковш, точно развернулась, ковш врезался в землю. Снова вскинулась стрела, выверенный разворот — и из распахнутой железной пасти сыплется грунт в кузов автомашины. Показалось мне тогда, что этот мальчуган испытывал прекрасное чувство, которое можно так определить: очарование труда.

Нет, совсем не обязательно решит он отныне стать экскаваторщиком. Но как важно, чтобы мальчуган никогда не утратил, не расплескал по пути это чувство — очарование труда. Зависит это от него самого, от тех, кто рядом с ним, — и друзей и старших, умудренных опытом, большую жизненную школу прошедших людей. Вот тогда не одолеет его желание «торговатьсь с Отчиной своей». И если убережет он свою честь смолоду, быть ему настоящим человеком, достойным ратного и трудового подвига старших, гражданином нашего Отечества.

Элла ЩЕРБАНЕНКО

Солько доводилось бывать в самых разных училищах, всегда бросалось в глаза: неполадки, неприятности обычно повторялись лишь в какой-то степени. А вот хорошие училища, как правило, очень похожи друг на друга. То есть если у тех, где дела идут неважно, у каждого свой набор бед, то хорошие не то чтобы совсем братья, но главные черты определенно одни.

И вот в очередной раз побывав в ПТУ, где особенно удивляешься живучести расхожей логики, — помните: мол, раз ничего из тебя не вышло, иди в ПТУ, — захотелось вычислить слагаемые успеха его работы, поименовать их. Чтобы уже прочно установить общие для лучших наших училищ черты.

Так с чего же здесь все начинается? Как и положено — с самого начала:

«Поощрение — мать учения»

— Вот там, если желаете, мы разводим костер и сжигаем на нем все безраздостные ваши характеристики, — сказал

директор и показал рукой на чистое поле, со всех сторон окружавшее училище.

То есть можете писать биографию заново, а для этого чистое поле — материал самый что ни есть подходящий.

Воспитание начинается с традиций, считают в московском ПТУ-180. Когда они существуют, значительно легче работать. На что-то уже не надо тратить силы, что-то срабатывает автоматически. Костер — можно натурально, а можно условно — среди первых. Безрадостное (у некоторых), не очень радостное (у большинства) прошлое учеников для педагогов ПТУ-180 означает прежде всего, что ребята соскучились по хорошим словам.

Следовательно, это первое, что они должны получить в училище, — сказал на первом педсовете Владимир Сергеевич Филиппов, Герой Социалистического Труда, директор училища. — Поощрение — мать учения.

Поскольку сомневающихся было немного, договорились и сообщили ребятам: ни одного выговора в этом, первом, году не будет.

Может показаться даже, перебирают здесь в поощрениях — сплошные грамоты, подарки, благодарственные письма. Пусть даже и так, ответят вам, но лучше перебрать в поощрении, чем в наказании. И еще здесь считают: каждый человек хочет стать лучше. Надо только помочь ему. Не вышло раз — возможность остается за тобой.

Воспитание начинается с уважения. Только на этом фундаменте воздвигаются крепкие педагогические постройки. Ребята обостренно чутки на отношения к себе, они спрашивают полной мерой и так же платят в ответ. Давно, еще в начале своей педагогической деятельности, Филиппов, комментируя однажды проступок своего ученика, назвал его — прямо скажем, по заслугам — обормотом. И услышал: «Ты

сам обормот». В другой аудитории, может, и промолчали бы, а эти не побоятся — ответят.

С тех пор вот уже несколько десятилетий Филиппов называет ребят лишь по именам. Обратился по фамилии — думай, в чем виноват.

Но это так, внешнее: отношения по форме. Ребята гораздо больше нуждаются в другом уважении — по сути, в признании их человеческого достоинства. И сколько бы мы ни говорили о том, что пятибалльная система оценки знаний не должна быть единственным эквивалентом состоятельности парня, оценивали его в школе все-таки чаще так: отличник — значит отличный, плохо учится — значит плохой.

В ПТУ не все зациклено на оценке, тетради, среднем балле. Взгляд здесь как бы посвободней, пошире. Ну и что, если у тебя тройка, зато смотри, как у тебя все отлично выходит на практике. Да ты просто молодец! Здесь не заставляют человека с ходу потреблять знания, можно показать себя там, где не было возможности прежде себя проявить. Так, через профессию, постепенно перемещается центр тяжести в воспитании. И вот результат: «Я тоже могу! Я тоже не хуже других».

Не хочешь или не можешь через профессию, тоже не будем пока спешить. Играет, скажем, Леша Соломатин в ансамбле, да он, может, ради него и в ПТУ поступал — что ж, ты очень способен

ный парень, Леша. Боря Яшкин в спортивных соревнованиях победил — молодец, это ж авторитет нашего училища! Гена Шаврыгин ну до чего надежный человек, у кого еще в группе такой самостоятельный мужской характер?

В общем, найти то зернышко, что есть в каждом, и растиль его, затем не проглядеть ростки, а потом умело направить побеги...

И это не такая неподъемная задача, как может показаться. Автору этих строк неоднократно приходилось обращать внимание на то, что среди учащихся ПТУ немало мальчишек, отличившихся на пожаре, в схватке с нарушителями. Далеко за примером ходить не надо: здесь, в ПТУ-180, тоже свой герой — спас из проруби тонущую девочку. Это не совпадение, это показатель (не всегда верно оформленный) смелости, силы и т. д. Волевые мальчишки, которых множество в ПТУ — самые нужные в общем-то люди. И вовсе не верно «давать» в них эти качества, «править» в удобном для спокойной жизни направлении. Надо просто уметь использовать их, так сказать, в мирных целях. Ну, а это уже вопрос мастерства взрослых.

Мастер ли мастер?

Воспитание начинается с воспитателей. Владимир Сергеевич, творец, я бы сказала, афоризмов, говорит так: «Воспитание — это поединок, и, как всегда, побеждает сильнейший». Там, где проходит взросление, автоматически «победа» мальчишки. Ребята не виноваты в том, что запущены, нетрудолюбивы. Виноваты взрослые, которые были рядом. Значит, прежде всего — условие педагогов: за прошлое к ребятам — никаких претензий; и за настоящее — первый

счет к самим себе. Однако спрашивать с педагогов — дело нехитрое. Куда сложнее научить их «быть сильными», особенно молодых мастеров, которые сами недавно ходили в учениках.

Конфликт между «не научили» и «тренируют» — одна из самых распространенных причин, отчего, не найдя себя, не сработавшись, не сдружившись, молодой мастер начинает поглядывать на сторону. Мол, мне бы только срок отработать... Какова «работа» в этом случае, известно. Потому в ПТУ-180 традиция: первый год начинающий мастер проходит официальный «курс молодого бойца», когда все обязаны ему помогать, никто не ругает, премии не лишают и т. д. Учись, набирайся сил! А дальше — выплачивай аванс. Единственный показатель — динамика твоего педагогического мастерства. Не хочешь, не можешь — уходи, не мучь себя и других. Одного уволили, другой сам уйти додадался...

В общем, за пять лет существования училища сменилось здесь всего три мастера и ни одного педагога, что, прямо скажем, картина для ПТУ нетипичная. Не то чтобы сняты материальные и прочие причины ухода (условия здесь один к одному, как у всех). Просто «не хлебом единым...». Удивительно ладно и тепло в этом доме, педагогам в том числе. Подтверждение тому бросались в глаза постоянно. Как бы глубоко с мастерами мы ни забирались в разго-

Бедь в том-то и дело, что в училище преподавать проще. Ребята поровне, группы поменьше. А главное вот что: появляется у педагогов надежный помощник — профессия.

Добрая половина ребят приходит в ПТУ сама. Если не с убеждением в призвании, то по крайней мере с ощущением, что пришел сюда учиться делу, которое будет кормить всю жизнь. Ясное дело, учится в этом случае человек более заинтересован. Если... Вот тутто и начинается основное: если суметь доказать ему, что все здесь в непосредственной связи — физика, математика, токарное дело, успехи в классе и успехи за станком. В данном училище доказать это, видимо, удается. Судя по такому вот факту: из 690 учащихся — двенадцать отличников, сто человек учатся без троек, да и остальные отнюдь не круглые троекники. Невероящие скажут — «пониженная требовательность», что будет как раз неправдой: выпускники ПТУ-180 успешно конкурируют с прочими своими ровесниками на приемных экзаменах в вузы.

Воспитание начинается с пробуждения мысли. На этот режим настроено в училище все. Среди прочего в расписании регулярно еще один незнакомый прежде день — «День умопочитания». В переводе — день почитания ума, праздника знаний, наука в твоей профессии. Или... В общем, тем как раз и озабочены педагоги, чтобы в любой

«Самый мощный наш союзник — дело, работа, реальный труд», — формулирует свою педагогическую программу Ю.И. Баринов, заместитель директора по учебно-производственной работе. Между прочим, уроки из собственной жизни. Он-то знает, чем «взял» его, ученика, в свое время нынешний директор, а тогда мастер их группы Филиппов. Большинство из них, поначалу отнюдь не образцово-показательных парней, стали нынче толковыми,уважаемыми людьми. Потому что главное действие той «пьесы с превращениями» проходило не где-нибудь — в мастерской. Она центр жизни. Мастерская — точка отсчета. И сам «мастер» — от слова «мастерство». Педагогическое, разумеется, но прежде — рабочее. Мастер ПТУ, убеждены в ПТУ-180, прежде всего должен быть мастером в своей профессии. Тезис, заметим, спорный. Добрая половина их коллег станет доказывать, что успех дела определяют воспитательные возможности мастера, его педагогический дар. Мол, один и тот же талантливый педагог может воспитывать и слесарей, и токарей, и кого угодно.

— Чем он станет воспитывать, — продолжает Баринов, — разговорами? Да парни этих разговоров наслушались на это лет вперед.

«Антисловесное» воспитание, я бы сказала, — самое привлекательное из того, что характеризует стиль этого

меется, приятно. Но к ним, пацанам, какое все это имеет отношение — и умение учителей, и сама эта токарная работа, утомительная до изнеможения? Попробуй-ка шесть часов на ногах выстоять, словно к станку привязанный (потому как раз и падает престиж этой профессии у «подвижной» нашей молодежи).

Но «подвижная» эта молодежь охотно постоит, если посчитает это из каких-то соображений целесообразным. Для начала, допустим, так:

— Сегодня у нас праздник. Праздник первой детали. Задание: сделайте, что хотите. Попробуйте сами что-либо сообразить из металла.

Они соображают. Причем довольно расторопно. Кто-то вытаскивает домой дверную ручку, кто-то для девушки кольцо, кто-то для себя авторучку. В общем, заодно и кое-что для информации мастеру о характерах подопечных.

Но это побочный урожай. Главное — начать с радости и с адресности, что ли, когда и работа чуть пододвигается к тебе.

Личная заинтересованность — для начала важна именно она. А затем дорога должна пролечь к заинтересованности в принципе, к увлечению делом. Это уже не праздник той же, первой детали — это на каждый день! Потому что кто же в пятнадцать лет без такого интереса чем-либо заниматься станет?

Это тоже заметим: точка отсче-

ЕДАРЫ ПОГИБИ

вор, каждую среду в пять он прекращался: «Извините, тренировка!»

Спортивная команда педагогов — это и отличная разрядка, и способ сплочения коллектива, и очередной воспитательный шанс. «Команда мастеров» выступает против команды учащихся — стало быть, и должны быть мастерами!

Главное, чем силен этот коллектив — подлинная увлеченность своей работой. Как известно, на любое дело можно смотреть по-разному. Можно тяготиться тем, что уровень знаний твоих учеников невысок. А можно думать: какое щедрое поле для деятельности, сколько многое эти парни еще не знают! На сколько вопросов ждут ответа!

В расписании — «почтание ума»

— Поднимите руку, у кого в школе была четверка по английскому.

Поднялась одна рука.

— Если бы была четверка, да еще и по английскому, мы бы тут не сидели.

Учительница засмеялась. Хотя смешно было не очень...

«Милые вы мои, да кто же вас раньше учит?» — так и тянет спросить иной раз у ребят здешних педагогов. Но они не спрашивают. Знают, что услышат в ответ. Как ребят чутили ли не годами не вызывали к доске — если человек ничего не знает, стоит ли тратить на него время? Ну и другие подобные вещи... Но рассказывает об этом Валентина Владимировна Шурчкова без иронии и гнева. Скорее в ее голосе безысходность. Она, как и большинство ее коллег по училищу, сама работала раньше в школе. Они понимают, как это в принципе непросто — учить сорок с лишним ребят с самыми полярными способностями и интересами.

форме — деловой, игровой — разбудить у парня интерес к знаниям. А для этого в первую очередь — желание думать. Именно желание взамен устойчивого рефлекса сопротивления мысли, с которым он приходит в училище. В лучшем случае он согласен написать диктант — с ошибками, но без особого труда, а напрягаться больше? Нет, все равно не получится. Вот уж убедили в школе — так убедили.

Значит, прежде всего — разубедить! Проблема, над которой работает сегодня педагогический коллектив (ныне это уже практически целое исследование), — «активизация мыслительной деятельности учащихся». Доказать: не страшно! Доступно! Вот тебе деталь — требуется решение неожиданное! Ребята не любят писать, чертить. Поспорить — другое дело! Что ж, отлично. Из изготовления одной детали есть десяток технологий, и нет предела совершенству. Применил другой инструмент, под другим углом заточил — молодец, какое интересное решение! Тут главное не посмеяться над открытием их «велосипедов». А что, если попробовать еще так? Обратила внимание: здешние педагоги обычно не объясняют материал до конца, они обязательно чуть-чуть оставят ребятам додумать. Ровно столько, чтоб им захотелось идти дальше.

Общий язык — «токарный»

Как вы заметили, начав говорить об учебе, мы тут же почти автоматически перешли к работе. Потому что основная их учеба — в работе, через работу, для работы. Да-да, воспитание начинается с дела. И, наверное, именно оно главное, чего не хватало всем им прежде. Токарное? А почему бы и нет!

училища. И заметила б, что такого рода воспитание (даже в профессиональных училищах!) оставляет нередко желать лучшего. Что более привычен такой расклад: воспитание как бы само по себе, а профессия — сама по себе. Вот тутто и проигрыш. Ребята приходят, как мы уже говорили, в ПТУ за профессией — чтобы их ей научили, а отнюдь не за тем, чтобы опять «воспитывали». То есть если не осуществить это через профессию, значит, не осуществить уже никак. Как ни назови: воспитывающее обучение или обучающее воспитание, но вот подтверждение: если есть в училище две трудные группы, то те самые как раз, где мастера недостаточно хорошо учат ребят главному — делу.

Итак, их общий язык — токарный. И это — убедительно докажут вам здесь — не такой уж неважный язык, который изучают лишь потому, что никакой другой не дается. О, на этом языке можно писать поэмы! Филиппов, его ученики и ученики его учеников убеждены, что лучшей работы, чем токарь, на свете не существует. Они же станут азартно вам доказывать, что на токарном станке можно сделать все. Однажды на спор директор изготовил замысловатую квадратную деталь. Сделать это на станке, где все крутится и вращается, понимающие сообразят, — дело нелегкое. Когда идут такого порядка споры, ученики, как и положено, хотят превозойти учителей. «Каким образом сделана эта деталь? Сварена? А вот и нет, силой трения — все на том же токарном станке!» Подарок этот от нынешних третьекурсников директор показывает с особым удовольствием.

Итак, вывод из первых: человек, представляющий профессию, должен представлять ее на уровне. И «высший пилотаж» здешних мастеров в приручении ребят к делу играет роль, ясно, не последнюю.

Посмотреть на красивую работу, разу-

та — они! Не это вот несгибаемое: пришли учиться — значит, учиться обязаны! Никто никому ничего не обязан. На эту обязанность поработать еще надо, и тут мастеру ох как поизворачиваться следует! Допустим, тема: обработка цилиндрических плоскостей. Звучит, согласимся, не очень увлекательно. А если так: делаем шар, а внутри звездочка, ее надо вырезать. И волки сыты, и овцы целы: и по программе учимся, и вроде как интересно. Или два кольца сделать, да так, чтоб звенья были нерасчленены. Прямо головоломки какие-то! А что, ломание головы — условие весьма привлекательное.

Шаг за шагом. На ступеньку выше. «Ты будешь главный инженер задания, ты — мастер, ты — бригадир. Как мы станем выполнять такое вот задание?»

«Мы» — ЧИСЛО МНОЖЕСТВЕННОЕ

Учиться работать и отвечать не только за себя! Привычный рефрен: «Вы из одной бригады!» — если угодно, программа. Воспитание начинается с создания коллектива. Потому что только он в состоянии сделать то, что сделать прежде никак не удавалось. «Ну чем я их возьму? Еще раз к себе в кабинет или на педсовет вызову? Нет, это они уже «проходили», — смеется директор. Значит, вся надежда на них, на самих ребят, которые объективно оказываются в ПТУ в таком положении, что вынуждены корректировать поведение друг друга. Не было в прежней, школьной, жизни повода реально ощущать себя вместе. «Ты хорошо (плохо) учишься, а мне лично от этого какая польза (вред)?»

Здесь хочется оговориться, чтобы не быть неверно понятыми. Проводя подобные параллели, мы ни в коем случае не хотим плохо говорить о школе. У нее свои преимущества, у ПТУ свои. Не

воспользоваться которыми было бы грех. В данном случае этим: ребят объединяет (должен объединять) труд, от работы одного зависят успехи другого. Значит, мастерство педагога в том и состоит, чтобы ежечасно воочию видели ребята эти уроки. Ну, например. Миша Ермаков — тот, что сутки мог простоять, ничего не делая. Чем его взять? Единственным: поставить на первую операцию, в этот раз пусть он режет, допустим, вены, а другие будут их проплачивать. Вот они-то и станут наступать ему на пятки: хочешь — не хочешь, поворачивайся!

Или, скажем, поменять парней местами: пусть попробует виноватый, каково ему придется, если напарник будет давать брак. В общем, мастеру не надо привязывать ленивого к станку или вызывать к ответственности безответственного. На это не надо тратить силы, они нужны для другого: чтобы подобрать в бригады неслучайных людей, «разыграть» увлекательно самую нудную работу да предложить набор стимулов — чего ради он из кожи вон лезть будет? Та же работа на один наряд или такое, допустим, решение: деньги, заработанные бригадой, не мастер распределяет, а сами учащиеся. Претензии обиженных, таким образом, аннулируются, да и ребячий авторитет складывается «пропорциональной».

Но, ясное дело, ребята ни с того ни с сего воспитывать друг друга не станут.

Воспитание начинается с порядка

Слова эти сказал мне замполит училища М. В. Никитин, когда, войдя к нему, я застала его за делом довольно неожиданным. Он сидел с кипой медицинских справок и... увеличительным стеклом — чтобы посредством второго проверить первое. Не все справки, конечно, а так, кое-какие сомнительные. Мне показалось поначалу, это не очень органично для столь «широкого» училища. Михаил Валентинович решительно взорвал. Он сказал, что добавить себе пару дней к положенным и исполнить это вполне «художественно» мальчишки в состоянии. Так вот, они обязательно должны знать, что ни один их проступок, никакое нарушение не останутся в ПТУ незамеченными. Безнаказанность — вот что рождает отклонения. И если для усвоения этого урока в качестве наглядного пособия потребуется увеличительное стекло, что ж, пусть будет оно!

Нравится ли эта пристальность тем, кому она адресована? Наверное, нет. Но постепенно они привыкают к мысли: «воспитание начинается с порядка». Если собрание назначено в три, в три ноль-ноль оно и начнется. Если идет соревнование, итоги — как это ни хлопотно организаторам — будут подводиться прямо «по следам», а не раз в квартал, потому что в противном случае это уже не соревнование, а констатация результатов. И никакие самые чрезвычайные обстоятельства не отменят обещанной увлекательной поездки, даже если мастерам придется «скинуться» собственными деньгами по причине временных накладок в многоярусной финансовой подчиненности. Это их педагогические трудности, ребятам же необходимо знать: все, что обещано им, будет выполнено, все, что обещали спросить с них, обязательно спросят, причем не от случая к случаю.

«Если мы хотим работать легко, надо работать ежедневно», — продолжает прерванный монолог замполит училища М. В. Никитин. Он очень долго его продолжает, потому что в кабинет один за одним заходят мастера, и, слушая бесконечные эти разговоры, как раз и понимаешь, что ни одной утренней линейки нельзя провести, не подготовившись. Не говоря уж о хорошем собрании или классном часе. О том, что именно на такие здесь ориентируют-

ся, свидетельствует один только факт. В этот час (опять же единственный для всего училища) в дверях не добавляют дежурных и раздевалки на замок не закрывают. Потому что знают: единственный способ удержать ребят — интерес. Если лекции, то по заявкам ребят, да и почему только лекции? Может, например, выступать — да, да, на классном часе — вокально-инструментальный ансамбль (вопрос только темы, но для того и существуют воспитатели). Или, допустим, дискоклуб предлагает свою программу. Она называется, например, «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Интернациональное воспитание? Да. Эстетическое — тоже. Ребята пока высокими терминами не владеют, они учатся слушать не только музыку — слова: Для начала. Потом их приглашают на программу-ретро, и это будет тоже не просто забытые мелодии, это будет взгляд в молодость отцов... В общем, при умном решении самые нужные слова можно сказать доступно. Дискотека в ПТУ-180 — тема особого разговора. Потому что была и есть мысль: создать дискотеку — значит не просто закупить аппаратуру. Это касается и оставшихся одиннадцати кружков, секций, студий, в каждом из которых для начала нужен отличного уровня руководитель.

Выше уровня моря

Это они так шутят. Не желая произносить общих слов насчет нынешней своей жизни. Которая красноречиво подтверждает, что воспитание начинается с уровня дома, в котором живешь. Этим ребятам не всегда везло прежде, как-то настойчиво им намекали, что в ПТУ идут не от хорошей жизни, что это как бы «второй сорт» учебных заведений. Значит, антигерой может быть лишь первокурсность всего, что их окружает.

Главное, разумеется, — суть. Но и внешний облик — не последнее дело. Мебель, например, в ПТУ-180 такая, что не во всяком вузе встретишь. Отличные столы, на которых так соблазнительно оставить автограф, или мягкие кожаные стулья, из которых за четыре года существования училища пострадал лишь один. Причин, как всегда, несколько. Дом, где тебя любят, где тебе хорошо, как правило, берегут. Это раз. Два — «эффект метро»: красиво и чисто вокруг, значит, так и должно быть.

«Воспитание начинается с того, что и сам не замечаешь, как тебя воспитывают» — эту мысль высказали в разных вариациях несколько третьекурсников сразу. И сегодняшний их статус — сплошное тому подтверждение. Третьекурсники освобождаются от всех многочисленных предыдущих своих дел и нагрузок.

Главная их сегодня нагрузка — первокурсники. Причем не в том только дело, что у каждого новичка — личный, старший шеф. Это само собой. Важнее установка на то, что эти ребята задают нынче училищу тон. Официально объявлено, например, что ни учитель, ни мастер не могут при младших сделать замечание третьекурснику. Но и спрос за такие привилегии — втрое. А всё вместе оно равняется тому, что нет здесь столь типичной проблемы всесильных «стариков» и дрожащих первокурсников, и конфликтов по данному поводу тоже нет.

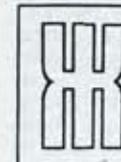
И из пестрой мозаики складывается убедительный, рельефный портрет училища — нормального, хорошего ПТУ. Каким, собственно, оно и должно быть. Потому что иначе нельзя. Потому что реализовать возможности, заложенные в системе профтехобразования, можно только в хорошем исполнении. А воспитание начинается с воспитателей, традиций, порядка, уважения, интереса и многого другого, о чем мы говорили сегодня.

Начинается и заканчивается ими.

ВТОР

Владислав БАХРЕВСКИЙ

СКАЗКА

ил-был Втор. Вторым он в семье родился.

Всико бывает. Имя человеку Пятко, а он хоть и пятый, да всюду первое других. У Втора же имя, как присушка. Всюду он Втор.

Умом бог не обделил, руки у молодца умелые, да какие умелые-то! Но нет Втору в родном городе работы в радость — вечный помощник. Для иного такая жизнь за спиной и удобна и хороша, а Втор извелся душой. Строитель он был. Терема строил. Разбежится иной раз мыслью, а его и взнуздывают, как савраску: знай свое место.

Не завидки Втора брали — не по его слову, мол, все делается, не передnim шапку ломают. Тоска поедом ела — строили они артелью, как все. От этого «как все» у Втора руки его умные чужими становились.

Одно утешение и было — с сестрицей меньшей полдничать. Сядут кашу есть, а Дуня и просит:

— Вторушка, сделай свой городок!

Втор обрадуется да и сотворит из каши царские палаты, терема, теремки. Глядят они с Дуней в горшок и словно ждут: растворятся вот сей миг ворота, поскакут по улицам тройки, выйдут из дверей молодицы... Но пождут, пождут, и приметят их тихое сидение матушки.

— Выросли! — раскричится. — Управы на них нету! Кто же над пищей, греха не боясь, так тешится? И в басурманских странах такого не заведено.

Большой ложкой помешает в горшке, и нет его — диво-города.

— Ешьте, каша простынет! — скажет матушка и сама с детьми за стол сядет.

Матери все видят, все ведают. Малому дитю слезы вытер, оно и утешится, над горестями большого дитяти сам наплачешься.

Долго ли, коротко ли, только пришел ясным днем Втор домой, котому собрал да и говорит:

— Не браните меня, не хулите, а пожелайте мне доброго пути. Слышал я от захожих гусляров, будто в Полуночной стороне князь Забава собирается город ставить, да такой, говорят, город, какому ровни на всем белом свете нет. Попытаю и я своего счастья.

Посидели они на дорожку, поплакали да и распрошались.

До Полуночной стороны дорога долгая, вот и набрал Втор артель горемык. Правду сказать, горемыки его были не горькие, а грустные. От горького человека многого не дождешься. Грустный — иное дело. Если же у грустного в глазах живинка осталась, то ему цены нет.

Втор в свою артель брал, немного у человека спрашивая. Поглядит в глаза — и все: одного взьмет, а трех нет. Знал Втор — другой такой дороги у него в жизни не будет, а потому торопился, но не поспешил. Где терем срубит, где церковку, а то и деревушку погорельцам на радость.

Злое дело тучу перед собой гонит, доброе, как солнышко, светится. Пришли артельщики Втора в Полуночные пределы, а князь Забава уже ждет их. Позвали Втора во дворец.

Князь, как положено, на троне, а трон не горит и не пышет: обыкновенный дубовый пеня да еще с корнями. Корни в подпол уходят, для них в полу дыры пробиты. О самой княжне тоже непонятно как сказать. Осанка у нее княжеская, а платье хоть и приличного вида, но домотканое. На шее нитка бус речного жемчуга, на голове не венец, а венок, цветы живые, в поле собранные.

Поклонился Втор княжне до земли, хотя очень он всему увиденному подивился.

— Здравствуй, артельщик! — молвила княжна. — Издалека ли и по какой нужде пожаловал?

— Эх! Рубить, так все дерево! — сказал Втор. — Великая княжна, слышал я, будто собираешься ты ставить город, да такой, какому ровни не будет на всем белом свете.

— Собираюсь, артельщик! — отвечала Забава. — Да только умельцев покуда не сыскалось. Тебе что же, по силам мой княжеский заказ?

— Кали такого города на белом свете не бывало, значит, никто такого не умел. — не испугался Втор, ни капли не испугался, потому что близок был его звездный час. — Прикажи, княжна, мне город ставить — голову на заклад даю.

— Головой не швыряйся, пригодится, — посоветовала Забава. — Ну, расскажи, каков будет твой город?

Почесал Втор в затылке, пальцы растопырил.

— Словами сказать про то не могу, а каков он — закрывши глаза, как тебя вижу.

— Мастеров у меня много бывало, да всем отказ, — молвила Забава. — Не простой я город задумала. Не ради величия своего и не в честь памяти своей. Хочу я поставить такой город, чтобы люди, войдя в него, зажили бы жизнью новой, безгрешной. Чтоб ни вора в нем, ни завистника, ни гордышни, ни подлости, чтоб всем в нем было, в городе моем, всего достаточно, всяческому в охоту и в любому дрире.

— Мой это город! — закричал Втор на радостях. — Ей-богу, мой! А чтоб ты, княжна, не сомневалась, вели подать горшок каши, тут я тебе все и представлю.

И такой у него город получился, что княжна Забава каши ту есть не велела, а велела Втору город иди рубить. Место для города сама указала. Было озеро в том краю. Глубины немерено, но такое светлое, что солнце лучами по дну его хаживало. И был на озере остров, высоко над водой стоял, на него-то и указала Втору княжна Забава.

С зари до зари тюкали артельщики топорами, а ночевать приплывали в деревеньку, на матер-берег.

Со всей Полуночной стороны приходили на Светлое озеро люди. Поглязеть само собой, главное. Втора спросить: «Когда, мол, город будет выстроен, кого в город пускать будут, всех ли, а может, по выбору? Коли по выбору, так по какому, за какие стати-таланты?»

Призадумался Втор, а потом и помрачнел.

Сидит однажды воскресным днем на бережку, смотрит издали на свой город и видит: хороший городок, признателен, а только не замирает сердце от погляда.

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

Загорюился Втор. Вдруг чует, за рукав его теребят. Смотрит—девочка. Сероглазка.

— Ты,—спрашивает,—кислых ягод наелся? Поесть моих, они сладкие. И подает лукошко земляники. Улыбнулся Втор, взял ягодок щепотку, отведал.

— И впрямь вкусно! Поглядел девочке в глаза да увидел то, в чем городу его была недостача. Девочка уйти собиралась, а он ее сам уже не пускает.

— Подожди. Отдарить тебя хочу.

Поглядел вокруг, сучок с земли поднял. Где построгал, где подрезал и подает девочке.

— Вот тебе вместо куклы.

— Да ведь это олешек! — обрадовалась девочка и убежала.

А Втор снова повеселел. Прежний город разобрал, принялся строить заново. Княжна Забава, как город строится, глядеть не ездила, а тут и пожаловала. Поглядела на пустое место, удивилась.

— Говорили, город готов, а его и след прости.

— Великая княжна! — поклонился Втор.— Верно говорят. Был город. Да только не тот, которого ты пожелала, который мне примечтался. Дай срок, сработаю твоим велением по моей мечте.

Не осерчала княжна Забава. Только поглядела на Втора и лицом сделалась как утро туманное.

— Помни, Втор,—молвила,—пришел ты ко мне мужиком, войдешь в новый город князем. Так мною загадано.

И уехала. У Втора сердечко забилось, заторопился, погоняет артельщиков, покрикивает. Терема как грибы пошли расти. Куда прежних затейливей, луковички от велика до мала. На что ни погляди—невидаль. Опять зашумела молва. Из чужих земель гонцы зайчишками скачут, сманивают. Из родного города депутация прибыла, кланяются: воротись, мастер Втор!

Княжна Забава стражу на дорогах поставила, чтоб не увезли мастера не нареком. А самого во дворец к себе взяла жить.

— Когда,—спрашивает,—переселяться будем? Я уже и платье себе новое пошила. Златокузнецы шапку по твоей голове день и ночь ладят.

— Да хоть завтра переедем,—говорит Втор, а сам маєт.

Приехал на берег до солнышка. Стоит его город на острове, как праздник.

«Был ты, Втор, вторым, да ныне и среди первых Первый,—так он о себе подумал. И вспомнил сестру свою Дуню.—Послать бы надо за ней. Что она скажет?»

И сам же опять и отвечает:

— Чего тут сказать? Было в мире одно солнце, а ныне два.

Тут как раз солнце и взошло. Светлое озеро просияло, зашумели леса добрым шумом, птицы запели, полетели, пчелы с цветов поднялись—ожил белый свет. А Втор сник. Застыдился гордныи своей: городок его пред красотою солнца померк, словно туча его заслонила.

Сел Втор на пенек, опустил головушку да и забылся. Слышил вдруг—за плечо его тронули. Поднял глаза—девица перед ним. Сероглазушка.

— От сладкого вина у мастера голова болит? — спрашивал кружку берестяную подает.—Вылей воды, мастер.

Вымыл Втор воду, поглядел девице в глаза, а она их ресницами прикрыла.

— Погоди,—говорит он.—Неужто ты та самая девочка, что земляникой меня потчевала?

— Я,—отвечает.

— Как же зовут тебя?

— Родилась я в добрый день, когда все травы в соку, а у людей песни и первое купание. В честь Аграфены-купальницы и я Аграфена.

— Эх! — говорит Втор, а сам в глаза девичьи заглядывает.

Промельком, но угледил он то, что своими глазами не увидел до сих пор. Девушка взгляда его напугалась.

— Пойду я,—говорит. И пошла. А он за ней.

— Где тебя найти? — спрашивает.

— Коли сердцу твоему надобна, същешь,—отвечает, за елочку зашла, да и нет ее.

И такая радость обуяла Втора, что переплыл он озеро—легкая головушка, да и запалил свой город со всех четырех сторон. Сбежались люди на берег, таращаются, охают, в лодки повскакали, а Втор навстречу им плывет, рукой машет.

— Чего, как галки, всполошились? Сам я город зажег... Надежно ли счастье, коли один злодей такой город может в единий час погубить? За дело, други мои артельщики! Были у нас две пробы начерно, теперь будем строить набело. Белокаменный город.

Закипела работа пуще прежнего. Во дворец к Забаве Втор и дорогу забыл. Как вечер, он уже за окольцом, томится, ждет. А как звездочка проглянет, так и вдвоем они с Аграфеной, а там и след их прости. Не было теперь у Втора сомнения в делаах его. Наглядится ночами в звездные девичьи глаза, а наутро свеж, смел и умен. Узнала про те гуляния княжна Забава. Во гневе стражу за Втором отправила, да тотчас и воротила. Умна была Забава, ведомо ей было: чудо-город одною только любовью и можно выстроить. Металась бедная по дворцу своему, как птица на чужбине, в клетке. Гадала, приворотным зельем обзвавалась. А послать его Втору не смела, боялась за свой город. Да только ум любви никогда сильнее не был. Ум, стоящий против любви, все равно что последний снег перед весной.

Прикатила за Втором черная карета.

— Все дела отложить, никуда не заезжать, быть во дворце без мешканья. Делать нечего, отправился строитель к княжне Забаве отчет за сожженный город держать. Смело ехал. Артельщики работали не за харчи, не за монету звонкую. Душою строили город, работали рук не покладая, но всякий день были

для них — праздник и великое пиршество. Не за столами дубовыми, на лесах, на склонах ставленных.

Привели Втора в княжескую палату. Смотрит: княжна как само солнце. Платье на ней самоцветами играет, в короне один огонь зелен, а другой ал, на третий и поглядеть невозможно — глаза слепнут. Пенек-трон исчез. Место княжеское высоко стоит, из благородной слоновой кости сработано.

Поклонился Втор княжне Забаве.

— По твоему велению прибыл, — говорит.

Княжна Забава улыбнулась, подняла руку с жемчужным платком. Тут двери отворились, закружила вокруг Втора карусель слуг. Одни одежду с него снимают, другие надевают. Глазом моргнуть не успел, стоит он перед Забавой дураком, но только дурак-то он теперь не простой, а сияющий.

И тут княжна Забава приказала слугам:

— Принести княжескую корону.

Тотчас трубачи заняграли в трубы, барабанщики ударили в барабаны, и вышли из парадных дверей слуги большим серебряным подносом. На том подносе на алой подушке лежала корона, точь-в-точь как на княжне Забаве. И сказала княжна:

— Сначала будет наша свадьба, потом тебя повенчают на княжество, и ты сядешь на моем белом троне, а для меня сделают другой, меньший.

Втор очень подивился словам княжны и спросил:

— А кто же тогда будет строить город?

Не стерпело тут сердце Забавы. Засверкали княжеские очи ярче камней самоцветов.

— За то, что самоуправством сжег чудо-город, в яму его! В самую темную, в самую холодную! Да на цепь!

Содрали со Втора княжескую одежду да и бросили в чём мать родила в такую ямину, где и не сиживал никто, потому что вины для такой ямы до сего времени ни на ком не было.

— Вот какой дворец ты себе выстроил, незадача Втор! — сказал своей головушке и ни о чём-то он не пожалел: ни о чудо-городе недостроенном, ни о самой жизни. Об одном была тоска: мало миловался с Сероглазкой своей.

Княжна Забава слышала мудрой не среди одних князей да царей, но и в народе. Опамятались княжна, отступила от слова своего некняжеского, бабьего. Часу Втор в яме не просидел. Достали его, в баню сводили. Платье в предбаннике положили княжеское. Голышом не победишь. Одеся Втор князем. Посадили его в карету, отвезли на Светлое озеро к артельщикам.

У народа язык, что рыло у осетра. Втора в бока тычет: не строителя княжна Забава сыскала, а бобра-старателя. Только бобру плотину вода разоряет, а этот сам строит, сам и кружит.

Однако как пошли белокаменные палаты одна другой достойнее да величавее на острове подниматься, крышами прикрываться, примолкли люди. Опять приходили издали, да только языками попусту теперь не молотили, на строящийся город глядя. Тихо глядели и уходили тихо, самим себе улыбаясь.

А у Втора жизнь, как прежде, шла. Днем на лесах, на острове, вечером с Аграфеной.

Убрали крестьяне урожай, свадьбы играть начали. Прислал сватов и Втор к батюшке Аграфене. Отказу строителю нет! День хороший назначили.

Тут-то и напомнила о себе княжна Забава. Пришел от нее указ Втору. Свадьбу ему играть велено в день, как будет город готов, а чтоб ни зодчemu, ни девице Аграфене в соблазн не впасть — жить ей отныне с отцом и с матушкой, с братьями и с сестрами в хоромах возле дворца княжны. Увезли Аграфену. Закусил Втор удилы. День и ночь строит. Отнем горит. И городу от его огня великая польза и людям тоже. Глядеть на себя по-другому стали. Каждый совместью горд, душою высок. Одной княжне Забаве мука и боль.

Как ей, княжне, в новом городе жить-радоваться, когда сама-то она человеком, да еще низкорожденным, отвергнута, когда человек этот прошел мимо ее княжеской любви, когда будет он счастлив с девкою-простушкой? Не сама придумала, насоветовали замуж Аграфену выдать. Советчиков у князей всегда довольно. Княжна тех советов, сердцем и умом устыдясь, не то чтобы послушалась. Нет! Да только слушала она советы молча. И ничего советчикам своим не запретила. Возвели отца Аграфены в бояре. Земель дали, слуг, жалование. Тотчас и жених Аграфене сыскался, боярин природный, родовитый. Сам и молод, и пригож, и обхождению заморскому учен.

Правду сказать, у Втора с Аграфеною была ссылка. Через верных людей переслал он любимой подарок: голубя белого, летуна скорого. Летал голубь от Аграфены ко Втору чуть не каждый день, письма носил. А в письмах все одно и то же: «Люблю... Люблю».

Помогало Втору слово это единственное город его небывалый строить. И вдруг перестал голубок летать. Да и то. Погода была дурная, ветреная. В такую погоду птицу беречь нужно, попусту пропадет. А птица-то и без дурной погоды в хорошую пропала.

В тот самый день, когда прислал жених-боярин сватов к Аграфене и когда батюшка ее на радостях чуть было и свою жену в придачу боярину тому не отдал, устроила княжна Забава охоту. На голубей диких, у стен своего стольного города. За всякого голубя дарила она охотников золотым. А тому, кто принес белого голубя с писулькою, десяти золотых не пожалела.

Ждала Втора милого Аграфена, ох, как ждала, чтоб вдвоем против княжны Забавы стоять! А его все нет! Отпустила от себя на Светлое озеро подружку свою задушевную — Втору о беде рассказать. А всей дороги у подружки случилось — от одних сеней до других. Привели девушку к Забаве, а та ее во фрейлины взяла.

Выходила Аграфена замуж за боярина, Втора спасая, любовь свою. Сказали ей, коли перейдет дорожку княжне, сидеть тогда Втору до самой смерти в тюрьмной яме, а чтоб совсем дурь из головы повыбросила, показали ту самую яму, в которой любимый ее уже сиживал.

Узнал Втор о своем несчастье и — ничего. Поморгал, словно соринка ему в глаз попала, и опять на леса полез. Никто его в те дни хмурым не видел.

К артельщикам был добрым, на сметку скорым, никому слова поперек не сказал. Послал он, однако, в тот самый горький свой день весточку домой. Просил матушку и сестрицу свою Дуню к нему ехать, оставив добрым людям все хозяйство и состояние. В новый свой город звал.

Артельщики давно уже работали между небом и землей. Где купол завершали, где конек прикладывали или петушка.

Княжна Забава на этот раз ушки востро держала: глядела за Втором. Чумовой мастер — два города прежних изничтожил, что теперь ему в голову взбредет.

Слава о городе, который в Полуночной стороне ставит княжна Забава, по всей земле растеклась. Одни над причудою княжны посмеивались — эка чего захотела, всем счастья поровну дать! Другие о том городе вздыхали да на своих князей косились. А были и такие — на коня и в поход, чего самому строить, когда у другого отнять можно.

Узнала княжна о том, что идут в Полуночную сторону непрошеные гости, сама приехала ко Втору на Светлое озеро.

— Когда, — спрашивает, — в город двери людям отворишь?

— Когда все готово будет, — отвечает Втор.

— Так ведь и так все готово!

— Для простого города, может, иально все хорошо, — упрямился Втор, — а для такого, чтобы каждому счастья дал, не все еще сделано.

— Мастер Втор, пожалей меня, княжну! — взмолилась Забава. — Открою тебе княжеский секрет. Ты годы строил и перестраивал свой город, я тебе не перечила, ждала. Ныне ждать больше нельзя. Враги, говорясь, идут на нас со всех четырех сторон. Хотят городом твоим завладеть.

И поглядел Втор тогда на город свой и увидел красоту его. Был его город земному чуду под стать. Что оно такое, чудо земное?

А вот что. Выйдет на тебя из лесу олень, златошерстный, с рогами-короной, с глазами, полными жизни, с чуткими ноздрями, с черными копытцами на высоких прекрасных ногах, — тут и прозреешь: вот оно — чудо земное. И пролетит над тобою белый кречет, промелькнет, но никогда уже не забудешь его полета, навеки богатым станешь радостью того единого мгновения. Вот оно — чудо земное. На цветок под ногами поглядишь. На один из целого моря цветов. И увидишь наконец: лепестки его открыты всему белому свету, как обнаженное сердце человека, живущего для всех, ради чуда земного!

И понял Втор — город его, как сердце, не защищенное грудной клеткой. Но ведь беззащитный цветок, который слабее даже малой мошки, — у мошки крылья! — живет всем напоказ. Живет, цветет, потому что есть в нем неведомая неистребимая сила.

Смутился Втор, затосковал.

— В глаза бы мне поглядеть, — молвил, опустив голову.

Княжна Забава все поняла.

— Будь по-твоему, Втор.

Боярин поперечить княжне не посмел. Встретились Втор и Аграфена в покоях княжны Забавы. Встретились, а сказать друг другу нечего. Чужие. Белолицая боярня, белокурая, а мастер от солнца и темнолик и на руку коряв. Боярне велено мастеру не противиться, а он постоял перед Аграфеною, постоял да и пошел вон. Тотчас и опамятаовался.

— Дай в глаза твои погляжу!

Подошел, поглядел. И оба они обмерли. В Аграфене любовь ее придушенная ожала, а Втор оттого помертвел, что ничего в глазах боярьши не увидал. Ну совсем ничего!

С тем и расстались.

Артельщики уж и делать нечего, все сделали. А Втор сидит на берегу Светлого озера и словно бы дремлет.

Вот сидит он этак однажды, а к нему гонец:

— От княжны тебе поклон, зодчий! Велено передать, ветер гарячи пахнет. Кивнул головой Втор, отвернулся от гонца. И опять сидит, на город свой не глядя. Тут другой гонец, с коня пена хлопьями.

— Зодчий Втор! Дымы стоят по всему горизонту!

Броскнул Втор на ноги. Артельщики тут как тут, окружили мастера.

— Возьмите-ка, — говорит, — из казны княжны камень зеленый с огнем. Поставьте его на самую высокую маковку.

Одни гонцы туда, другие сюда. На полути встретились, привезли зеленый камень, водрузили на самой высокой маковке. И будто звезда вечерняя загорелась над белокаменным городом. Тут еще гонец. Пал конь перед Втором бездыханный.

— Звон оружия слыхать.

— Пусть войдут в город люди, — сказал Втор.

И повалил народ в чудо-город уж не ради новой жизни, а ради спасения. Для прихода людского мосты у Втора были поставлены. Девять мостов для девяти ворот.

Вошли в тот город люди. И, войдя, забыли о грозящей напасти и о всех неурядицах, чужих и своих. Неведомо прекрасен был город, построенный для них Втором.

Все в город вошли. Одни артельщики на берегу остались да Втор с княжной Забавой.

— Попспешим, зодчий, — сказала она ему.

— Вон уже и клики врагов слыхать и храп лошадиной.

— Ступай, княжна, с артельщиками, да пусть сложат мосты за собой. Я на лодке приеду. Сестру свою с матушкой подожду. Давно за ними послал. Вот-вот будут.

Пошли артельщики по мостам, и княжна пошла, да обернулась. Стоит, прекрасная, как вечерняя заря, и зеленая звездочка над нею с маковки городской.

— Скажи, Втор, все ли по твоей мечте устроилось?

— Все, княжна! Почти все!

— А в чем же неустройство?

— Не знаю. Какой-то самой малости недостает. А вот какой — сам не додумался.

— Но ведь глядел Аграфене в глаза.

— Глядел, — сказал Втор. — Ты ступай. Топот конский совсем уж близко. Я, пожалуй, тоже в лодку войду.

Ушла княжна Забава в город, мосты хитрые, складные, артельщики за собой убрали.

Втор тоже в лодку вошел.

Смотрит туда, сюда. Не видно матушки с Дуней. Взялся Втор за веселки, поплыл к городу, а сам на берег смотрит.

Вдруг выбежала женщина из лесу. Хоть и далеко, а сердце признало: Дуня!

Ударил Втор веслами что было мочи. Из лесу-то конники уже выехали.

Греб Втор, себя не помни. Успел! Прыгнула Дуня в лодку, оттолкнулся он от берега, поплыл. Тут на берег, зубы скаля, захватчик на коне взмыленном выпал.

— Матушка где? — спрашивает Втор сестру.

— Матушки у нас давно уже нет, — отвечает, — не дождалась твоей весточки.

Вздохнул Втор. Только особенно кручиниться некогда. Весь берег враги услыхали, лошадей поят. Подъехал к воде их предводитель, то ли хан, то ли пан — издали не понять.

— Эй, рыбарь! — кричит. — Где дорога к чудо-городу? Покажешь, — награжу!

Удивился Втор словам врага, через плечо глянул. А на озере — ни острова, ни города.

И возрадовался строитель, потому что свершилось! Как бы ни был высок замысел мастера — дело замысла и мудрее и удивительнее, в нем своя тайна и сила. Ни единий человек не пал в битве, и битвы не было, да только враг был посыпан и ныне и навеки.

ЗЕМЛЯ МОЯ-СУДЬБА МОЯ

Владимир ХОХЛОВ

Брату

Ты жил, не зная потрясений,
Хватало хлеба и тепла,
Судьба из россыпи осенней
Тебе иные дни ткала.
Смотрел смелей в глаза рассвета.
Тревожно сердце у земли,
В наш край разбуженное лето
Прощаться птицы понесли.

Отгорела, отплакала осень,
Костенеют в дреме леса,
Сердце думы тяжелые носит,
Приуныла земная краса.

В мраке стынут усталые звезды,
Гаснет медный рассеянный блеск,
Всюду черные птички гнезда
Да болотный простуженный плеск.

В эти дни мне бы выкатить солнце
И разлить по раздольным лугам.
Сквозь резное за тюлем оконце
Я прислушался к зимним шагам.

Голос

Затянули простор облака.
В родниках не полощется небо.
И опять протянула рука
Мне ломть предвоенного хлеба.

— Ты его сохрани для детей:
В нем таится несметная сила,
Победившая много смертей,—
Так родная земля говорила.

Сходятся к тракту дороги,
Милые сердцу поля,
Катятся, катятся дороги
К сырьим карманам села.
Самая крайняя хата
С русоволосой копной
Полною шапкою злата
Крыта еще весной.
Там меня малым ребенком
В зыбку уложит мать,
Рыжее утро спросонок
Встанет меня умывать.

Этюд

Сечень в роще дремлет чутко,
По ручьям рассветступает,
Слышишь, вспуганная утка
Всю округу окликает!?
Сотни ведер ночь глухая
Черной краски пролила,
Роща в снежном малахе
Белым светом оплыла.

ИТОГИ КОНКУРСА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Вот уже несколько лет на страницах «Смены» регулярно публикуются стихи участников конкурса одного стихотворения. Только в этом году со своими первыми поэтическими опытами в журнале выступили 57 самодельных поэтов — рабочих, инженеров, ученых, военнослужащих из 32 городов и сел страны. А вот цифры за все время существования конкурса — редакция получила более восьми тысяч писем, опубликовано 350 стихотворений авторов из 270 городов и сел.

В этом году конкурс проходил под девизом — «Земля моя — судьба моя». И жюри с удовлетворением отмечает, что тема эта понята всеми участниками широко и нетрафаретно: в опубликованных стихах ясно ощущается личная причастность авторов к тому, чем живет страна.

Победителям конкурса за 1983 год жюри признало **Машаллу МАФТУНА** (Баку) и **Владимира ХОХЛОВА** (Москва).

Коротко о них. **М. МАФТУН** — сварщик производственного объединения «Баккондиционер». Начал печататься в заводской многотиражке, вскоре его стихи обратили на себя внимание профессиональных литераторов Баку, и Машаллу рекомендовали в Литинститут имени Горького, где он сейчас учится заочно. Стихи М. Мафтуна окрашены ярким национальным колоритом, глубоко лиричны. **В. ХОХЛОВ** работает шофером автобуса, печататься также начал в многотиражной газете. Владимир интересуется историей страны, и она находит свое отражение в стихах. Его творчество публицистично по своей природе и лирично по форме.

Напоминаем, что конкурс одного стихотворения продолжается. Его условия: принять участие в нем могут все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, имя, отчество, возраст, домашний адрес; присыпайте только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией «Смены».

В сонных травах рассвет наследил.
Меркнет в росах холодный огонь.
Вольный ветер меня разбудил,
Бросил сорванный лист на ладонь.

Этот лист был в букете из роз
С своего золотого окна.
Машет звонкой косой сенокос,
Улыбнулась, прощаюсь, весна.

Может быть, это юность моя
Уходила в иную печаль,
Вольной песней беспечно звена,
Расстилая раздольную даль.

Машалла МАФТУН

Утро 1905 года

На белом насте темного подворья
Заря забилась в клетке палача,
Рассвет застыл,
накинутый на колья,
И побежал по окнам сгоряча.

Прорвался сквозь тюремные решетки
И в карцер узником вошел
И, осмотрев дежурные пролетки,
Упал кровавой лужицей на пол.

В тяжелом небе утро пламеет.
В широком поле мертвые снега.
Душа карать и миловать умеет
И откровенной выйти донага.

И там, где света теплое течение
В плоть горизонта ниточку вплело,
Порою тайное
до странного свеченье
Меня к исконным истинам вело.

Ночная дорога

Сумрак ночи. Вьюжное дыханье.
Синий месяц
в проруби дрожит.
Лишь души слепое ожиданье
Теплотой по телу пробежит.
За поземкой
мечется поземка,
Лошадям дороги не найти,
Но судьба, на счастье,
втихомолку
Обронила звездочку в пути.

Черная зурна

Когда виденьем бледнолицым
Проходит по небу луна,
Мне по ночам упрямо снится
Колдунья — черная зурна.

Не сладковзвучными речами —
Тоской глаза ее полны,
Напевы скорби и печали
В волшебном голосе зурны.

И звук задумчиво и странно
Плынет,
то нежен, то свинцов,
И проступает из тумана
Седого пахаря лицо.

То чей-то плач,
то боли окрик,
То взмах испуганных бровей...
Из темноты печально смотрят
Глазами бабушки моей.

Она бредет,
унуло горбясь,
Косынка вьется на ветру...
Но минет ночь,
и тихий голос
Опять рассеется к утру.
Но склонит день вочные тени.
И снова,
песнями полна,
Меня уносит в сновиденья
Колдунья —
черная зурна.

Костер Чили

Гудит в эфире дальняя струна,
Перекрыва звуки остальные.
И напряженно слушает страна
Волнующие ваши позывные.

И через все моря, через леса,
Из камеры и грязного барака
До нас доходят ваши голоса
Лучами звезд, пришедшими из мрака.

И из той страны, где царствует разгул,
Людская кровь
не прекращает литься.

Презрение и ненависть к врагу
Стучит в крови у каждого чилийца.

И грянет гром — и, Чили, над тобой
Вновь станет небо
ласковым и чистым.

И смоет с тела Чили гнев людской
Всю нечисть до последнего путчиста.

Перевел с азербайджанского
Анатолий КНЯЗЕВ.

Весенний туман

Став прозрачным в лунной ночи,
нам тепло туман несет.
Расстилаясь вдоль обочин,
по долинам он ползет.
Не светильники нарциссов
разгораются вдали —
по-над сенью кипарисов
светится туман земли...
Стал сплошной зеленой краской
мир за несколько минут.
От туманной этой ласки
даже камни вверх растут.
И чабан свою отару
вновь погонит по лугам.
Носит ласточка недаром
радость людям по домам...
Я усну на зорьке рано,
когда звезды канут ввысь.
Мои руки, став туманом,
в косы девичьи вплелись...

Возвращение

Здравствуй,
звездный мир над головой!
Здравствуй, поле, луг, поток речной!
Обойду я все материки,
но вернусь к истокам той реки,
где мое младенчество текло,
где мне было
в детстве так светло...
Яблочки во снах моих звенят.
Тихо я войду в осенний сад.
Посмотрю вокруг из-под руки,
вспомню пролетевшие деньги.
Старые деревья, среди дня,
может, вы приманите меня?
Я вернулся слушать ваших птиц.
Дни-качели свесились с ресниц...
Где-то здесь с фиалкою в руке
бродит мое детство налегке...

Перевел с азербайджанского
Владимир ШЛЕНСКИЙ.

В СПЕЦИАЛЬНОЙ КАМЕРЕ
СОТЫЙ КОСТЮМ
ПОДВЕРГАЕТСЯ САМЫМ
СУРОВЫМ ИСПЫТАНИЯМ.

КУРТКА И КАСКА
ДЛЯ ПОРТОВЫХ
РАБОТНИКОВ.
ЛЕТНИЙ КОСТЮМ
ВОДИТЕЛЯ.

СПЕЦОВКА,
КОТОРАЯ ЗАЩИТИТ
ОТ САМЫХ ЕДКИХ
РАСТВОРОВ.

Станислав Зигуненко:
Фото:
Владимира Чейшивили

...По бегущей дорожке непринужденно шагал... робот! Очень похожий на нас с вами. Даже одет он был как человек. Только вот как именно? В вечерний костюм? В спортивную форму?..

— Нет, скорее всего робот, которого в скором будущем вы сможете увидеть в нашем институте, будет одет в спецовку,—сказала заместитель директора Центрального научно-исследовательского института швейной промышленности Зоя Степановна Чубарова. И пояснила:— Поэтому что мы занимаемся в первую очередь конструированием именно производственной, рабочей одежды...

Вы бы хотели раз в жизни в ателье?.. Вот примерно такая же обстановка и в лаборатории конструкторов. Огромные столы, на которых чертят выкройки и кроют ткань; по стенам развесаны лекала, а по углам стоят безголовые манекены, гордо держащие на плечах еще неготовые костюмы — без рукавов, с белыми строчками наметки.

— Раскроить и сшить — как говорится, дело техники,—начала разговор со мной заведующая сектором теплозащитной одежды Таисия Ефимовна Ливанова.—Главное и, на мой взгляд, самое трудное — придумать тот или иной костюм.

— А, понимаю,—сказал я.—Мода — дело тонкое...

Таисия Ефимовна усмехнулась:

— Если бы дело было только в моде... Мы в первую очередь занимаемся производственной одеждой, на которую мода не имеет такого ума большого влияния. Скорее наоборот — практичный целесообразный стиль производственной одежды оказывает большое влияние на моду. Джинсы, куртки, свитера нашей повседневной одежды — прямое следствие влияния рабочего стиля. Мы стараемся одеваться поудобнее... А вот сконструировать удобную одежду — порой

сложнее, чем создать самый изысканный наряд. При мне состоялся междугородний телефонный разговор — Ливановой звонили из Киевского института имени Патона, где, как известно, занимаются проблемами сварки. Таисию Ефимовну спрашивали, можно ли для костюма сварщика использовать армированные нитки — лавсан с хлопком.

— Нет, — категорично сказала Ливанова.— Только чисто хлопчатобумажные. «Странно, — подумал я. — Ведь армированные нитки намного прочнее...»

— Верно, — согласилась Таисия Ефимовна. — Но вы забыли об ультрафиолетовом излучении. Лицо сварщик прикрывает щитком, а чем прикажете прикрыть костюм?.. — ?!

— Лавсан под действием ультрафиолета быстро теряет прочность. — И это лишь маленькая часть огромной проблемы — да-да, именно проблемы! — заключенной в костюме для сварщика. Костюм этот должен быть не горячим и в то же время не жесток, весьма прочен и одновременно не тяжел, быть очень теплым и в то же время хорошо вентилируемым.

— А вот вам еще одна частность, — продолжала Ливанова. — Какими, по вашему, должны быть рукава для такого костюма?

— Во-первых, наверное, довольно широкими, чтобы сварщик в случае необходимости мог надеть под него теплую одежду. А во-вторых, манжеты должны плотно охватывать руку, чтобы в рукав случайно не попала искра.

РАБОЧИЙ, ОДЕ

— Да,— согласилась Таисия Ефимовна,— все правильно. А еще рукава должны быть скроены так, чтобы сами по себе сгибались под углом 120 градусов. Именно под таким углом согнуты руки сварщика при работе.

— И человеку не нужно тратить дополнительные усилия, чтобы сгибать не только руки, но и рукава костюма!— догадалась я.

Подобных частностей набралось такое количество, что, когда конструкторы попытались учесть все их при проектировании, оказалось: нужного костюма... создать нельзя! Уж слишком велик диапазон требований. Сварщики сегодня варят в светлых цехах заводов и газопроводы в условиях вечной мерзлоты, под пронизывающими ветрами Заполярья. Сварщики сегодня работают в пустынях, в тропиках, а завтра того и гляди начнут летать в космос, на строительство орбитальных станций... Поэтому один всем известный и, прямо сказать, неуклюжий костюм сварщика в ближайшем будущем будет заменен сразу пятью. Каждая работа, таким должен быть и костюм для нее.

Это же требование конструкторы стараются выполнить и при проектировании другой производственной одежды:

Например, какой должна быть длина брюк для костюма оленевода? Оказывается, чуть ниже колена. Как показали исследования, длиннее и не надо. Обычная обувь тундры — сапоги или торбаса, брюки все равно убирают в них. А если оставить навыпуск — кустарники да камни вмиг отреплют штаны.

Костюмы для рыбаков шьют из непромокаемой и непротивляемой ткани. А скроены они так, чтобы было поменьше швов — именно в них-то и затекает вода. А спецовки для докеров Заполярья, которым приходится часто вести выгрузку на ненадежный ледовый припай, еще обладают запасом плавучести. Сами

Работа одежду
из непромокаемой
и непротивляемой
ткани

понимаете, что может произойти, если человек с грузом на плечах упадет в ледяную воду. Поэтому в верхней части костюма предусмотрены специальные карманы, в которых спрятаны бруски пенопласта. Карманы эти размещены с таким расчетом, чтобы они и не мешали работе и в то же время обеспечили удержание человека на плаву.

— И наконец, в производственной одежде имеет значение ее цвет,— сказала Ливанова.— Причем в данном случае цвет даже важнее. Тут дело не только во вкусе — мне нравится голубой, а вам серый. Нет, в производственной одежде цвет так же рационален, как и другие части костюма. Вот, к примеру, костюмы рыбаков обязательно имеют оранжевые детали. В данном случае яркий цвет просто необходим — человека в оранжевом легче обнаружить в море, если он упадет за борт. А костюм для пустыни или тропиков обязательно должен быть светлым. В белом на солнце немножко прохладнее, чем в темном.

— ...Да, чуть было не забыл,— спохватился я на пороге, уже совсем собравшись уходить.— А что у вас будет делать робот? И когда новую одежду наденут те, для кого она предназначена?

— Опытные партии костюмов уже носят,— сказала Зоя Степановна Чубарова.— А робот будет испытывать спецовки на прочность, вентилируемость, носкость... То есть делать то, что и положено роботу,— облегчать труд людей.

Работа одежду
из непромокаемой
и непротивляемой
ткани

Специальная
одежда для работы
на северных широтах

Работа одежду
из непромокаемой
и непротивляемой
ткани

Специальная
одежда для работы
на северных широтах

ТЫЙ ПО МОДЕ

О том, что среди московских архитекторов, членов творческого союза, есть долгожитель, которому уже переналило за сто, я узнал совершенно случайно, в коридоре одной из проектных организаций.

Шел разговор о «секретах долголетия». Одни говорили, что главный стимул его — сумма природных и климатических условий, таких, как, скажем, у кавказцев — чистейший горный воздух, близость моря, обилие фруктов. Ну и разумеренный уклад жизни, не допускающий так называемых стрессовых ситуаций.

Другие утверждали, что дело не только в этом, секрет долголетия в человеческой активности, его творческом импульсе, в любимой работе. В качестве примера один из собеседников назвал имя своего коллеги, архитектора Ивана Ивановича Загривко-Загреева. Ему довелось присутствовать на торжественном чествовании Ивана Ивановича, старейшего архитектора, профессора, генерал-лейтенанта в отставке, в день, когда тому исполнилось сто лет.

Меня заинтересовал этот человек. В московском отделении Союза архитекторов СССР мне дали папку с «личным делом» Ивана Ивановича, и я с большим интересом прочел его автобиографию, которая не укладывалась в стандартный размер подобного рода документов.

Я был взволнован: как могла одна человеческая жизнь вместить в себя столько масштабных и ярких событий. Было похоже, что прошагал человек через всю историю нашей страны, по этапам ее самых больших и трудных свершений.

Вот несколько страниц его жизни. Сибирь, 1919 год. Инженер И.И. Загривко-Загреев возглавил работы по восстановлению взорванного отступающими колчаковцами моста через Иртыш. Прервана связь Востока с Западом, приостановлено продвижение частей Красной Армии. Тревожную телеграмму шлет Ленин, требуя в кратчайший срок восстановить переправу. Тысячи рабочих, крестьян, красноармейцев в лютую сибирскую зиму вышли на лед Иртыша. Работали днем и ночью, при свете костров и факелов. Спасали мост. Одновременно проходили ледовую дорогу через реку. На настил из бревен укладывали щиты, вмораживали их в лед, а потом осторожно клади рельсы. Через неделю ледовая трасса была готова. До начала весны по ней проследовали десятки тысяч вагонов. А когда по восстановленному мосту проходил пробный состав, под ним по давней традиции стоял инженер-путеец И.И. Загривко-Загреев.

Первое десятилетие Советской власти. Судьба бросает талантливого инженера на крупнейшие стройки Сибири. Он участвует в строительстве Турксиба, Магнитогорского, Кузнецкого металлургических комбинатов. Работает консультантом на Челябинском тракторном, Южно-Уральском машиностроительном, Балхашском медеплавильном заводах.

В начале 30-х годов он приглашен в Москву, где работает руководителем кафедры архитектуры в Московском инженерно-строительном институте. Одновременно преподает в Московском институте железнодорожного транспорта, архитектурном и педагогическом институтах. В то же время, увлеченный гигантскими масштабами реконструкции столицы, Загривко-Загреев активно работает над проектом уникальных зданий. В содружестве с архитектором А.В. Щусевым участвует в строительстве таких выдающихся сооружений, как Мавзолей В.И. Ленина и гостиница «Москва».

Будучи знатоком Сибири и Дальнего Востока, он еще в 30-х годах вынаши-

вает идею строительства Байкало-Амурской магистрали, предлагает технически обоснованный план ее строительства. Спустя многие годы, когда экономический потенциал страны был достаточен для реализации этой идеи, из Госплана СССР ему сообщили о начале проектных работ. Иван Иванович счастлив. Он пристально следит за легендарной стройкой, по праву считая себя причастным к ее рождению.

Мы встретились с ним в одном из лучших пансионатов Москвы, где он отдыхал. В первую минуту этот высокий худой человек показался мне рассиянным и чем-то глубоко озабоченным. Но стоило ему заговорить, как это впечатление исчезло. Мы разговорились о прошлом, о событиях и людях. И я увидел, как глаза его оживились, зажглись, речь стала быстрой, взволнованной.

Никогда не забуду Сережу Кострикова. Мы готовились с ним к экзаменам в Томский технологический институт и жили в одной комнате. До сих пор помню адрес: Спасская, дом 12. Мог ли я тогда себе представить, что он станет руководителем ленин-

градских коммунистов Сергеем Мироновичем Кировым! Сколько ночей провели мы в беседах и спорах. Многое я запечатлел от него. О марксизме, о задачах революции, о роли пролетариата.

— Иван Иванович, известно, что вы прошли четыре войны, начиная с русско-японской.

— Да, это так. В русско-японскую я находился в Мамакурской армии. В рукопашной схватке получил тяжелую ножевую рану. Два месяца пролежал в госпитале. А когда вернулся в полк, наградили меня Георгиевской медалью и назначили конным ординарцем к генералу графу А.А. Игнатьеву. Я очень полюбил этого человека, храброго и чуткого. Случилось так, что почти полстолетия спустя мы встретились снова, и я получил от него подарок — книгу «50 лет в строю» с дарственной надписью.

А в 1914 году я был мобилизован и отправлен в действующую армию, которой командовал генерал Бруслов. В прифронтовой полосе мне, как инженеру-путешественнику, довелось строить мосты, наводить переправы, прокладывать подъездные пути.

Прошел и гражданскую войну. Судьба привела меня в ряды Красной Армии. В дни колчаковского террора оказались мы с товарищами в руках контразведки. После допросов и избиений повели нас на расстрел. Спасла меня чистая случайность. По дороге встретился полковник Андреев, с его дочкой я был хорошо знаком по танцевальным балам. А танцевал я в то время прекрасно, даже призы брали. Узнав меня, полковник остановил конвой, задал несколько вопросов, а потом приказал отпустить. Оказавшись на свободе, я переправился на лодке через Иртыш. Долго скитался, и все же удалось пробраться к своим. Приступил к одной из частей Красной Армии. Стал красногвардейцем. А к концу войны был уже комдивом.

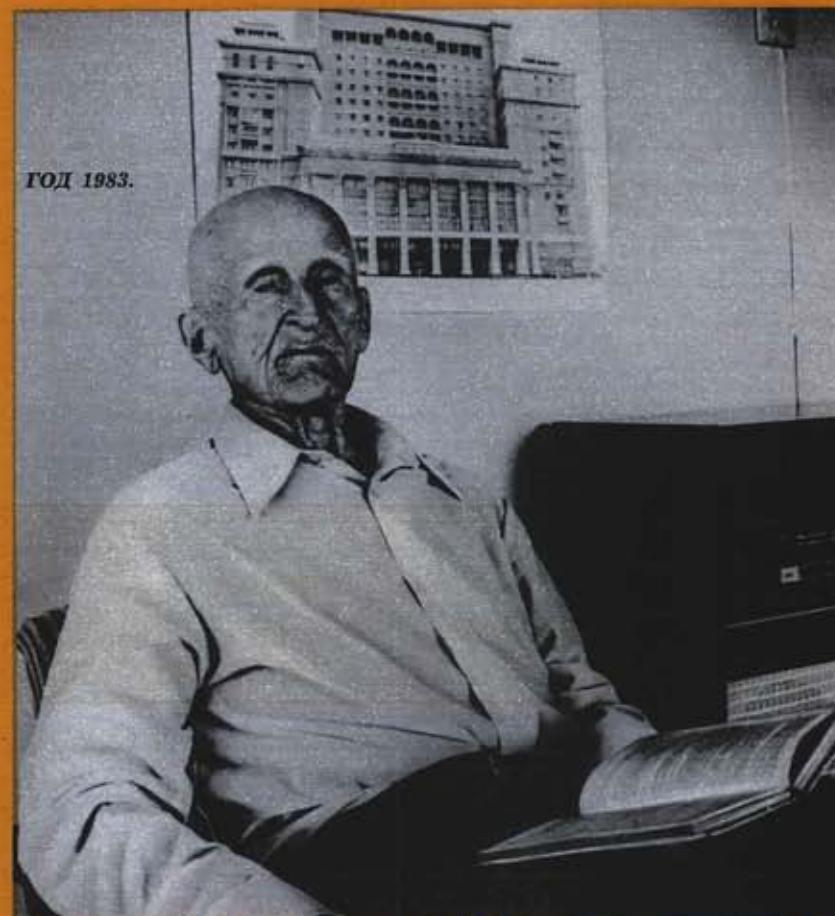
Ну, а потом Великая Отечественная. Когда она началась, мне было уже почти шестьдесят...

— Иван Иванович, что помогло вам сохранить на многие годы бодрость духа, работоспособность и крепкое здоровье?

— Не знаю, что вам на это ответить. Может быть, азарт помог. Жажда жизни. Не очень-то и жалел себя, стремился только вперед, на самый передний край. А может быть, конструкция та кая, запас прочности... Я ведь сибиряк. Ну и спорт, конечно. Любил бег, плавание, гимнастику. Но больше всего — классическую борьбу. Моим учителем был знаменитый русский богатырь Иван Поддубный.

Мне рассказывали, что Иван Иванович в возрасте 90 лет продолжал увлекаться плаванием, занимался гимнастикой и почти ежедневно совершал пробежки по аллеям парка.

В конце июня москвичу Ивану Ивановичу Загривко-Загрееву исполнился 101 год.

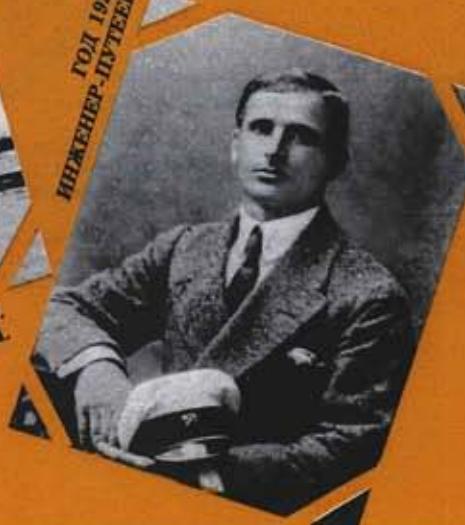
ЦЕЛЫЙ ВЕК ПРОЖИЛ ЧЕЛОВЕК

Год 1909.
Выпускник Томского
технологического
института.

Год 1920.
Инженер-путеец.

Год 1919.
Ледовая переправа.

Год 1919.
Перед отправкой
на фронт.

„литература и искусство“

Итоги третьего тура

В третьем туре конкурса эрудитов «Литература и искусство» участвовали сотни читателей, причем многие впервые. Особенно радуют письма в редакцию школьников, начиная с пятого класса. Правда, почти все они ответили лишь на несколько вопросов, но зато со знанием дела.

Большинство читателей считает, что третий тур оказался самым интересным и самым трудным в конкурсе эрудитов нынешнего года. Как самый легкий, выделили девятый вопрос. Да и справились с ним практически все. Самым «несчастливым», пожалуй, стал вопрос тридцатый. Многие читатели на него либо совсем не ответили, либо ответили неверно.

Но в целом большинство авторов, приславших в редакцию «домашнюю работу», показали высокую эрудицию и конкурсное прилежание. Многие правильно ответили на двенадцать и больше вопросов, только, к сожалению, не всегда с исчерпывающей полнотой,—разумеется, жюри учитывало это при подведении итогов. Особо при распределении баллов принимались во внимание полнота и верность ответов на самые сложные вопросы—второй, четвертый, пятый, восьмой и тринадцатый. В случае совершенно равного результата жюри отдавало предпочтение новичкам перед постоянными участниками конкурсов эрудитов.

Итак, победители третьего тура:

Т. КОЗЛОВА из г. Горького и **И. ТОСКАЕВА** из Москвы, которые представили по 14 полных и одному неполному ответу на вопросы. Они награждены книгой А. Герцена «Былое и думы» в трех томах.

Н. АВИЛОВА из Белгорода, **Г. ГЕТМАНСКАЯ** из Омска, **Т. СЕРГЕЕВА** из Воронежа, **А. ТУНКЕЛЬ** из Уфы и **Е. ФЕДОРОВА** из Днепропетровска. В память о конкурсе они получат в подарок произведения Данте «Божественная комедия» и Т. Готье «Капитан Фра-касс».

Е. ХОБЯКОВА из Красноярска. Приз—двухтомник Ф. Тютчева.

О. НАГАЕВА из г. Междуреченска Кемеровской области. Жюри награждает победительницу четырехтомником Р. Роллана.

З. АЛЕКПЕРОВА из Баку, **В. ВЛАСЕНКО** из Хабаровска и **Е. ШЕСТОПЕРОВА** из г. Куйбышева—для них подарочный четырехтомник Д. Голсупорса.

А. БЛИНОВА из Свердловска, **Н. КВАСОВА** из Ленинграда и **А. КОВАЛЕВА** из Саратова. Конкурсные награды: роман Ч. Диккенса «Лавка древностей» и книга И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

И еще десять участников награждаются подпиской на журнал «Смена» на 1984 год. Вот их имена: **Д. АМИНОВ** из г. Северодонецка Ворошиловградской области, **А. БАЛАГУТ** из Семипалатинска, **С. БАБУШКИН** из села Верх-Коен Новосибирской области, **В. КИСЕЛЕВ** из Свердловска, **З. КОСЕНКО** из г. Артемовска Донецкой области, **Н. КРАСНОВА** из Тулы, **А. НОВИКОВ** из г. Куйбышева, **Л. и Н. СМИРНОВЫ** из Донецка, **Ю. СТУДЕННИКОВ** из г. Буденновска Ставропольского края, **Н. ХАПУГИН** из Красноярска.

Все победители, кроме того, удостоены Почетных дипломов «Смены». Дипломами также отмечены **В. АПЛАТОВ** из пос. Заря Московской области, **В. БАКАНОВ** из Свердловска, **Е. КОРОЛЕВА** из Севастополя, 15 участников клуба книголюбов из пос. Южный Алтайского края, 12 участников—первокурсники отделения актеров драмы и вокального отделения Волгоградского училища искусств. Жюри сочло возможным дополнительно отметить дипломом работу семиклассницы **Оксаны ПОПОВОЙ** из Тюмени.

За удачные ответы на отдельные вопросы жюри решило наградить Почетными дипломами «Смены» четырех участников: **И. АЛЕКСАНДРОВУ** из села Пензенское Сахалинской области (пятнадцатый вопрос), **Е. ТИХОНЕНКО** из г. Дубны Московской области (пятый вопрос), **восьмиклассницу И. ТРУСОВУ** из г. Сызрани Куйбышевской области, **Д. ФОКИНА** из Петрозаводска (за ответы на первый вопрос).

Поздравляем победителей и благодарим всех участников состязания. А теперь, публикуя ответы на вопросы третьего тура конкурса эрудитов «Литература и искусство», предлагаем каждому проверить себя.

1. В 20-е годы в нашей стране был нарисован уникальный портрет В. И. Ленина на скале. Где и когда именно? Кто его автор?

— В июле 1925 года на скале горы Машук в Пятигорске, на высоте 400 метров. Портрет виден из разных точек города. Его автор—ростовский художник и поэт Николай Щуклин.

2. Съемочной группе одного из первых советских фильмов в знак благодарности было вручено знамя. Во второй части текста на знамени были слова: «От многих тысяч рабочих фабрики «Коммунар» пролетарское спасибо. Да здравствует советское кино, великий спутник социализма!» Что было в первой части текста? О каком фильме идет речь? Назовите режиссера и оператора.

— Текст на знамени начался так: «Работникам Госкинпрома при Наркомпросе ССР Грузии, создателям первого лучшего советского фильма «Красные дьяволы». Знамя вручили рабочие фабрики «Коммунистический авангард» (г. Гусь-Хрустальный). Режиссер фильма Иван Перестиани, оператор Александр Дигмелов.

3. Советский поэт и композитор впервые встретились в 1939 году. В результате их сотрудничества родилась песня, которая в течение года завоевала популярность во всем мире. Итальянские партизаны, сражавшиеся с фашистами, сделали ее своим гимном. Назовите поэта, композитора и песню.

— М. Исааковский. М. Блантер. «Катюша».

4. А. М. Горький писал: «Это непобедимый герой... он побеждает всех и всё... сам же остается бессмертен». «Какой характер, какой цельный и художественный характер, как он доверчив, как он весел и прямодушен: как он не хочет верить злу и обману, как быстро гневается и бросается на несправедливость»,—писал Ф. М. Достоевский. О каком герое русского народного театра идет речь? От какого аналогичного итальянского героя он ведет свою родословную? Как возник этот последний?

— Петрушка, которого хорошо знали и любили в России уже в XVIII веке. Он ведет свою родословную от героя итальянского народного театра Пульчинеллы. Вкратце история его рождения такова. Часто среди найденных при раскопках в средние века кукол и статуэток встречалась очень занятная: голова неправильной формы, горб на спине, крючковатый нос, огромный живот и живой, острый взгляд. Это была фигура возникшая во времена Древнего Рима кукольного героя—Маккуса. Находка понравилась итальянцам, и они по его подобию сделали куклу, которую назвали Пульчинелла—Петушок.

5. Эта античная статуя—один из самых редких памятников искусства в Эрмитаже. Она первой привезена в Россию. Когда и кем? Назовите статую и ее прообраз. Почему она называется именно так? Ее видел А. С. Пушкин. Где?

— Статуя Венеры Таврической. Открыта при раскопках в Италии в 1718 году и была куплена Юрием Кологривовым, послом Петра I в Риме. В Петербурге она украшала Летний сад. Но, по одним сведениям, в 70-х годах XVIII столетия, а по другим—в 1806 году, она попала в Таврический дворец, откуда пошло ее название. При Павле I этот дворец был превращен в кавалерийские казармы, и статуя Венеры переместилась на склад гоффинантской конторы, где ее и видел А. С. Пушкин, получивший доступ к архивам во время работы над историей Петра I. В коллекцию Эрмитажа она была включена лишь в середине XIX века. Ее прообразом считают Афродиту Книдскую, изваянную Праксителем.

6. Все знают поэму А. Твардовского «Василий Теркин». А есть ли в литературе еще произведение с таким названием? И если есть, то кто его автор?

— Есть. Роман «Василий Теркин» русского писателя Л. Боборыкина, который написан в 1892 году. (Читатель В. Кудрявин из Чебоксар обнаружил, что существует еще и пьеса П. Градова «Василий Теркин».)

7. Назовите одно из самых интересных в нашей стране хранилищ древних рукописей. У его подножия стоит памятник создателю национального алфавита, а справа и слева от входа помещены шесть фигур выдающихся деятелей средневековья. Кто они? Твор-

чеством скольких поэтов представлена в хранилище средневековая национальная поэзия?

— Матенадаран в Ереване. У подножия стоит памятник Месропу Маштоцу. Между нишами помещены фигуры художника-миниатюриста Тороса Рослина, философа и живописца Григора Татеваци, математика и астронома Анания Ширакаци, историка Мовсеса Хоренаци, баснописца и автора армянского судебника Мхитара Гоша и поэта Фрика. В Матенадаране представлено творчество 540 средневековых армянских поэтов.

8. Справедливо считают, что первым «в мир абстрактных геометрических форм серебряных сосудов натуралистические формы» ввел великий А. Дюрер. Но на Руси такие формы известны с глубокой древности. Назовите одну из самых древних форм русского ковша, которая не встречается больше нигде—ни в Европе, ни в Азии. Где хранится самый старый из металлических ковшей этой формы? Его вывезли из Новгорода. Кому он принадлежал? Как называется отогнутый конец ковша?

— Одна из древнейших русских форм посуды—ковш-чаша, напоминающий плывущую утку. Самый старый из уцелевших ковшей—серебряный—сделан во второй четверти XV века. Он хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Принадлежал государственному деятелю Евфимию, строителю новгородской Грановитой палаты. Отогнутый конец ковша—пельость.

9. Какую роль в судьбе Т. Г. Шевченко сыграл портрет В. А. Жуковского? Кто написал этот портрет?

— Портрет В. А. Жуковского, написанный К. П. Брюлловым, был разыгран в лотерее. На вырученные деньги Т. Г. Шевченко был выкуплен из крепостной зависимости.

10. В 1907 году стараниями известного театрально-го деятеля С. Дягилева в Париже открылся первый русский оперный сезон. Оперы «Борис Годунов», «Руслан и Людмила», «Князь Игорь» прославили русское искусство. А когда в столице Франции открылся первый русский балетный сезон? Что стало его символом и эмблемой? Кто нарисовал эмблему? Какой балет был показан в первый вечер? Кто танцевал партию героини?

— Балетный сезон открылся 19 мая 1909 года в театре Шатле. Символом и эмблемой сезона стал силуэт великой балерины Анны Павловой, нарисованный В. Серовым. Первым был показан балет Н. Черепнина «Павильон Армиды». Заглавную роль танцевала молодая балерина Вера Карапли.

11. Первого октября 1872 года на премьере драмы А. Доде «Арлезианка», музыку к которой написал Ж. Бизе, впервые прозвучал новый инструмент, о котором Д. Россини сказал: «Никогда не слышал ничего прекраснее!» Назовите этот инструмент.

— Саксофон.

12. Известно изречение древнегреческого поэта Симонида Коесского: «Живопись—немая музыка, а поэзия—говорящая живопись». А кто и когда впервые сказал: «Архитектура—застывшая музыка»?

— И. Гете 23 марта 1829 года в беседе со своим секретарем Эккерманом.

13. В ноябре 1966 года был открыт для посетителей музей древнейшего в мире искусства. Он расположен в одном из самых современных по архитектуре зданий одного из самых старых городов мира. Назовите музей и город, где он находится.

— Иракский музей древностей в Багдаде.

14. С давних пор дирижер стоял лицом к зрителям, что мешало музыкантам следить за ним. Кто первым из дирижеров повернулся к оркестру лицом?

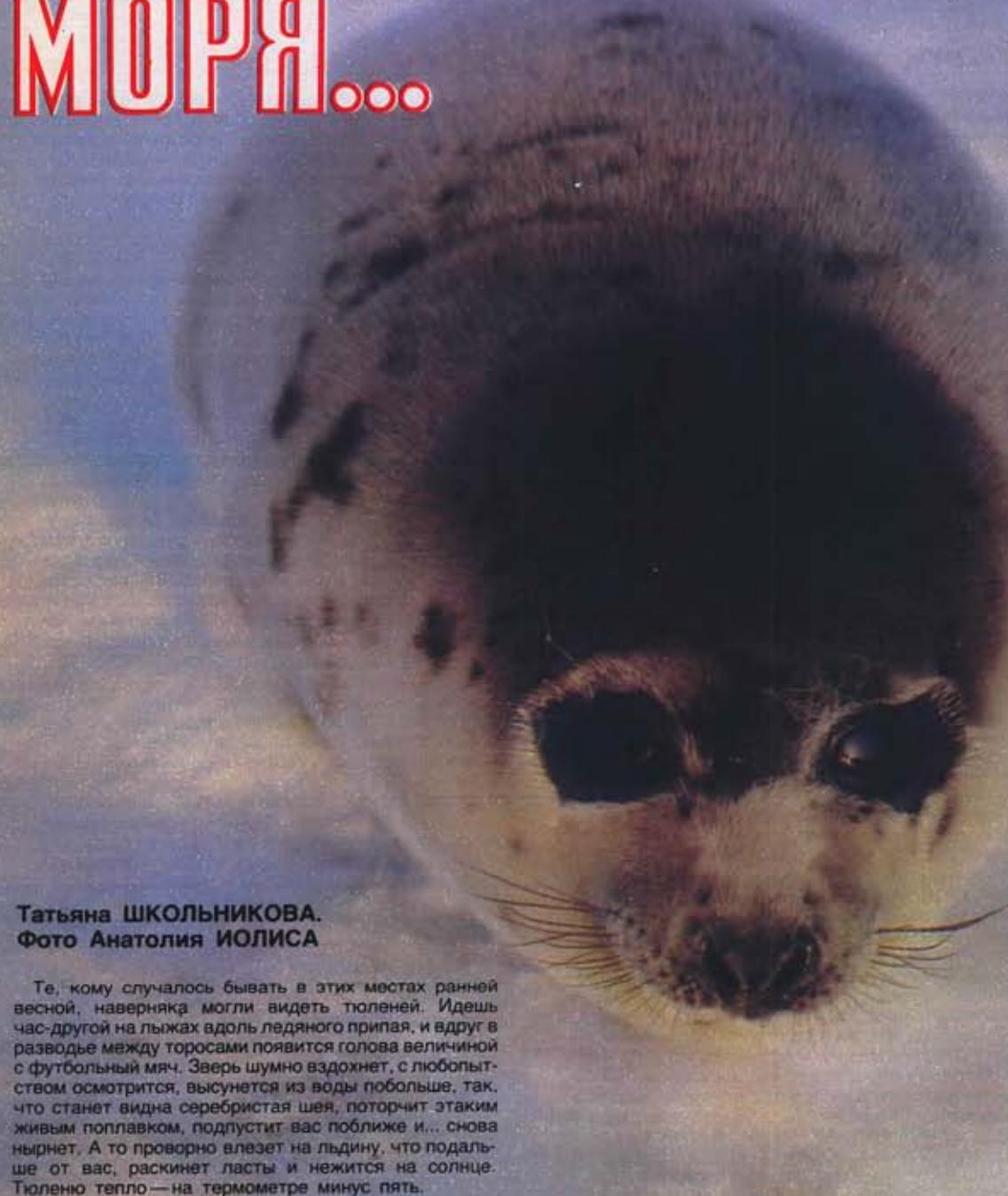
— Великий композитор и дирижер Рихард Вагнер.

15. Как известно, Ганс Фаллада—псевдоним немецкого писателя. Назовите его настоящую фамилию. Откуда он взял себе псевдоним?

— Настоящая фамилия Ганса Фаллады—Рудольф Дитцен. Псевдоним он взял из любимых им сказок братьев Гримм. Фалладой зовут всегда говорящую правду лошадь из сказки «Гусятница».

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ В КОНКУРСАХ ЭРУДИТОВ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! КАК ВЫ УЖЕ ЗНАЕТЕ, КОНКУРС БУДУЩЕГО ГОДА БУДЕТ ОБЩЕТЕМАТИЧЕСКИМ. ЖДЕМ ОТ ВАС ИНТЕРЕСНЫХ ВОПРОСОВ.

У САМОГО БЕЛОГО МОРЯ...

Татьяна ШКОЛЬНИКОВА.
Фото Анатолия ИОЛИСА

Те, кому случалось бывать в этих местах ранней весной, наверняка могли видеть тюленей. Идешь час-другой на лыжах вдоль ледяного припая, и вдруг в разводье между торосами появится голова величиной с футбольный мяч. Зверь шумно вздохнет, с любопытством осмотрится, высунется из воды побольше, так, что станет видна серебристая шея, поторчит этаким живым поплавком, подпустит вас поближе и... снова нырнет. А то проворно влезет на льдину, что подальше от вас, раскинет ласты и нежится на солнце. Тюленю тепло — на термометре минус пять.

НА ТЮЛЕНЬЕЙ ФЕРМЕ.

ДОВЕРЧИВЫЕ МАЛЫШИ НЕ БОЯТСЯ ЛЮДЕЙ.

БЕЛЬКИ ЛИНЯЮТ В СЧИТАННЫЕ ДНИ.

Для жителей старейшего поморского поселка Койда описанная картина не в диковинку. Койдане — мужественные моряки, удачливые рыбаки и зверобои. Люди они к тому же мастеровые, с особой хозяйской смекалкой. На всем побережье славятся карбасы, «шитые» их руками. Вот и взялись они за новое, невиданное до недавней поры дело — собрали со льдин детеныш тюленей и поселили их на специально построенной по этому случаю колхозной ферме. Так что теперь к стаду коров прибавилось еще стадо тюленей, четырнадцать тысяч голов.

— Промысел морского зверя — рассказывает председатель колхоза Петр Васильевич Жуков — занятие для нас традиционное. С приближением весны снаряжали карбасы: брали с собой дрова, керосин и на два-три месяца уходили в море. А теперь вот летаем на вертолетах, каждый вечер домой возвращаемся.

«Вольерный способ доращивания морского зверя» — так стали называть этот вид промысла. По подсчетам ученых, 60 процентов молодняка гибнет в первом же плавании — при летней миграции животных из Белого моря в более северные широты. Гибнут, конечно же, прежде всего слабые и больные. А нельзя ли вмешаться в этот неизбежный процесс, чтобы потери обернуть прибылью и при этом не повредить популяции? Ответ на этот вопрос подсказала сама природа. Так, было подмечено, что утятгамать кормят детеныша только три недели. За это время щенки успевают набрать значительный вес, растут буквально не по дням, а по часам, ведь молоко утятги в 10 раз жирнее коровьего. И если новорожденный весит примерно семь, то через две недели он поправляется до 50–60 килограммов.

Щенку во время линьки, как медведю зимой, приходится жить за счет накопленного жира: лежит он неподвижно целыми днями, дремлет. Пушистая шуба и толстый слой жира — надежная защита от мороза. А белый мех хорошо маскирует малыша среди льда и торосов.

Первый эксперимент по доращиванию бельков в вольерах до стадии серки — так называют маленько-го тюленя после линьки — был проведен в 1971 году. Тогда в село Зимняя Золотица привезли 25 бельков. Линька зверей прошла успешно, и на следующий год завезли их две тысячи. Теперь вольеры с морскими животными занимают обширные площади около поселка Койда на берегу Мезенского залива.

Фантастика: прототип фермы морских животных! Здесь тюлени длительное время находятся под наблюдением людей. Поэтому-то и едут сюда ученые: из Мурманского полярного института рыбного хозяйства и океанографии, из московских НИИ...

Как чувствуют себя новоселы? Захожу в вольер. Одни, утрамбовав в снегу ямку, спокойно лежат в ней, лениво поворачиваются, подставляя то один, то другой бок яркому солнцу, потягиваются. Более общительные ползают, урчат что-то соседу, как котята, только громче. Есть среди них и «спортсмены». Они увлеченно гоняют носом ледышку, словно шайбу. А кто-то, случайно соскользнув с горки, неуклюже взбирается вверх, чтобы скатиться снова. И так до тех пор, пока завистливый сосед не отнимет место...

— Тюлени прилетели! — кричат мальчишки и гурьбой сворачивают туда, где затаихает гул вертолета. Что ж, «летающий тюлень» для Зимней Золотицы и Койды — явление обычное.

АЛЛА ПУГАЧЕВА

НОСИФ КОБЗОН

ИРИНА ПОНАРОВСКАЯ

ЮРИЙ АНТОНОВ

КОНКУРС «10 ЛУЧШИХ»

2780 читателей «Смены»
назвали лучших
эстрадных певцов
1983 года

Итак, подведены итоги нашего конкурса «10 лучших» — певиц, певцов, песен,— объявленного в № 10 этого года. На фотографиях вы видите лауреатов: их имена выявлены на основе читательского опроса. К сожалению, при всем обилии почты мы не смогли определить лауреатов среди песен — в основном нам писали о тех из них, которые чаще всего звучат в эфире и на концертах. О популярных. Но ведь «популярная — еще не значит лучшая» — к этим словам из письма москвички Марине Самойловой нельзя не присоединиться.

Нам хотелось узнать о песнях последних лет, к которым у читателей есть свое отношение.

Подобно отношению к творчеству любимого исполнителя: в письмах часто встречались глубокие оценки, заинтересованная критика, пожелания. Спасибо, дорогие читатели!

Напишите нам в 1984 году о «своей» для каждого из вас песне. Чем привлекла?

Какие чувства и мысли вызывала? Чье исполнение, на ваш взгляд, содержательнее? Пусть это будет небольшой этюд о любимой песне.

Самые интересные из них мы опубликуем в музыкальном клубе. Ждем ваших писем! На конверте делайте пометку: «Моя песня».

СОФИЯ РОТАРУ

НИКОЛАЙ ГНАТОК

АННЕ ВЕСКИ

ОЛЬГА ПИРАГС

ИГОРЬ ИВАНОВ

НАДЕЖДА ЧЕПРАГА

Фальшивая нота

Фельетоном Юрия Рагозина мы открываем новую рубрику Музыкального клуба. Приглашаем читателей принять в нее участие, ждем ваших критических откликов о всякого рода псевдомузыкальных явлениях.

Начнется играть на гитаре предельно просто. Спросите любого скрипача. Если гитара ритм-соло освоена, то и бас-гитара — уже пройденный этап: на ней всего четыре струны. На ударных же, как шутят профессионалы, вообще каждый заяц может. Неплохо бы еще и петь. Необходимо своим голосом. Голос при нынешнем развитии электромузикальной аппаратуры — роскошь совершенно излишняя, вроде личного вертолета или домашнего слона. Кто понимает, конечно. А кто ждет милости от природы, сырье яйца пьет по утрам и хоронится от сквозняков, лелея свой божий дар, — так это дилетантство чистейшей воды. Прикупите импортную аппаратуру: с ее помощью из Шаляпина Карузо сделать — пара пустяков.

Пора сколачивать группу. Осталось придумать название. Так, «Голубые гитары», «Аккорд» — было. АББА, «Шокин Блю» — старо. Может, «Эстамп»? Не из музыки термин? Так есть же и «Витамин» и «Апельсин», нет только «Сладкой свеклы». Для остроты и благозвучия добавьте к названию слово «бэнд».

Теперь самое элементарное — сочинить музыку. Это дважды два. Сейчас каждый второй певец — сам себе композитор, а каждый третий композитор — сам себе и певец. Перед вами семь нот. Перемешайте их, запишите в произвольном порядке. Ах, вы не знаете? Ерунда. Кто их теперь знает! Со временем они и вовсе отомрут. За ненадобностью. «Би джиз» уйму «золотых» дисков наплавили и до сих пор похваляются, будто нот никогда и в глаза не видели, полагая, что ноты — это какая-то приправа к омарам или креветкам, а сочинять шлягеры, по их словам, дело обыденное, вроде как «пепси» выпить.

Так, с музыкой покончено. Сложим слова. Стихи для песни — необязательно. Пусть их поэты пишут в бессонницу или когда кушать хочется, а не на что. Нам нужен текст. Приступайте. Чем непонятнее, тем пикантней. Неплохо бы и философии подпустить, к примеру: «Я нашел не то, что искал, а искал не то, что хотел» («Машина времени»). Хотел одно, искал почему-то другое, нашел третье. Где возникает вопрос: почему? — тут как раз и кончается поэзия, начинается философия. По этой грани надо иходить. Пойдут слухи, что вы неординарны и высококонтинтульны.

Смахните пот со лба. Дело сделано. Теперь, если у вас есть жокейская кепочка или дамская шляпка и кроссовки, — смело на сцену! Если в ансамбле присутствуют женщины — в нарядах выберите что-нибудь посмелее. Это любят.

Заказывайте афиши. Перед назначением ансамбля добавьте жанровое определение типа: джаз-рок-симфо-фолк-поп-группа «Эстамп-бэнд». Считайте, успех — в плане.

Теперь давайте заглянем на концерт. Вот только проблема — куда пойти? Давайте не будем выбирать и гадать. Смешаем в шляпе условные номера разнообразных ВИА и запустим в эту самую шляпу зудящую от нетерпения руку. Трудно пошевелить пальцами? Да, слишком обильная масса их окружает... Но — раз, два, три! И на сцене появляется симфо-рок-группа...

В 1978 году проходило итоговое заседание жюри конкурса Союза композиторов СССР на лучшую песню о Москве. Среди профессионалов выступила тогда и десятилетняя школьница Лиза Кавина. Она исполнила свою песню «Столица мира и труда», за что ей был вручен поощрительный приз. Сейчас пятнадцатилетний композитор консультируется в Московской государственной консерватории у композитора Р. С. Леденева. В творческом активе Лиды — около 70 различных произведений, среди которых крупные и сложные по форме, как сонаты и пьесы для скрипки и фортепиано.

С восьми лет Лиза Кавина занимается художественной гимнастикой, в студии спортивного танца, не упускает случая наравне с мальчишками поучаствовать в дворовых забавах, но все чаще и все внимательнее рассматривает мамины рисунки-фантазии по произведениям Чайковского и Грига. Потом садится за фортепиано, задумывается и начинает подбирать музыкальные фразы. «Я вижу музыку даже в самых простых предметах», — говорит маленькая девочка. А когда созревала та или иная, нехитрая еще по замыслу пьеска и Лиза записывала ее в нотах, то радость выражалась вслух так: «Вот теперь зарисовала то, что увидела».

Сейчас у Лиды, несмотря на юность, именно напряженная творческая жизнь: концерты в домах и дворцах культуры, авторские вечера в московских Домах журналистов и архитекторов... Без всякой натяжки

все молоды и энергичны. Брюки-«бананчики», свободные рубашки, и лишь один супероригинал в обычном костюме и при галстуке. Последним возникает руководитель группы. Зрители встречают его лавинными аплодисментами и «соловиным» посыптом. Руководитель — подвижный симпатичный парень. У него замечательная шевелюра, пышная и кудрявая. Однако где-то я уже видел точно такую же копну волос... Ах, да! Макаревич («Машина времени»). И еще Леонтьев. Не забыть и Бобби Фарела («Бони М»). И Лео Сайер в этой компании. А можно наоборот — Сайер, Фарел, Леонтьев и т. д. Вот природа! Что ни солист, то кудрявый!

Руководитель группы красиво, как лебедь крыльями, машет руками. Луч прожектора создает на экране нимб над его головой, и зрители начинают, поеживаясь, сомневаться: кто же перед ними...

Второе отделение. Почти все участники успели перевоплотиться, в смысле переодеться. Теперь руководитель — в красивой накидке с солнцем на груди и напоминает гибрид римского патриция с мушкетером. Один из гитаристов надел на скромную фирменную майку скромный рабочий комбинезон, на голову — неброскую загородную шляпу а-ля панама.

Лидер группы страстью танцует с микрофонной стойкой. Особенно ему удается «двойной тулу». И он не одинок в горячем стремлении попрыгать. Участники ансамбля начинают дружно скакать козликами, весьма ловко и похоже. В зале рев. Публике тоже охота порезвиться на свои два пятьдесят, поскакать козликом, но не все в кроссовках. А как только солист начинает прихлопывать в такт — публика коллективно поддерживает его душевный порыв. Передо мной сидит милая девушка и тоже активно участвует в этом хлопанье. Сколько пыла и страсти в хрупком создании!.. Только почему-то руки она держит (как, впрочем, и остальные) над головой, и мне ничего не видно. Кроме ее рук, конечно. Довольно приятное зрелище, безусловно. Грация, и все такое. Но я пришел сюда не из-за этого...

К концу второго отделения между ансамблем и благодарной публикой сложился редкий по задушевности диалог, взаимопонимание без слов; но в гуще этой беседы текстов песен я, к сожалению, не понял. На этом мы прощаемся с полюбившейся до слез группой, так, кстати, и не узнав, почему она называется «симфо-рок». Но это уже детали...

Теперь, если вы не устали, давайте из нашей шляпы вытянем для ревизии еще какой-нибудь ансамбль. Он! На этот раз (вновь утаем название)...

После объявления «Прелюдия Шостаковича» в зале повисает напряжение: поп-музыка и Шостакович? Ну-ну... И вот на доверчивого зрителя не очень молодые оркестранты обрушаивают такой сочный по колориту грохот, что если кому не довелось наблюдать проснувшийся вулкан типа Везувий рекомендую специально зайти на концерт этой крепко сколоченной группы.

Пока зритель приходит в себя, со сцены уже летят зажигающие душу мелодии русских народных песен, этакая птичка-полька в стиле «рок»...

Вы, наверно, наивно полагаете, что оглохнете после концерта по вине оркестрантов? И не получите наслаждения от музыки по вине композиторов или руководства филармонии, будильно следящей за репертуаром ансамблей? Ошибаетесь. Дело в том, что научиться играть на гитаре предельно просто. Легче, чем на скрипке...

А вы-то думали!

Уважаемые читатели, вы побывали на нескольких «концертах» вокально-инструментальных ансамблей. Автор нарисовал, сожалению, в общем типичную картину. О ВИА уже много написано: о слабой музыке, о сомнительных текстах песен, о более чем экстравагантном внешнем виде и поведении на сцене. Конечно, определенный жанр требует определенной формы выражения, но то, что многие ВИА выдают за норму, недопустимо на эстраде. Если вы, читатели, следите за творчеством ВИА и имеете свою точку зрения на проблемы, стоящие перед ними, присыпайте ваши размышления и пожелания в адрес Клуба.

Рисунок Александра Щурова

Юрий РАГОЗИН

ФЕЛЬЕТОН

«В первом отделении — композиция «Я — человек!», — объявляют со сцены. — Это концерт-поэма, стихи (называются имя известного поэта), музыка — нашей группы. Во втором отделении — песни, написанные нами».

Якобы гражданская тема в поэме-концерте звучит мощно; разнообразен ритмический рисунок, богато красками инструментальное решение, но!!! Яставил три восклицательных знака и вопрос на голосование: а что, если мы переведем название группы на английский язык и впредь будем величать ансамбль сугубо по-английски? Объясняю: на девяносто пять процентов я не понял, о чём поёт симпатичный кудрявый парень. (Есть подозрение, что поёт он все же стихи известного поэта.) Если в английском языке я понимаю текст на слух примерно через два-три слова, то здесь через восемь — десять, и уловить смысл — выше моих способностей. Но это еще не все. Демонстрируя великолепие своей аппаратуры, звукооператор настроил такой уровень громкости, что вскоре я начинаю всерьез опасаться за сохранность своих барабанных перепонок и пассивно сочувствовать зрителям первых рядов, ибо шум Ниагарского водопада в сравнении с мощью аппаратурой ансамбля — милое щебетание колибри. Однако настроение благодарной публики имеет несколько иную тональность. Либо основную массу устраивает вкушение музыкальных прелестей без понимания текста, либо публика знает наизусть эти стихи. В последнем я позволю себе усомниться.

Я ВИЖУ МУЗЫКУ

можно сказать, что ее творчество получило и международное признание — на Ассамблее «Знамя Мира», проходившей в Болгарии в честь Года ребенка. Лиза выступила со своей песней «Сироты Чили» и исполнила несколько сюит.

Творчество юного композитора хочется назвать серьезным даже не только из-за количества уже написанного, сколько из отношения к своим способностям. Будто кто-то добрый шепнул ей в детстве: «Талант не растет сам собой — его распит человек, обладающий им». И Лиза работает, ищет, не удовлетворяется программой музыкальной школы и достичь: сама учится играть на скрипке, гитаре, электроинструментах и пишет музыку для них. А в телепередаче «Москвичка» она играла на уникальном солирующим электроинструменте «Терменвокс».

...Это не просто приятно, это удивительно, когда пятнадцатилетней девочке можно пожелать творческих успехов!

Ефим АФАНАСЬЕВ

Фото
Ильи
ГРЖИБОВСКОГО

ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА

Второй тур вызвал у любителей спорта не меньший интерес, чем первый. По мнению участников, вопросы второго тура (см. «Смену» № 12) более конкретны и потому ответить на них было легче. Однако острота борьбы за победу, которую участники вели буквально в «каждом вопросе», показывает, что легкость эта обманчива.

Потери очков начались с первого задания. Без труда назвав дату введения в нашей стране комплекса ГТО (11 марта 1931 г.), многие неверно указали время создания Всесоюзного совета ГТО. Правильный ответ — апрель 1972 года.

Наиболее четко и полно отвечали любители спорта на второй, третий и четвертый вопросы, хотя и здесь не обошлось без неточностей. Например, в третьем вопросе большинство участников называли Г. Ермолову и Л. Кочетову первыми чемпионками мира по велоспорту. В действительности первой чемпионкой была Ермолова: когда ей вручили золотую медаль, Кочетова еще только вышла в полуфинал в своем виде, и ее победа была впереди.

Что касается пятого вопроса, то здесь наибольшее количество очков набрали 17 участников конкурса, правильно указавшие не только вратарей сборной СССР по хоккею Н. Пучкова и Г. Миртычана, но и число игр, проведенных ими на чемпионате мира в Стокгольме — соответственно 5 и 3.

Камнем преткновения для 80 процентов участников неожиданно оказался шестой, «футбольный», вопрос. Лишь 133 участника из более чем тысячи приславших свои ответы правильно назвали победителя первого чемпионата СССР по футболу 1924 года — команду Харькова.

А вот на седьмой вопрос абсолютно все ответили правильно: наш первый олимпийский чемпион по стрельбе — А. Богданов, его результат 1123 очка.

У некоторых участников была ошибка в ответе на восьмой вопрос. Не все указали, что Федерация легкой атлетики СССР вступила в Международную федерацию в 1947 году.

В общем, борьба за победу шла, что называется,

очко в очко, пока дело не дошло до девятого и десятого вопросов. Верно предположил В. Пересунько из Ленинграда: «Победителем второго тура определяются ответы на два последних вопроса». Так же считал и В. Щипцов из г. Железнодорожный Московской области: «Просмотрел много спортивной литературы, чтобы правильно ответить на девятый вопрос, но, кажется, мне это не удалось». А на самом деле В. Щипцов, как и еще одиннадцать участников, ответил совершенно точно. Всесоюзные спортивные федерации возглавляют космонавты: А. Леонов — совет по комплексу ГТО, В. Лебедев — акробатики, Ю. Глазков — бадминтона, П. Попович — бокса, В. Коваленок — прыжков на батуте, Б. Волынов — тенниса, Г. Гречко — горнолыжного спорта, В. Севастьянов — шахмат.

Решающим в споре за победу, безусловно, стал десятый вопрос. Лишь тем участникам, которые назвали более сорока выдающихся советских спортсменов, добившихся успехов и на научном поприще, удалось войти в число победителей.

Итак, второй тур выиграла:

1. В. Макаров (Москва) — 83 очка; 2—3. С. Журиба (с. Подгорное Львовской обл.) и А. Струков (Люберцы Московской обл.) — по 79; 4. В. Палишин (Москва) — 78; 5—8. В. Белов (Ходино Минской обл.), И. Икаунинек (Резекне Латвийской ССР), В. Пересунько (Ленинград) и А. Юдников (Кирово-Чепецк) — по 77; 9. А. Лебедев (Шелково Московской обл.) — 76; 10—17. школьник С. Агафонов (Белгород), А. Гришанов (Ленинград), В. Карпуха (Северодвинск), Л. Колотуша (с. Мирополье Сумской обл.), Ю. Майстровский (Куйбышев), А. Подгайченко (Гродно), М. Пронин (Москва) и В. Харитонов (п. Снежногорск Красноярского края) — по 74; 18—23. В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре), С. Данченко (Бердянск), М. Кацман (Калуга), Ю. Степченко (Ленинград), А. Фетисов (г. Красный Сулин Ростовской обл.) и А. Шопырев (Борисово Ленинградской обл.) — по 73.

Участники конкурса высказывали пожелания «Смены» и в будущем проводить такие соревнования.

О. Петренко из Кременчуга даже предлагает: «Неплохо было бы, помимо вопросов, ввести требование, скажем, пробежать кросс или наездить на велосипеде какое-то количество километров. Тогда участники самым непосредственным образом приобщились бы к физкультуре и спорту». Жюри обсудит и это предложение наряду с другими, которые будут учтены в наших будущих зональных соревнованиях.

А теперь — окончательные итоги турнира. Абсолютными победителями по сумме двух туров стали:

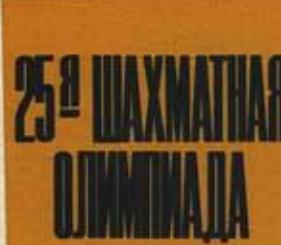
1. М. Пронин (Москва) — 262 очка; 2. В. Макаров (Москва) — 257; 3. А. Лебедев (Шелково) — 234; 4. С. Журиба (с. Подгорное) — 222; 5. В. Харитонов (п. Снежногорск) — 203; 6. В. Пересунько (Ленинград) — 200; 7. Ю. Степченко (Ленинград) — 189; 8. В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре) — 187.

За лучшее оформление работ жюри отмечает студентку ВЗИСИ Л. Флуг (г. Гусь-Хрустальный) — по первому туру и В. Трегубова (Кемерово) — по второму туру, а за подробные, обстоятельные ответы на отдельные вопросы В. Атяшкина (Томск), Н. Батурина (Чита), А. Булава (Орел), А. Буркацкого (Новокузнецк) — по первому туру и десятиклассницу И. Антонову (Донецк), Б. Гаврюшкину (Благовещенск), мастера спорта В. Симонова (Приозерск Джезказганской обл.), В. Смирнова (Казань) — по второму туру.

Дорогие друзья! Мы сердечно поздравляем всех победителей, в том числе, конечно, и тех, кто выиграл в первом туре (см. «Смену» № 19). Победители получат награды. Но разве может хоть кто-нибудь из участников считать себя проигравшим? «Сожалею, что не удалось принять участие в первом туре», — пишет В. Киселева из Вологодской области, — сдавала экзамены. Но верю, что мы еще «посражаемся». Ведь не то главное, кто станет победителем. Главное — стать членом нашей огромной читательской «команды». Правда? Целиком и полностью разделяя эту точку зрения, приглашаем всех любителей спорта принять участие в соревнованиях, которые мы проведем на страницах «Смены» в 1984 году!

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

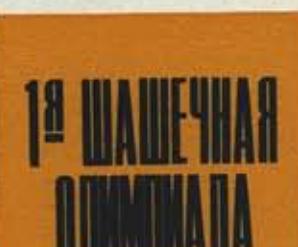
электромеханик О. КЕКУШЕВ (Москва), принимавший участие в олимпиаде вместе со своим сыном, военнослужащим Л. КРАВЦОВ, инженерами В. БАКУЛИН (Москва) и Б. ИГНАТОВ (Тамбов), школьниками А. АНДРЕЕВ (с. Октябрьское Марселянского района Чувашской АССР) и И. ВАНИН (Москва), а также А. ПАНФИЛОВ (Ленинград) и П. ЛУКЬЯНЧУК (г. Ковель Волынской обл.).

Победитель и призеры будут награждены дипломами «Смены» и книгами.

Более четырехсот участников олимпиады выполнили разрядные требования: либо повысили свою шахматную квалификацию, либо впервые получают разрядное удостоверение.

Для того, чтобы получить второй разряд, надо было, напомним, набрать 92 очка, норма же третьего разряда — 52 очка. Большая группа участников намного превзошла норматив третьего разряда, и некоторые лишь чуть-чуть не хватило до второго разряда. Учитывая это, жюри олимпиады сочло возможным считать призерами нашего заочного соревнования еще четырех участников. Это А. КАЧУРИН (Москва), М. ГЕРМАНОВ (с. Чаша Курганской обл.), Г. ЛЕОНОВ (Курган) и Ю. ОСОВСКОЙ (г. Тотьма Вологодской обл.). Жюри при этом отмечает, что М. ГЕРМАНОВ и Г. ЛЕОНОВ второй год подряд становятся призерами.

Редакция поздравляет всех участников и приглашает к старту в очередной, 26-й олимпиаде «Смены».

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

В шашечной олимпиаде приняли участие несколько тысяч человек. Победителями в командном зачете стали:

бригада слесарей комбинового завода Красноярска (капитан А. Русанов), команда завода «Ростсельмаш» (капитан П. Криворученко), команда экспедиции глубокого бурения «Башнефть» Сургута Тюменской обл. (капитан В. Афанасьев), шахматно-шашечный клуб «Темп» Калининграда Московской обл. (капитан Ю. Стекольщикова), детский шахматный клуб «Дружба» Краснокамска Пермской обл. (капитан С. Иванов), шахматно-шашечный клуб г. Ивантеевки Московской обл. (капитан В. Яковлев), команда производственного объединения «Минудобрение» — «Химик» г. Воскресенска Московской обл. (капитан А. Паршин), команда производственного объединения имени В. И. Ленина г. Белцы Молдавии.

команды-победительницы награждаются дипломами журнала «Смена», грамотами Федерации шашек СССР и книгами. Среди соревновавшихся в лич-

ном зачете 821 участник выполнил норму второго спортивного разряда, а 290 — третьего.

Все конкурса принял участие в олимпиаде и чемпион СССР, гроссмейстер Александр Дымбян, естественно, решивший все задачи и набравший максимальное количество очков.

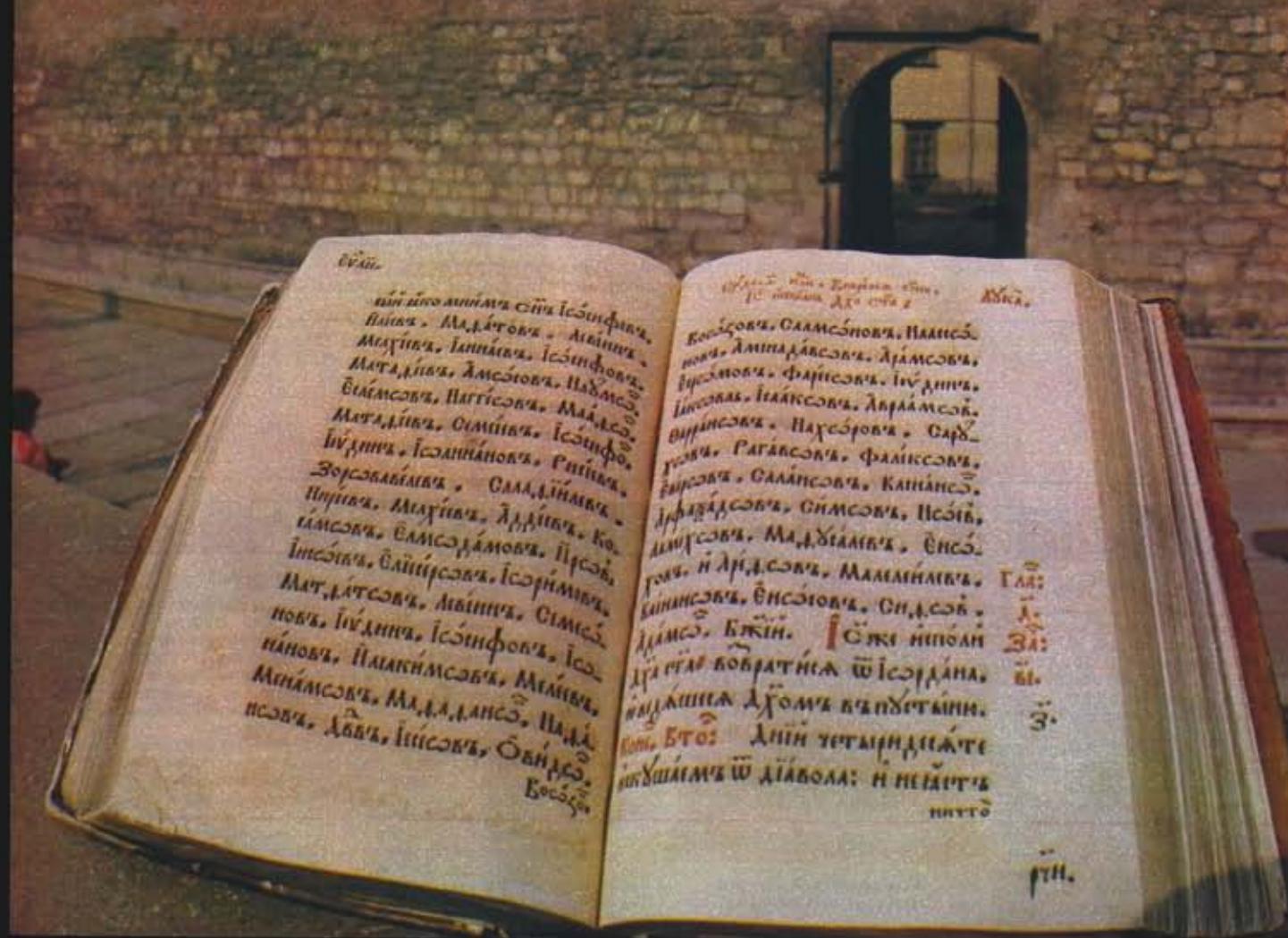
Такого же результата добились еще 19 участников. Они и стали победителями. Им будут вручены дипломы редакции и книги с автографами гроссмейстеров.

Победители в личном зачете: И. БЛИНОВ (Жданов), Л. ВОДОЛАЗСКАЯ (Харьковская обл.), Л. ВОЖАКОВ (Москва), А. ВЛАСОВ (Москва), А. ВЫБОРНЫЙ (Киев), В. ЗИНОВЬЕВ (Магаданская обл.), Н. ЗАКАРЯН (Ереван), А. КАЛЫНЮК (Львов), А. КАУЛЬКО (Свердловск), С. МАКСИМЧУК (Луцк), И. МЕТРЕВЕЛИ (Архангельская обл.), М. НУРИЕВ (Ленинград), В. НЕВЕРЛО (Сумгаит), В. ОСИН (Тюмень), Е. ПАСЛЕН (Донецкая обл.), П. ПИДЛISНЫЙ (Ленинград), Ю. ПОЛЛСКИЙ (Днепропетровск), И. ПАРФЕНТЬЕВ (Петрозаводск), А. РАЙКОВ (Минск), Т. РЫБАЛКО (Киев), А. РЕКУН (Мурманская обл.), В. РЫКОВА (Ленинградская обл.), Е. СОЛДАТОВ (Донецк), Я. САДЫКОВ (с. Языково Башкирской АССР), В. СЕМИКОПЕНКО (Херсон), А. ШАРЕНДО (Минск).

167 участников активно выступали в роли пропагандистов шашек и организаторов конкурсов решения задач по месту своей работы или учебы. Все они будут награждены дипломами редакции.

До новых стартов в 1984 году!

ДИАРИИ БРАТИИ МОИХ...

КАМНИ И КНИГИ —
СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ

Отечество

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

«Ничто не может перекупить влияние того, чем овладевает книга, никакая власть, никакое правление не может устоять против типографского снаряда».

Александр ПУШКИН

Царь еще не свирепствовал. Еще не пристало к четвертому на московском столе Иоанну вековечному имени. Многомудрый ум, лютым нравом не замутненный, не искал пока вокруг себя ни «крамолы», ни «злобесного умысла», но страшился одного, чего и следовало оберегаться становившемуся великому государству — невежества. И круто, но праведно взял молодой царь, когда Стоглавым на Москве собором положил начать с ним сечу не на живот, а на смерть.

На Соборе глаголил царь страстно. Бросал духовенству упреки горькие в

нерадении, скорбел: «В попы и дьяконы ставят тех, которые грамоте мало умеют», жалобился: «В пьянстве пастыри погибают», срамил: «Во Пскове граде моются в банях мужи и жены, чернцы и черницы в одном месте без зазора»... А еще помянул, что приспела пора об отрочестве заботу взять и крепко поставить на Руси школьное учение. Да вот беда: учить по книгам надобно, кои хоть и обретаются на Руси, а к учению школьному непригодны... И пятую «главою» Стоглавого поставил царь дело о книгах.

Подумать бы можно тут, что в загоне пребывало книжное дело на Руси. Да

нет, от первых наших прозрелых веков была книга в чести. Не скучая, оправляли ее в жемчуг и золото — как храмовую живопись, как книжье оружие; в руки брали с трепетом священным, хранили пуще глазу, а которая в последнюю ветхость зачтется, ту не выбрасывали, но сжигали — как исстари древнюю читимую икону. И никогда притом не была на Руси книга товаром, ибо ее творили: писали, как картину, ваяли, как статую.

Писцы из монахов, зело искусные в высоком своем ремесле, вырисовывали каждую букву в несколько приемов, крупно — уставом или помельче — полууставом, оставляя по сторонам листа широкие «берега», а начало главы или буквицу заглавную каждый

изукрасить тщился узором неизреченным... Велик был труд, но хорошо, как полтора-два листа в день осилит изрядный писец, больше не сладить (знаменитое Остромирово евангелие изо дня в день переписывали семь месяцев!), и знал писец цену труду своему, ибо, книгу переписавши, не преминет добавить: «Рад бывает корабль, переплыши морскую пучину, так же рад и писец, кончивший книгу сию».

Все так, и ко времени, о коем речь, не оскудело искусством великое это дело на Руси, да недоставало уже в государстве монашеских рук, хоть в помощь им многих дьяков пристегнули к упражке просвещения, образовался даже на Москве новый класс «доброписцев», работавших на заказ. Да то беда, что писцы люди, а ошибаться каждому человеку «адамовой плоти» не заказано. И, видно, в самый корень глядел Иоанн, когда печалился на Соборе: «Писцы пишут с неправильных переводов, а написав, не правят же; описи к описи прибывают, и недописи и точки

непрямые; и по тем книгам чут и поют и пишут с них».

Знали и писцы за собой такой грех; в приписках к книгам винились в нем, но оттого не убывало ошибок, и от переписи к переписи наворачивались они, как снежный ком. Да и иная была беда, отчего рукописная книга не годилась к учению: язык, правописание, особенности диалекта — московские, рязанские, новгородские, владимирские, тверские говоры — все от переписчика, от места рождения книги. И тут не обойти нам дела важного, но как-то походя замечаемого: только книгопечатанию по плечу выходило стать могучею силой в создании общеноционального русского языка...

А в Европе печатный стан уже тискал листы, и уже кинул было Иоанн свою мысль в чужие страны, чтобы приискать там мастеров добрых к российскому печатному делу. В Европе же мигом смекнули, где можно руки погреть у чужого огня и какой будет оттого прибыток. Но, как уви-

дим, не одним только русским золотом там прельстились; игра выходила покрупнее.

Едва отговорил на Москве Стоглавый собор, не промедлил отправить послом в столный русский град искусного своего типографа Ганса Миссенгейма датский король. Готовы, мол, помочь великому государю христовым именем; напечатаем библию русскую многими тысячами, а со своей стороны просим малого: должна Русь принять лютеранство.

Умел еще Иоанн держать гнев в узде, и ответствовал коротко, что государь, мол, московский планетами и знамениями зодиака не занимается, а потому сей дар ему не нужен. Понятно, что грозный посох царя не коснулся чела знатного иноземца, но к повелителю своему воротился посол несолоно хлебавши, увозя назад и припасенный царю подарок — часы с боем.

А часы истории между тем шли; приспело время «казанскому взятию». И хоть, казалось бы, на первый взгляд,

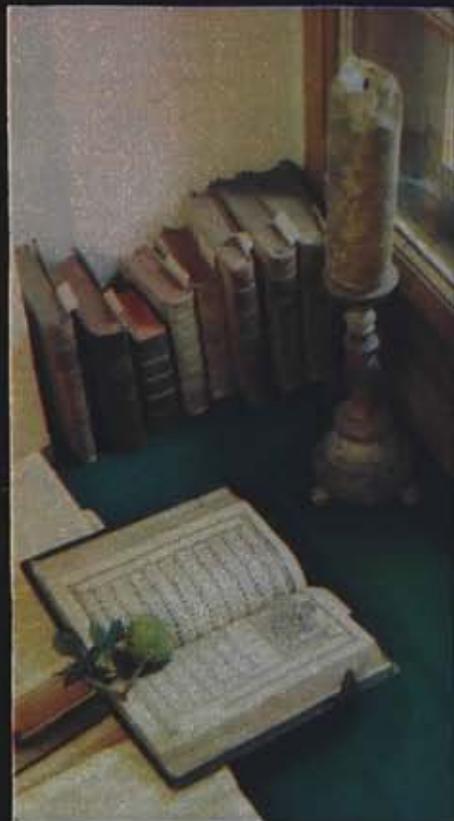

ОКНО В XVI ВЕК.

МУЗЕЙ ИВАНА ФЕДОРОВА ВО ЛЬВОВЕ.

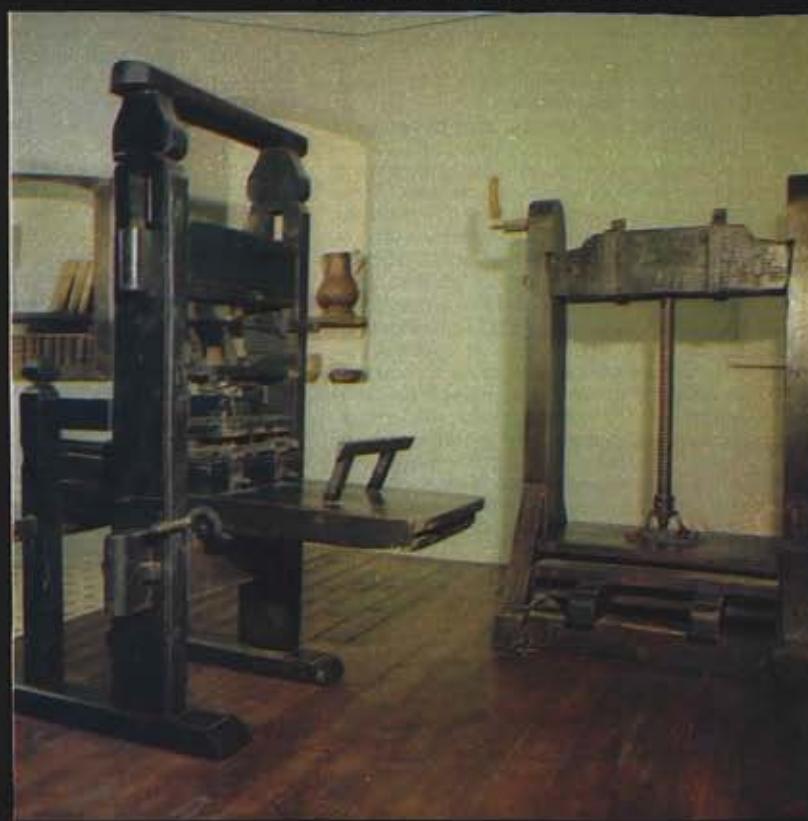
НА ТАКОМ СТАНЕ В 1574 ГОДУ
ОТТИСНУТЫ БЫЛИ ПЕРВЫЕ
ЛИСТЫ ЛЬВОВСКОГО «АПОСТОЛА».

В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ —
ЧЕТЫРЕ ВЕКА КНИГОПЕЧАТАНИЯ.

ТРЕПЕТЕН, КАК ШЛАМЯ СВЕЧИ,
АРОМАТ МИНУВШЕГО.

ТРЕВНЕЙШАЯ ПЛОЩАДЬ ЛЬВОВА
И ПОНЫНIE ХРАНИТ В СВОЕМ ОБЛИКЕ
ВРЕМЕНА ПЕРВОПЕЧАТНИКА.

что не велика тут связь, но приращение новых к государству земель лихо подстегнуло нужду в печатных книгах, ибо, как скажет Симеон Погоцкий: «Россия славу расширяет не мечом токмо, но и скоротечным типом, через книги...»

По этому слову и вышло. Не мешкая, приказал царь ставить дом для печатного дела в самом центре Москвы, на Никольской улице, а приказав, велел тотчас озаботиться присыпанием к новому делу мастеров в своей земле, уразумев, видно, истину, так часто от наших монархов ускользавшую: чего нет на Руси, в ней надобно и искать.

Сам книжечей изрядный и «в словесной мудрости ритор», а в первых царских годах просвещения радетель, но, как всякий государь, цены поданным своим знаток невеликий, нуждался Иоанн в совете. По счастью, жив был еще старец Макарий, собиратель усердный древнерусской письменности. Он и указал, что есть, мол, и не в чужих краях, а на самой Москве раб божий, Николо-Гостунской церкви дьякон...

Вот и явился он тихо в нашу историю, русский человек именем Иван, отца Федором звали, так что теперь пристало бы звать его Иваном Федоровичем, а прозванием Москвитин, кое сам себе определил он в дальних от родного града краях как память о нем. Но это будет потом...

А пока слово старинным хартиям, где речь о том, что призвал царь того Ивана Федорова, чтобы «произвести от письменных книг печатные, ради крепкого исправления и утверждения, и скорого делания, и ради легкой цены...».

Красно слово государево, ничего не скажешь. И пошла по Москве молва, что обласкал государь Ивана Федорова, а с ним и помощника его и сотоварища в печатном деле Петра Тимофеева Мстиславца, и, не жалея казны, щедро дает на Печатный двор. Хотелось бы верить доброй этой вести, пришедшей из потемок нашей истории, да вот концы с концами не свидишь, нескладно выходит: щедроты щедротами, а ставили Печатный двор ровно десять лет. Не много ли при таком-то государевом радении? Пример под рукой: Николы Гостунского каменный храм возвели тут же — в три месяца. Похоже, другие Иоанну приспевать стали заботы, а по временам в самый раз и выходит.

Времена лютые стояли уже у порога Руси, и первое марта 1564 года приходится в самую их сердцевину. В одном только месте на Москве был этот день великим праздником.

Многое не узнать нам теперь, но представим себе проталины на заснеженных тесовых крышах, капель и веселых воробьев по застеклым, разъезженным санным колесам по улицам, осевшие сугробы под дубовым частоколом Печатного двора, что в Китайгороде на Никольской... Можно увидеть, как сквозь решетчатое слюдяное окошко высвечивает весенное солнце сводчатую келью первой русской печати с деревянным станом посередине, а возле — человека в синем суконном кафтане, с завернутыми по локоть рукавами, в длинном холщовом фартуке и узким кожаным ремешком вокруг чela. В натруженных, со следами краски руках держит он книгу, гравированный фронтиспис которой изображает легендарного Луку, удивительно похожего на великорусского типа мужиков, тех самых, что в Ермаковой дружине «воевали Сибирь». Лука держит на коленях раскрытую книгу, в ней читаем: «первое убо слово». А ведь так: было это первое печатное слово на Руси, точным днем датированное!

Книга эта — «Апостол» — дошла до нас в немалом количестве экземпляров. Присмотримся к ней, перелистаем.

544 страницы, а на каждой двадцать пять безукоризненно ровных строк в

тридцать четыре знака, оттиснутых изысканного рисунка шрифтом, заглавки, инициалы, изумительные по художественному достоинству и полиграфически безупречные, — все говорит само за себя и без всяких склонок на время. Но подумаем о другом.

Эта книга — первая книга — плод трудов человека, до той поры на Руси безвестного, бог весть где учившегося, но вдруг удивившего таким обилием талантов, что с лихвой их достало бы на целую артель. Он умел делать все: набирать, печатать, вырезать пущансы, работать матрицы, отливать литеры, гравировать... Заслугам и достоинствам Ивана Федорова несть числа, и все же личность этого человека не вмещается даже в такое высокое имя, как первопечатник.

Московский «Апостол» — создание уникальное, с какою меркою нему ни подойди. Иван Федоров предстает здесь в роли ученого-исследователя и реформатора. Очевидно, что, приступая к работе, изучил он досконально не один десяток славянских рукописей различных переводов. Энциклопедических познаний и вкуса было достаточно, чтобы выбрать для печати лучший, но Федоров пошел дальше: свидя десятки переводов в единый текст, он внес в него великое множество собственных исправлений, оказавшихся настолько верными, что федоровский «Апостол» стал нормой для всех последующих русских изданий. И тут уж нельзя не сказать, что и в деле развития русского национального языка, как говорится, и его денежка не щербата. Достало ему чутья, прозорливости, такта и, скажем прямо, мужества подойти к каноническому тексту с такой реформаторской решимостью, чтобы очистить его от устаревших и инославянских форм, «облегчить» (адаптировать, сказали бы иначе) и убрать множество служебных материалов. Остается предположить: решившись на такой шаг, знал он, что суждено книге стать ступенью в великом деле научения отроков русской грамоты...

Не изобильно ли достоинств для первопечатной русской книги и ее создателя, чтобы на этом завершить разговор? Нет, ибо не сказали мы о самом главном. Речь идет о том, что известно под именем «Послесловия» Ивана Федорова, самое раннее из которых поместил автор на заключающих страницах московского «Апостола».

Жанр «Послесловия», вовравший в себя публистику и воспоминания, философские размышления, исторический очерк и эссе, определить вряд ли возможно. Заметим только, что перед нами первое произведение русской литературы, воспроизведенное на типографском станке. И пусть обстоятельство это всего лишь случайное историческое совпадение, но то, что мы имеем здесь дело с писателем и для русской литературы удивительным, вот уже четыре столетия не вызывает сомнений. Возьмем в свидетели крупнейшего нашего исследователя академика А. С. Орлова, писавшего: «Там все умеренно, все обладает наибольшим тактом — и цитаты и само изложение — как будто бы сделано для гравировки на монументальном памятнике». И потому, конечно, ни у кого из пишущих не поднимется рука пересказать слово Ивана Федорова, исполненное особого дыхания, особого склада и совершенно особенной музыки чувства и мыслей. Скажем только, что в федоровских «Послесловиях» нашли мы бесценный исторический источник для всего, о чем говорится на этих страницах.

Речь идет, конечно, не только о событиях. Нравственный облик человека ясно встает за строками, им написанными. Предельно ясна и гражданская позиция Ивана Федорова: он цитирует или излагает взгляды лишь тех авторов, которые стояли в оппозиции к официальному православию. Мы слышим голос гуманиста Максима

Грека, Михаила Триволиса, старца Артемия, страстного агитатора в пользу российского просвещения, говорившего, что «до смерти учиться подобает». Впрочем, таковы были и воззрения самого автора, ибо к просвещению народа тяготела вся деятельность нашего первопечатника, какие бы книги ни выходили из его типографии.

Пусть непривычно сегодня нашему слуху такое название, как «Часовник», но именно по этой книге во времена Ивана Федорова и вплоть до XVIII века учили грамоте детей на Руси. И не случайно, конечно, что вслед за «Апостолом» сразу печатает он «Часовник» и, по обыкновению, в послесловии к нему объясняет назначение книги: «Утвердить любовь, основать и укрепить разум и все чувства, чтобы, отрекшись от злых дел, восприняли плоды духовные...»

В нескольких строках — нравственно-просветительная программа, обращенная к русскому юношеству. Но напечатанный в 1565 году «Часовник» был последней книгой Ивана Федорова в Москве, видно, «плодам духовным» не было уже в ней места, как, впрочем, и самому печатнику. Времена подошли иные. Даже из нашей дали веков глянуть в них страшно.

Царь лютел. Уже бежал Курбский; уже учреждена опричнина, отобрана первая тысяча «человек скверных и всячими злостями исполненных»; уже копытят гати московских улиц черные всадники на вороных конях, в черной сбруе, с притороченными к седлу песьей головой и метлой — выслеживать, вынохивать, выметать «измену» и «крамолу»; уже скроморничает царь в Александровой слободе, наезжая в Москву «не на великое время», чтобы казнить, чтобы в один день обезглавить шестерых бояр, а седьмого посадить на кол...

Иоанновым произволом времена на Руси и впрямь настали жуткие. Но что же «царев любимец», которого якобы обласкал он, пригрел и от всяких напастей оборонил? Опять не поверим молве о государевом Ивану Федорову покровительстве — не выходит. Покидает первопечатник Москву при обстоятельствах весьма странных.

Молва, долго по Руси ходившая, оберегала цара, вину за содеянное возлагая, как водится, на подданных, ибо, как скажет современник, «не prawdno o царствующем худым многословити, лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрытия, яко же ризою».

И покрыли. Позже, в послесловии к другой книге, назовет Иван Федоров своих гонителей не по именам, но по степеням, ими занимаемым в Московском государстве, — «начальники, священноначальники и учителя». Начальниками именовали в те времена бояр; священноначальниками числили архимандритов и игуменов; учителями же звали протопопов и попов, которых Столгавский собор обязал учить наставу в своих приходах. И неудивительно, что бельмом на глазу был для них безродный и безвестный дьякон, поставленный у кормила дела государственного. Ленту свою добавили и писцы, живо смекнувшие, что цена на печатные книги будет легкая, и «благо·во зло обратившие». От них пошли слухи и небыли: мыслимое ли дело — слово божье на станке тискать! Еретика, не иначе, пригрел царь! Говорили на Москве разное, да так только, чтобы покровителя выгородить, а печатника со свету сжигать и дело его наречь «бесовским волхванием», царя православного околовавшим.

Зная времена, ничему тут удивляться не следует. Один только вопрос вправе задать мы истории: мог ли опасаться Иван Федоров завистников и гонителей своих, мог ли покинуть он Москву, имея покровителем самого государя?

Ответ, кажется, ясен из вопроса. Однако покинул Иван Федоров Москву: «от земли и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели».

Встретим мы московского изгнанника вместе с другом его и в деле помощником Петром Тимофеевым в 1569 году, спустя время, нам в их жизни неведомое, в Заблудове, во владениях гетмана Григория Ходкевича. Пожалуй, не простой случай привел их в эти земли — был Ходкевич поклонником Московского государства, усердным защитником (до поры до времени, как увидим) русской культуры в западных славянских землях. Пришелся тут Иван Федоров ко двору — знал Ходкевич, что в защите от католической экспансии посильнее пищалей и пушек будут русские книги. Потому денег на типографию не жалел, дело на широкую ногу поставил.

В том же году и вышло в Заблудове «Евангелие учительное», напечатанное знакомым московским шрифтом, украшенное изысканными федоровскими заставками. Было это, однако, последнее его с Петром Тимофеевым издание — ушел товарищ его в Вильнюс; предвидел, должно быть, новые испытания, которые ему не по плечу станут. Вынести их могла лишь сильная и святая душа, и не миновали они Ивана Федорова.

Беда обрушилась на дело его, когда Люблинская уния 1569 года объединила в шляхетско-магнатский союз Польшу и Литву; в смысле идеологии был это поход против русского влияния, а с ним и русского просвещения. Но связь событий, на нынешний взгляд друг от друга далеких, поймем мы, уразумев условия времени, когда идеологическая борьба принимала формы религиозных конфликтов. Так что Заблудовской типографии миновать она не могла. Сник тут вольнолюбивый гетман, сослался на старость и немощь, закрыл печатню; прежние идеалы пришлось сложить перед польской короной. Понятно, что не в старости и болезнях тут дело, но и не нам судить Ходкевича, тем более что, закрыв типографию, позаботился он о печатнике великодушно, да и, прямо скажем, щедро — даровал село и имение, а это достаток и безбедная жизнь. Возможно, и закончились бы тихим благоденствием горькие странствия московского печатника, будь им не Иван Федоров. И все, что произойдет дальше, скажет само за себя, а собственное о том Ивана Федорова слово оберегает нас от исторических версий и домыслов:

«Не пристало мне за пахотой и сеянием свой век вековать. Ибо имею я вместо плуга орудие для мастерства рук своих, вместо хлеба должен я духовные семена рассеивать по свету и всем раздавать надлежащую им духовную пищу».

Что толковать: русской души голос тут слышен. Тихо, без грома и пафоса отвергла она мирской дар, а с ним и благоденствие для себя. И ушел русский печатник во Львов с пустой сумкой.

С сумою ходил он по домам знатных горожан, обивал пороги, колена преклонял и слезы лил, как вспомнит потом. И не на хлеб себе просил, а на печатное во Львове дело; и к тем руку протягивал, кому бы этим делом и озабочиться. Не скучая, а так, чтобы один другого переплюнуть, ставили богатые горожане во Львове дворцы, на храмы от щедрот своих жертвовали, но дать гроши на печатное дело отказались — не велик с книг прибыток.

Но, по счастью, не одними толстосумами мир богат, и поставил Иван Федоров типографию во Львове; на деньги бедных поставил. О них и скажет потом, как поклон земной отвесит: «Не от избытка это делали, а как та убогая вдовица, которая от нищеты своей подала две лепты...»

В предместьях Львова звали его теперь Иваном Федоровичем Москвитином. Жила в этом прозвании неизбывная память о родном граде, изгнавшем его, и первоизданной здесь книге решил сделать он ту, что напечатал в Москве десятью годами раньше.

Львовский «Апостол» со знаменитым послесловием: «Настоящая повесть показывает, откуда началась и как создавалась эта друкарня» — первая украинская печатная книга, точно датированная пятнадцатым февраля 1574 года. Как когда-то в Москве первое марта, был и этот день великим праздником русско-украинской культуры, мало ком в ту пору замеченный, но века спустя полно мерой оцененный.

Впрочем, самому Ивану Федорову труд этот едва ли позволил и концы с концами свести; долгов пропасть, ни шрифты, ни заставки новые приобрести уже не по карману. Но теми же средствами тотчас принял он за другую работу, по всему, видимо, заветную — книгу, которая даже одна может составить автору великое имя, — «Букварь».

Первая в мире книга для обучения славянской письменности включает азбуку и грамматику, а составлена, по словам автора, «ради скорого младенческого научения». Здесь прямо обращается Иван Федоров к «возлюбленному честному христианскому русскому народу греческого закона», иными словами, к русским, украинцам и белорусам. Зная же времена, территориальные и политические условия, поймем, что появление нашего учебника было щитом и родному языку и национальному самосознанию.

Говорить ли, как велика эта миссия для одной и притом учебной книги! Но вот что важно: времена те минули, а память о федоровском «Букваре» живет — видно, не одна благородная злободневность отнесена может быть к числу его достоинств. Искусно и занимательно составленный, интересен для нас «Букварь» тем, что ярко предстает с его страниц нравственный облик самого составителя — провозвестника гуманной педагогики. Перелистив «Букварь», мы тотчас убедимся, что Иван Федоров полемизирует с официальным «Домостроем», защищая детей от родительского произвола, а отцов призывает «не раздражать чад своих» и воспитывать «в милости, в благородстве, приемлюще друг друга»... Есть в учебнике и раздел поучений, но составитель, хоть и пользуясь источниками своего времени, приводит только те из них, что склоняют человека исключительно к поступкам благородным: «не сотвори насилия убогому», «не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай», «утешайте малодушных, носите немощных» — не совсем привычна стилистика, но смысла не оспоришь.

Многое можно было бы прибавить еще к достоинствам первого нашего учебника, но отметим только, что федоровский «Букварь» и был той книгой, которую в котомке носили с собой странствующие по славянским землям народные учителя. В их деле обучения сельских отроков была эта книга пособием незаменимым: среди текстов для чтения, кроме русских, поместил составитель и множество примеров украинско-белорусского происхождения, — так что выучивший «Букварь» мог читать на трех родственных языках.

Новый «Букварь», по-иному составленный, с включением знаменитого сказания «О письменах» напечатал Иван Федоров в Остроге. И этот город на Волыни не был в жизни нашего печатника пристанищем случайным. Можно было бы подумать, что в новую дорогу гнала его нужда, ибо, приедя во Львов, нищий, ушел из него Иван Федоров, заложив типографию вместе с нераспроданным тиражом «Апостола». Нужда он знал и смылся с ней, в Острог же вела его иная забота.

Старинный этот город именовали «украинскими Афинами» не ради красного слова — к середине XVI столетия составился здесь кружок учёных и писателей прогрессивного, как бы сказали нынче, направления, известный в истории под названием

Острожской академии. Поставить же печатное дело, издавать учебные пособия и книги, просвещению потребные, и выпало на долю нашего печатника.

Была это четвертая поставленная Иваном Федоровым на его веку типография. Начав «Букварем», создал он в Остроге пять книг, из которых каждую отличает высочайшая культура издания. Речь, конечно, идет не только о художественных достоинствах. Поражает научный, как бы сказали теперь, академический подход к делу, но и широта кругозора, эрудиция отступают на второй план перед экспериментаторским риском, по тем временам трудно вообразимым.

Так, к «Новому завету», книге, кстати сказать, впервые предназначеннной не для богослужения, а для домашнего чтения, прилагает Иван Федоров отдельное издание — «Книжка, собрание венец нужнейших...». Этот алфавитный указатель лиц и выражений, упоминаемых в предшествующей книге, — первый в нашем книгопечатании библиографический труд и самый ранний памятник отечественной информатики.

Вообще говоря, слово «первый» постоянно, как видим, сопутствует имени русского печатника, и не станет тут лишним и первый наш календарь, им изданный, — «Хронология» белорусского поэта Андрея Рымши. В оригинальнейшем этом издании, впервые в практике Ивана Федорова напечатанном на старом украинско-белорусском литературном языке, двенадцать стихотворений — на каждый месяц года.

Но пришло, наконец, время сказать и о самом прославленном во всей славянской старопечатной книжности издании — Острожской библии Ивана Федорова. Дело не в том только, что речь идет о первом полном ее русском переводе и издании, это, если можно так выразиться, внутринациональное достоинство книги. Но не такою мерой оценивали ее европейские современники. «Единый листок этой книги», — подчеркивает один из них, — не дал бы я за всю Прагу, Англию, немецкую веру». А владелец громадного книжного собрания, такой знаток и ценитель, как основоположник современного славяноведения чех Иозеф Добровский, признался: «Я отдал бы половину своей библиотеки за Острожскую библию». Подобные отзывы можно было бы продолжить вплоть до нашего времени, когда этот труд русского печатника утвердился одним из главных экспонатов книжных международных выставок самого высокого ранга.

Но вернем все же нашу реликвию в ее время; раскроем, как делали это современники Ивана Федорова, но, как и они, не найдем мы на первых страницах библейского текста, ибо начинается книга предисловием, в котором говорится... о тяжелом положении украинского народа, страждущего под гнетом польских феодалов. Убийственная критика католицизма и сравнение его священнослужителей с хищными волками звучат словом необычайно эмоциональной силы.

Надо ли удивляться, что долгие годы был этот труд Ивана Федорова «духовной броней» и для болгар, и для сербов, и для молдаван в борьбе за сохранение национальных культур!

Трудом этим во славу славян закончил русский печатник работу в Заблудове. Поставил дело, палат каменных не нажил и ушел, как прежде, с пустою котомкой очарованный этот странник, не хранивший в тайне искусства своего. Ушел во Львов, думал об одном только: выкупить заложенную типографию и творить, творить — «ради братий моих» — новые книги, «духовные семена рассевать по свету». На этой высшей ступени великой его миссии 14 декабря 1583 года скончался «друкарь книг пред тем невиданных». Этюю датой началась новая жизнь русского печатника — теперь уже вечная — в благодарной памяти потомков.

ИРИНА БАЖЕНОВА

А есть места, где нет моей зимы!
С молчаньем звезд
Над дедовской избою,
Над тихим полем, над моей судьбою,
И светом снега, льющимся из тьмы,

И с бесовскими играми пурги,
Когда средь ночи
поднимусь в тревоге
О ком-то, заблудившемся в дороге,
Бессильно прошептавшем «Помоги...»,
И с пушкинской строкой
в моей крови —
«Мороз и солнце!» —
удаль звенящей.
Вот почему не исцелить любви
К проселкам вечным,
пажитям и чащам,
Вот почему не исцелить любви...

Всю ночь метель проворожит,
Скрыть тропы и овраги.
И вот опять земля лежит,
Как чистый лист бумаги.

И я хочу бежать вперед,
Влекома близиной.
Но, может, кто-нибудь пойдет,
Доверившись, за мной?..

Сыну

Давным-давно закончилась война.
Она тебе, мой сын,
Как век вчеращий.
За жизнь твою заплачено сполна.
Об этом точно знают пашни.
Они молчат. И ждет меня вина:
Всех павших неизвестны имена...

В Ферапонтове

Приняла меня Вологодчина!
Иван-чай кипел по обочинам,
Темный бор обнимал подковою
Тишину ее родниковую,
Распахнула глаза озерные,
Словно в горнице окна узорные,

Сберегла-сохранила от тления
Дионисия умиление,
Подарила душе узнавание
Чувства русского — любование.
И несу я гостинец Севера,
Как росинку в трилистье клевера.

Леонид БЕЛЯЕВ

Вспоминаю дни учений:
Марш-брюски,
Привалы, грязь,
Командирских изречений
Удивительную связь.
Было так: по трое суток
Не снимаешь сапоги.
Пред глазами,
Кроме шуток,
Ходят черные круги.
Сладко ноет поясница.
Стонет чуточку прислечь,
Как уже чего-то снится
Под отрывистую речь.
Но не время отсыпаться.
Рой окопчик.
Спать не сметь!
Не успеешь окопаться —
Обречешь себя на смерть.
Ближе,
Ближе громыхает.
Это танки жмут сюда...
И за шиворот стекает
Полумирная вода.

Так в чем она, поэзия? Где тайна
Такого сочетанья слов и строк,
Которых нынче встретил ты случайно
И удивился: как не знать их мог?

Не гром с небес поэзия живая:
Раскатистым призывом не глуша,
Ведет к добру. И, сопреживая,
Читательская светится душа.

В поле

Гуляли важные растенья —
Шумела рожь, качался лен.
Там, соком наливая стебли,
Был каждый весел и хмелен.
Когда ж пришла расплата-осень,
На месте, где была гульба,
Кругом, сомкнув штыки колосьев,
Стоят усатые хлеба.
А васильки назвали вором
Все те, кто ловки и сильны.
Глядят на них с немым укором
Из-за решетки бороны.

Необходимость

Вновь голову согласно уроню
Я на руки моих
родных деревьев...
Сосновым телом
Вдруг вздохнут деревни,
И вновь я голос чистый
Сохраню.

Не назван мне
Земной далекий путь,
И боль и радость в нем
Неизмеримы. Но, чтобы выжить,
Так необходимо
Сосновым телом, как своим,
Вздохнуть!

Игорь ЖЕГЛОВ

Прелюдия

Мой выход...
Вновь в гранатовой листве
Тревожно дышит
Плоть земли родимой,
А костерок прищурится в траве
И, всматриваясь в нас неутомимо,
Восходит близоруко к синеве.

И, теплой болью наполняя день
(Который я покоем означаю),
Березовые песни жжут печально,
Своим крылом касаясь деревень.
Остуда вдруг
Забытесь над костром
И под ноги
С холодной лаской ляжет.

И тихий свет
Мне вечный путь укажет
За самым неподкупленным добром.
Безвременье. Усталые дожди...
В моих лесах
Живет сквозная память.
Тягучий вдох, и снова впереди
Глухарь спешит
охотника прославить.
Тяжелый дым крадется по траве
И замирает предо мной пугливо...
Мой выход...
Вновь
В гранатовой листве
Тревожно дышит
Плоть земли родимой.

Геннадий СУХИН

В

опрос, который мне не удалось задать актрисе, я для себя формулировал примерно так: «Кто (или что?) определяет? советует? рекомендует? корректирует? выбор вами очередной роли, сценария, режиссера?» Интерес этот диктовался для меня поразительной безошибочностью «попаданий» за годы ее работы в кино. Кажется, что у Купченко не только не было провалов с ролью или фильмом в целом, но не было попросту работ мимоходных, случайных, суетных. И вот, просматривая фильмы с ее участием, перечитывая написанное о ней и общаясь с людьми, хорошо ее знающими, я постепенно пришел к выводу, что...

Творческая судьба ее в нашем кино уникальна! Для актрисы, первое появление которой на экране было встречено зрителями и критикой более чем благожелательно, естественным было бы «стричь купоны» с успеха и мелькать из фильма в фильм, мелькать... Тем паче, что секрет обширной актерской фильмографии иной раз заключается лишь в физической выносливости исполнителя, вошедшего в «поток», а уж количество фильмов «большого» экрана и телевизионного позволяет ему с успехом кое-что «получить». Она же за полтора десятилетия своей скромной биографии снялась всего (всего?) в пятнадцати фильмах. Правда, была еще небольшая роль разбитной вдовушки в киноэпопее «Сибиряда», но в окончательный вариант фильма она не вошла и осталась лишь в воспоминаниях актрисы да в мелькнувшем на экране единственном общем плане, почти массовке. Правда, в эти годы она регулярно выходила на подмостки родного театра, занята была в радио- и телестанциях и весьма ревностно исполняла обязанности матери Сашки и Сережки Лановых... Из памяти кино-зрителей тем не менее не только не исчезла, но каждой очередной своей героиней как бы утверждала за собой особое место среди актрис нашего кино. Не «сюминутных «кино-звезд» — с блеском порой ярким, но обманчивым. Актриса самобытных и глубоких. Самостоятельных.

...В 1970-м в свите знаменитой вахтанговской принцессы Турандот появилась новая рабыня — с этих ролей обычно начинают в театре молодые актрисы. Вскоре последовали вводы в репертуарные спектакли. В «Господах Глембай» она стала хитроумной стяжательницей Шарлоттой Кастелли-Глембай — комедианткой и светской львицей с темным прошлым... В «Ричарде III» — леди Анной. В «Молодости театра» сыграла Аглаю Коншину, прообразом которой послужила трагедийная актриса-вахтанговка Анна Орочки... За донну Анну в «Каменном госте» получила диплом всесоюзного смотра молодых талантов. Главный режиссер театра Е. Симонов характеризует Купченко как «чрезвычайно широкое, многообразное, примечательное тем, что с равным успехом она играет героинь русской классики и при этом понимает психологию, умеет раскрыть внутренний мир современной советской женщины»... Купченко много и интересно играет в театре, но широкое зрительское признание, премия Ленинского комсомола, звание заслуженной артистки РСФСР — это прежде всего ее работы в кино!

В статьях об актерах меня всегда настораживают эффективно-многозначительные формулировки типа «актер начинается с темы». Да нет же, хочется мне в таком случае возразить автору, актеру как-то несподручно играть «тему». Он должен играть характер! А уж тема фильма или спектакля в целом возникает из столкновения этих характеров, если их обуславливает драматургия, из позиций и

Фото
Валерия
ПЛОТНИКОВА

ПОРТРЕТЫ ИРИНЫ КУПЧЕНКО

концепции режиссера... Сколько Гамлетов довелось нам видеть на сцене и экране! И каждый был со своей темой. При единственности, в общем, зафиксированной текстом Шекспира. Актер играть будет как раз то, ради чего очередной режиссер рискует заново перечитать эту «единственность». Потому-то он, актер, и будет все-таки «начинаться» с роли. А в кино — не с роли даже, с кинопробы на нее. Более того, не с кинопробы как таковой, а с «попаданием», «видением» режиссером будущего фильма в той самой, «безликий» пока студентке ВГИКа или Театрального необходимой ему леди Макбет, Лизы Калитиной или героини плановой кинокомедии Тани Бунинцевой...

Так вот, актриса Ирина Купченко, «тема» которой весьма спорно была сформулирована критиками на основании самых первых ее киноролей, «началась» с кинопробы: ее заметили в стажке студенток Щукинского училища, пришедших на «Мосфильм» подработать в массовке. Помню, мы — в ту пору студенты киноведческого факультета ВГИКа — бегали практиканты по бесконечным лабиринтам «Мосфильма», днями (а то и ночами) пропадали на съемочных площадках режиссеров уже знаменитых и — если бы знать — тех, которые завтра таковыми должны были стать. Практику мы проходили в редакциях творческих объединений, но прикреплены были к съемочным группам и в витиеватых студийных коридорах, в укромных их уголках пели дифирамбы «своим» режиссерам, художникам, операторам и даже актерам... Лишь дневник-отчет за ту практику, сохранившийся укором моей недальнovidности, — три страницы о съемках «Дворянского гнезда» и ни слова об Ирине Купченко. Актрисы такой для меня тогда (только ли для меня!) просто не существовало. Если бы знать...

В «Дворянском гнезде» Лаврецкому должна была противостоять натура цельная, гармоничная, контрастная миру лицемерному, двуличному, от которого он бежал и который его скрутил. Потому на роль Лизы режиссер искал актрису, способную не просто сыграть любовь к герою, но характер сильный, незаурядный. Правда, на протяжении всего фильма он подчеркивал в Лизе замкнутость, происходившую не столько от смятости нереализованной страсти, сколько от сдерживаемых в себе порывов души. Потому, наверное, в отличие от тургеневской в фильме Лиза выглядела «застенчной на все пуговицы», а исполнительницу кое-кто упрекал, что лейтмотивом образа она выбрали некий «тормоз», вечное недозволенное «выйти за рамки».

Попытайтесь описать канонический облик «тургеневской барышни». Наверное, будет в ваших характеристиках преобладать некое «не»: не-повседневная, не-будничная, не-земная, не-житейская... Для всех, видевших «Дворянское гнездо», именно Купченко с тех пор стала олицетворять «стройную, высокую», правда, не «черноволосую», как написано у Ивана Сергеевича, и с голосом, не звучавшим «серебром нетронутой юности», но все-таки «серебряную и справедливую» девушку лет девятнадцати, глаза которой «светились вниманием и добротой». Хотя в ней, как ни странно, как раз все и было: душевная прочность, жизнеспособность и очень земная конкретность... Впрочем, через год, когда на экранах появится фильм «Дядя Ваня», единодушно было отмечено: «Какая изумительная чеховская актриса! Сколько душевного мужества, какая сердечной болью отзывающаяся правда каждого взгляда, жеста,

каждого психологического состояния!»

Тургеневская Лиза Калитина и чеховская Соня Серебрякова были признаны единогласно. Их поставили в ряд с толстовской Наташей и пушкинской Татьяной, в их характеристиках рассмотрели сложный сплав независимости и гордости, искренности, скромности и мечтательной одухотворенности, абсолютной естественности и... объявили их основными «достижениями и оправданием» фильмов, которым ревнители «чистоты» экранизаций предъявили массу претензий.

А виновница восторгов опустила на землю, заявив, что в характеристиках Лизы и Сони она ни в коей мере не играла себя, потому что характеристики их для нее взаимоисключающие...

— В отрешенности Лизы простила замкнутость моей натуры, а в Соне мы с режиссером искали живую смену состояний, их резкие переходы, когда, как это бывает в жизни, мы плачем и тут же смеемся, ненавидим, любим и презираем... Я ничего не «играю». Когда я живу в роли, то думаю о людях, которых знаю, об их жизни, отношениях... Самое привлекательное для меня в актерской работе — преобразиться в «не я». Актер — единственный художник, материалом для творчества которого служит он сам. Кого бы ты ни играл, должен в себе найти черты своего героя. Иначе не сможешь доказать субъективной его правоты. А значит, сыграешь неубедительно. Даже если ты осуждаешь своего героя. Осуждаешь как художник со своей позицией, но, будучи актером, выстраивающим образ, должен понимать каждый поступок персонажа. Если бы я не понимала, а значит, не оправдывала своих героинь, я бы просто не имела права их играть. Важно, однако, не просто понимать, что ты играешь, но чувствовать это. Потому что выстроить роль можно, только выстроив эмоциональную жизнь образа. Человек неоднозначен. В каждом хорошем человеке есть черты, которые можно осудить, так же как в каждом злодее найдется что-то хорошее... В нас живет много разных людей! И все-таки мне ближе и понятней героини, для которых самая большая радость — быть рядом с любимым. Даже если нет взаимности — счастлив тот, кто любит сам...

...В сценарии «Романса о влюбленных» Люда была очаровательной продавщицей отдела гипермаркета. В фильме же актерская характеристика Купченко подсказала иное решение — раздатчица шоферской столовой появлялась с посияющим от кухонной жары лицом, в марлевом колпаке, в халате, бесформенно обмотавшем фигуру... Лязг тарелок и половников, перебранка с посетителями... И вот именно она, уставшая в неопределенности и потому, может, не слишком разборчивая, должна за недолгое экранное время пережить превращение в любимую Женщину, Мать! Чтобы за спокойно сказанными словами: «Все хорошо, Сережа... Я так тебя ждала!» — прочитывались бы и способность любить, надеяться, верить, ждать. И всепрощение. И возможность духовного воскрешения героя. В исполнении Купченко образ Люды становился в контексте фильма гимном жизни обыденной, ежедневной, но священной в простых своих истинках: любви супружеской и родительской, забот о близких и счастливом доме, в котором должны быть тепло и взаимопонимание...

Индивидуальность Ирины Купченко невольно отпечаталась в зрительском восприятии олицетворением нескольких холодноватой серьезности, сдержан-

ного благородства, ненавязчивой нравственной силы, которыми зритель и критики не только с самого начала отграничили ее, но даже ставят в вину актрисе, ежели она «позволяет» себе явиться им в ином качестве. Проще говоря, рискует отступить от своего «амплуа», «соответствия», «олицетворения»... Потому, наверное, и прошла сторона, к сожалению, для зрителей, да и для критиков превосходная, на мой взгляд, роль в фильме «Последний побег».

Чуть усталая, мягкая, женственная... В «Последнем побеге» перед нами поначалу вроде бы и привычная Купченко. Правда, без внутренней твердости, что проглядывала в беззащитности Лизы Калитиной, в кажущейся покорности Люды. Она просто мать. Мать «трудного» подростка, который и стал-то трудным из-за того, что она его предала. Не намеренно. Из-за любви. Из-за понятного стремления обладать простым бабьим счастьем. А сын, как ей кажется, мешает беззаботности этого счастья. И вот она мечтается между новым мужем, который олицетворяет для нее это счастье, и любовью к сыну...

— Ко всякой новой роли приходится привыкать, приспособливаться. Особенность сложен этот процесс, если роль дает возможность представить перед зрителем в новом качестве. Впервые такая возможность открылась мне в «Романсе о влюбленных», где я сыграла роль, близкую к характерной. Работа в «Последнем побеге» потребовала еще более серьезных поисков незнакомого мне характера, непривычного человеческого типа. Пришлось даже отступить от всегдашнего моего принципа идти к героине через постижение ее внутреннего состояния и определять прежде всего внешний рисунок роли. Я изменила походку, придумала новую прическу, у меня появились манеры, мне совершенна не свойственные. Мать Витьки — молодая еще женщина, всецело занятая устройством собственного счастья, новой семьи. А Витька оказывается не нужным ни ей, ни новому ее мужу, ни собственному отцу... Она не изначально злонамеренна, эта женщина, она слаба характером. Ей не хватает мужества...

История кино знает примеры, когда герой социально непрестижный, если так можно сказать, «недополучал» внимание критиков и зрителей. Хотя и бывал «сработан», что называется, на самом высоком профессиональном уровне. В таких случаях эстетические категории уступают место причинам этическим. Так получилось и с «не совсем» положительной, социально «непрестижной» матерью подростка Витьки Чернова. И сам фильм и актерские работы в нем оказались обидно в свое время недооцененными. Что же до Михаила Ульянова, сыгравшего там «наставника» духовного оркестра спецшколы для «трудных», то, на мой взгляд, он вообще был единственным кандидатом на звание лучшего актера в ежегодном конкурсе журнала «Советский экран».

Есть в этом журнале популярная рубрика «Вопрос актеру». И в ней любознательный зритель может, например, поинтересоваться у своего кумира, не повлиял ли на его психологию факт гибели его последних киногероев... Или спросить любимого актера о наличии у него чувства юмора!..

Ирина Купченко однажды тоже отвечала на подобную анкету. Отвечала, в общем, интеллигентно-сдержанно, не слишком-то раскрывая и собственную душу и творческую свою «кухню». Так, на вопрос, например, о литературных своих пристрастиях ответила, что посто-

янных каких-то привязанностей в этой области у нее нет, но вот недавно она в третий раз перечитала Андрея Платонова. И, отметив все-таки для себя отсутствие как таковых «определенных привязанностей», можно все же умилиться, что в суете и загруженности бытия популярная актриса изыскивает возможность «в третий раз» перечитывать писателя тонкого, своеобразного, очень не простого... А ларчик вдруг открылся год спустя, когда на экраны вышел фильм «Домой» по рассказу Андрея Платонова «Возвращение», в котором актриса сыграла свою очередную главную роль.

Предельная внутренняя несходность при минимальном изменении внешних актерских приспособлений отличает ее героинь. И все-таки на просьбу назвать роль, ей наиболее, по ее мнению, удашуюся, она отвечает, что «по-настоящему удашавшейся, пожалуй, ни одна из своих ролей назвать не могу. Ведь до конца признаю для себя удачу — значит тем самым поневоле поставить точку. За которой пустота. Я даже рада, что мои работы не приносят мне полного удовлетворения. И надеюсь, главное еще впереди...»

А на вопрос, например: «Не мешает ли вам популярность?» — она в той анкете отвечала, что вовсе не мешает, потому просто, что на улицах ее не узнают.

В самом деле, на нее не обращают внимания на улице: высокая стройная фигура, очки, универсальные джинсы, собранные в «хвостик» волосы, вовсе не «актерское» в обыденности лица... Я не помню открытой Купченко в издании Бюро пропаганды, на которых множеством индивидуальностей похожи друг на друга универсально-многозначительными полулыбками, а то и дерматиновым креслом, в котором фотографы расплачивают «объект» съемок. Зато фотокомпозиции Валерия Плотникова в журналах «Толстых» и просто популярных запоминаются и щедростью изобразительной культуры автора и значимостью модели.

На этих портретах у нее странное лицо... Впрочем, наверное, все же не «странное», потому что слово это в русском языке имеет синонимический ряд: необычное, изумительное, оригинальное... У кого-то однажды я читал, что «лицо актрисы не должно быть красивым. Оно должно быть единственное!» Вот такое — единственное! — лицо у Ирины Купченко на портретах Валерия Плотникова.

Вопрос, который актрисе я так и не задал, для себя я формулировал примерно так: кто или что определяет выбор ее очередной работы в кино? И вот, пересмотрев фильмы с ее участием, пролистав написанное о ней и поговорив с людьми, хорошо ее знающими, я пришел к логичному и естественному, как мне кажется, выводу:

«Человек, сотворивший себя сам» — так показалось мне возможным подытожить свои размышления об актрисе Ирине Купченко. Только, помните: «судьба... цель случайностей... при успеше... закономерность»?

И тогда свой рассказ об актрисе мне захотелось заключить словами ее героини из фильма «Без свидетелей», которая спустя годы вспоминает выпавший ей однажды кошмарный вечер и говорит, что покой и силу ей тогда давал звучавший в ее душе тихий-тихий звук — ее нота. «Этот звук моей единственности, моего существа, моей судьбы... Если звучание совершенных человеком поступков не совпадает с его нотой, человек не может быть счастлив!»

Мне кажется, Ирина Купченко — счастливый человек.

ДОБРАЯ ЛИ

Эта история не вымысел. Просто не названы фамилии действующих лиц.

В редакцию написала молодая женщина. Жаловалась на жизнь, на поспешное замужество, во всем винила свою доброту и умоляла хоть чем-нибудь помочь ей.

Но чем тут поможешь?..

Мы встретились в старом скверике около больницы, в которой она работала. Была осень. Лиза подняла с земли жухлый лист клена и, рассматривая его сухие прожилки, рассказывала о себе. Ничего нового к тому, о чем она писала в письме, не прибавила. Только горячо убеждала меня (а может, себя?), что развод неминуем: слишком уж разные они с мужем люди.

И вдруг через несколько месяцев звонок:

— У нас годовщина свадьбы. Я и Эдик ждем вас.

— Значит, все уладилось?—обрадовался я.

— Не все,—помолчав, сказала Лиза,—но после этого случая с Эдиком я многое поняла. Ведь раньше я любила в нем себя, а теперь...

Утром, еще до обхода, старшая медсестра Тонечка, чернобровая, смуглая, подтянутая, как солдат перед парадом, сказала Лизе:

— Вчера в шестую привезли одного уголовника. Ты не очень-то с ним миндальничай.

Лиза даже покраснела от обиды. Она и не думает ни с кем миндальничать. Пора бы Тонечке оставить свой покровительственный тон. Она, Лиза, уже не та девочка-несмышленыш, какой пришла сюда. Все преимущество Тонечки в том, что она окончила медучилище, а не десятилетку, как Лиза. Да еще успела побывать замужем. Наверно, поэтому любит командовать и давать житейские советы. Странно, что женщины и постарше слушают ее.

Срочно понадобились инструменты к операции. В привычных хлопотах обида рассеялась, осталось лишь необъяснимое желание заглянуть в шестую палату и посмотреть на этого «уголовника». Неужто и впрямь опасный тип?

После обеда зашла. Больные, как и полагалось, были в постели, кое-кто уже спал, а один, молодой, высокий, стоял у окна, что-то выслушивая на улице.

— Почему не лежите, больной?—строгим голосом, невольно подражая Тонечке, сказала Лиза.

Парень обернулся. Голова сплюшь перебинтована, левая рука в гипсе. И сам бледен, как марля. Темная густая щетина делала его узкое лицо еще более худым и осунувшимся. «Побиться-то нечем»,—догадалась Лиза. И вместо возникшего было неприязни к нарушителю режима в ней затеплилось чувство жалости к парню. «Какие у него грустные глаза!»—подумала Лиза, стараясь припомнить, где она читала о таком же вот выражении глаз.

— Еще одна ретивая,—скривив губы в усмешке, сказал парень.—До вас тут приходила, ворона такая. Прямо землю копытами била.

Лиза смекнула, что речь идет о Тонечке, улыбнулась, но тут же приняла прежний строгий вид. Ей захотелось чем-то уколоть парня, чтобы не задавался.

— Вы что, всех людей только по масти различаете?—язвительно спросила она.

— Почему же?—Парень, улыбаясь, неотрывно смотрел прямо ей в глаза.—Вы, например, добрая...—Он добавил:—И красивая.

В коридоре, проходя мимо зеркала, Лиза невольно замедлила шаг, посмотрела на себя. С тем же любопытством на нее смотрела стройная, ясноглазая девушка в ладно сидящем белом халате и белоснежной шапочке, из-под которой кокетливо выбивалась русая прядка. Улыбнувшись самой себе, Лиза плавным движением поправила волосы. «Неужели минутного разговора достаточно, чтобы определить, добрый человек или нет?»—подумала она.

За вечерним чаем судачили о больничных новостях. Вспомнили и о новичке из шестой палаты.

— Таких не то чтобы лечить...—сердито сказала санитарка тетя Шура.

— Как вы можете так говорить!—вспыхнула Лиза.—Не знаете человека, а судите.

— Туда, милая, за здоровью живешь не попадают,—прихлебывая из блюдечка, спокойно заметила пожилая санитарка.

— Месяца не прошло, как из тюрьмы, и опять драку затеял,—отчеканила все знающая Тонечка.

— Откуда известно, что он виноват в драке?—задирясто спросила Лиза.

Тонечка только снисходительно посмотрела на нее и ничего не ответила.

С того вечера Лиза, хоть в этом она боялась признаться и себе, искала малейший повод, чтобы заглянуть в шестую. Эдик, так звали парня, радовался ей, как ребенок. Лиза с волнением чувствовала на себе взгляд его грустных глаз.

Однажды, выходя из палаты, она едва не столкнулась с Тонечкой. Старшая медсестра догнала ее и с чувством заговорила:

— Я же тебя предупреждала. Ты разве не видишь, что это за человек?..

— Не вмешайтесь в мою жизнь,—резко оборвала ее Лиза.—И вообще я вам не девочка на побегушках.

— Глупая.—Тонечка улыбнулась.—Тебе добра желают. Смотри, как бы плакать потом не пришлось. Я ведь тоже когда-то вот так втюрилась.

В палате, при других, Эдик и Лиза не могли говорить о чем-то личном. Выходили в коридор. Эдик затравленно озирался, а когда проходил кто-нибудь из медперсонала, на его худых скулах начинали играть желваки.

— Думаешь, не вижу, как тут ко мне относятся?—мрачно цедил он.—Уголовником называют. А сами-то чистенькие? Подарочки разные берут... Знаем мы эти подарочки.

Лизе это не нравилось.

— Нельзя же так,—укоряла она Эдика.—Ты видишь только плохое.

— Что мне теперь, глаза закрыть?—Старая злоба вновь закипала в нем.

Отбыв наказание, Эдик вернулся к тетке, у которой жил с семи лет, после смерти матери. По утрам, проснувшись, долго лежал в постели. Ждал, пока тетка уйдет на работу. Ему надоело слушать ее упреки, жалобы на судьбу, которая неизвестно за какие грехи послала ей непутевого племянника. Оставшись один, Эдик тяжело поднимался, долго сидел на кровати, поглаживая стриженную голову, тупо глядел в одну точку. Из дома выходить не хотелось. Каждый раз, выходя на улицу, он, как на колючую проволоку, натыкался на жалостливо-осуждающие взгляды старушек пенсионерок. Осуждают, конечно, его, а тетку жалеют.

Вот и потом, когда пришел в отдел кадров автобазы, кадровик, пожилой, но еще бодренький, видно, из отставных офицеров, отложив в сторону его документы, начал:

— За ум взялся или опять на кривую дорожку потянет?

— Вам шофер нужен или?—взвился Эдик.

— Ты, парень, полегче на поворотах,—урезонил его кадровик.—С тобой по-хорошему, а ты...

«Сначала на работу возьмем, а потом в душу лезь»,—пробеседовал Эдик, но смолчал.

Завгар сердитый, криклиwy. Чуть что—сразу воспитывал: «Я в твои годы...» А сам дал не машину, а развалину. Ее бы в утиль, а он говорит: «Работай». И никому, кажется, до тебя дела нет. Хорошо хоть Петья Мохов относится к нему, Эдiku, как к человеку. Помог мотор собрать, резину новую где-то раздобыл. А недавно к себе пригласил. Поздня с мотоциклом провозились, потом Наташа, жена Петра, пригласила их за стол. Подкладывала Эдiku домашних котлет и сочувственно расспрашивала о его холостяцкой жизни.

Позавидовал он тогда Петру: все у того есть—и квартира и мотоцикл... Он же на казенной баланце пять лет жил. Зеленый был, петушился. Хотелось себя показать, ну и подались с пацанами в кинотеатр, схватился за нож...

«Пора браться за ум»,—думал Эдик.—Чем я хуже Петьки?»

В тот день они с Петром задержались после работы у пивного киоска. Встали в очередь, все чин чином. И тут подкатили эти трое.

Эдик сразу понял, что это за птицы. Ухмыляются, лезут вперед. Давно ли он сам был таким? Стоять и ждать считал ниже своего достоинства. Подойдет, бывало, такой же развязной походкой к окошку, улыбнется продавщице, словно веc с ней знаком, скажет небрежно: «Налей-ка, роднушка, молодому дарованию». И попробовал бы кто возразить! Теперь его самого отирают. Ну, нет...

— Куда ты, Эдик?—только и успел крикнуть Петр.

— Подожди, Петя. Небольшой урок вежливости.

Эдик вцепился в плечо одного из «троицы». Что было дальше—помнит смутно. С пробитой головой и сломанной рукой его доставили в больницу.

Ночью ему снились кошмары. Будто он переплывал бурную широкую реку, вконец обессиленный, выходит на берег, а его опять бросают в воду. «Никто не понимает меня»,—чуть не плача, думал Эдик, проснувшись утром в палате. И вдруг появилась Лиза. И это было не сон.

В воскресенье Лиза приехала к Софье Михайловне. Было время, когда они, девочки-одноклассницы, не вылезали из этой полной книг квартиры. Слушали музыку, читали стихи, спорили, пили чай с вафлями. Софья Михайловна была их кумиром. Все знали романтическую историю любимой учительницы. Еще в студенческие годы она вышла замуж за молодого физика, который увлекался поэзией и альпинизмом. Он хотел показать горы и жене, но не успел: вместе с товарищем погиб под снежной лавиной. Софья Михайловна как святыню хранила его письма и слышать не хочет ни о каких знакомствах.

Все реже заглядывали к учительнице ее любимицы. Одна Лиза оставалась верной и преданной ученицей. Впрочем, теперь они стали подругами. Даже внешне похожи: обе тонкие, ясноглазые. Только у Софьи Михайловны в прическе поблескивала седина.

Все было как прежде: они слушали музыку, пили чай, но от внимательного взгляда учительницы не ускользнуло, что Лиза сегодня какая-то другая, более возбужденная, даже рассеянная.

— Как у тебя на работе? Все в порядке?—Софья Михайловна говорила ровным, хорошо поставленным голосом словесника. Лиза знала: за этой спокойной, несколько холодноватой интонацией прячется деликатная доброта. Можно ответить одним словом: «Нормально»,—и Софья Михайловна ни о чем больше не спросит. Но сейчас Лизе не терпелось рассказать обо всем, что случилось с ней за эти дни, и, конечно же, про Эдика.

— Мне твердят: «Не ходи к нему»,—торопливо говорила она,—а я не могу так. Разве можно все время попрекать человека его прошлым? Помните, вы говорили нам о законе сохранения доброты? О том, что даже капелька добра, подаренная другому, может стать ему опорой в жизни? Ах, Софья Михайловна, дорогая, как бы мне хотелось быть такой капелькой! Вы меня понимаете, да?..

Учительница с едва заметной улыбкой любовалась своей ученицей. «Как прекрасен порыв этой девочки!—думала она.—Как глубоко, как тонко восприняла она давний урок!» Но в то же время возникла тревожная мысль: так ли серьезно чувство Лизы? Хватит ли у нее сил и терпения нести на своих хрупких плечах такое бремя ответственности за судьбу другого человека?

— Ты хорошо помнишь сказку Экзюпери «Маленький принц»?—выслушав Лизу, спросила Софья Михайловна.

— Еще бы... Ведь это мое любимое произведение.

— Позволь тогда напомнить слова Лизы: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил...»

— Я понимаю, понимаю!—горячо перебила девушка.—Если бы вы видели Эдика, его глаза! В них столько горя. Я помогу, я спасу его.

Эдик быстро поправлялся. Ему не сиделось в палате. Он то и дело выходил в коридор, надеясь увидеть там Лизу. Однажды вместо Лизы к нему подошла санитарка тетя Шура.

— Ты что же, бесстыдные твои глаза, делаешь с девочкой?—напустилась она на парня.—Думаешь, живая душа тебе игрушка? Не видишь разве, дитя она еще?..

Не ожидавший такого напора, Эдик поначалу растерялся, но ненадолго.

— Ну, чего раскудахталась?—оборвал он тетю Шуру, досадуя больше на себя за то, что оробел перед каким-то «божественным одуванчиком», как мысленно окрестил пожилую санитарку.—У нее своя голова на плечах.

Ни Эдик, ни тетя Шура ничего не сказали Лизе о стычке в коридоре.

Как обычно, пили чай после утренней майты. Разговор не клеился. Лиза встала и направилась к двери. Вдруг Тонечка, вскочив из-за стола, преградила ей дорогу.

— Опять к нему? Не пущу!

В ее глазах читалась самоотверженная решимость. Еще шаг, и могло бы произойти неизвестно что. Лиза... разрыдалась.

Тонечка, словно окаменев, не двинулась с места. Тетя Шура, всплеснув руками, мелкими шажками подбежала к Лизе.

— Лизонька, доченька, забудь ты его, окаянного. Он и мизинчика твоего не стоит.

Жалобные признания вмig отрезвили Лизу.

— Пустите меня,—сказала она, вытирая слезы ладонью.

— Не пущу!—Тонечка монументом стояла в дверях.

— Вы злые, жестокие люди!—не помня себя от обиды, крикнула Лиза.

Враз все оборвались. Тонечка, сникнув, отошла от двери, тетя Шура, сгорбившись, загремела посудой. Но и Лиза уже не могла никуда идти. Тяжело опустилась на стул. Ни о чем не жалела, ни в чем не раскаивалась. Все ей стало безразлично.

Теперь она могла, не таясь, встречаться с Эдиком. Только почему-то в этих встречах не было прежней радости. Лиза ловила себя на том, что порой смотрит на Эдика глазами своих коллег. Явственно видит его грубость, бесцеремонность. Но она гнала прочь эти мысли. «Да, конечно,—убеждала она себя,—он не блещет изысканными манерами, бывает резок, но это пройдет, у человека с такими глазами не может быть злой душа».

— Тебя настраивают против меня, будто я прокаженный какой-то,—с горечью говорил Эдик.—А я хочу жить, как все. Чтобы был дом, семья... Не слушай никого, Лиза. Верь мне. Буду работать, как проклятый, лишь бы ты была счастлива.

Лиза поразилась, как быстро Эдик нашел общий язык с ее мамой. Она-то боялась, что та начнет выпытывать у него подробности из прошлого, а получилось иначе.

— Дверь у вас тут закрывается, петли, наверно, отшли,—первое, что сказал Эдик, переступив порог их дома.—Отвертка найдется?

Мама, как была в домашнем халате, тут же засуетилась,

ИЗА

начала перечислять другие прорехи, словно пришел не жених, а слесарь из эжка. И уж совсем не к месту, как показалось Лизе, мать пожаловалась на отсутствие в доме мужских рук.

Когда сели за стол, мать подкладывала Эдика лучшие куски и заискивающе улыбалась. А Эдик, осмелев, с серьезным видом начал излагать свои взгляды на устройство семейного быта. Лиза и не подозревала в нем такой житейской рассудительности.

Лизина мама и Эдик расстались как родные.

Лиза решила основательно заняться перевоспитанием Эдика. Купила два билета на «Пиковую даму». Ей казалось, что музыка Чайковского способна размягчить любую зачарованную душу. Эдик никогда еще не бывал в оперном театре, зато она здесь в своей стихии. Сколько раз приходила сюда с подружками, с Софьей Михайловной!

Перед началом они гуляли в фойе. Лиза рассказывала об артистах, занятых в спектакле, а Эдик, притихший, покорный, молча слушал.

— А где тут буфет? — перебил он Лизу. — Пить охота.

Потом они шли по полутемной пустынной аллее. Приятно было дышать летней прохладой.

— Ну, ты сегодня меня чуть не уморила, — весело сказал Эдик. — Классика, конечно, хорошо, но я больше люблю вот это... — Он сделал несколько движений модного танца. — Пойдем завтра в ресторан?

«И это после Чайковского?» — недоумевала Лиза.

К этому визиту к Софье Михайловне она готовилась загодя. Но странное дело: чем больше Лиза рассказывала Эдiku о своей бывшей учительнице, тем меньше он хотел познакомиться с ней. Лиза все же настояла на своем.

Пили чай. Софья Михайловна, вежливая, радушная, чувствовала несвойственную ей робость, как ученица на экзамене. Она даже не знала, о чем говорить, чтобы разговор был интересен и Эдiku, который, почти не притрагиваясь к угощению, с какой-то насмешливой снисходительностью осматривал комнату. Невольно следя за его взглядом, Софья Михайловна словно только теперь заметила и старенький этажерку, покосившуюся под тяжестью книг, и отклеившиеся обои, и — о боже! — паутину в углу под потолком. Выручала Лиза, вспомнив смешной эпизод из школьных времен. О школе Софья Михайловна могла говорить бесконечно.

— Не надорю вам одной? — сочувственно улыбаясь, спросил Эдик.

Учительница осеклась на полуслова. Лиза, не скрывая волнения, вперилась в Эдика.

— Я не одна, — взяла себя в руки, спокойно сказала Софья Михайловна. — Со мной моя память, мои ученики.

— Книжки, бумаги, фотографии... — уточнил Эдик. — Живого человека-то они не заменят.

Учительница молчала. Лиза, не зная, как поправить бес tactность Эдика, стала собираться. На прощание Софья Михайловна протянула ей свой подарок к свадьбе — пластинку и томик Экзюпери.

— Зачем ты это сказал? — набросилась Лиза на Эдика, как только они вышли на улицу. — Разве ты не понимаешь, что причинил боль человеку?

— Мне самому ее жалко стало, — оправдывался Эдик. — Красивая женщина, ей бы уже внучат веселить, а она превратилась в какую-то монахиню.

— Не смей так говорить! Чурбан ты бесчувственный! — вскрикнула Лиза и побежала прочь, не разбирая дороги.

...Свадебная машина ждала у подъезда, подруга поправляла на невесте фату, а Лиза стояла перед зеркалом в каком-то оцепенении, ничего не видя перед собой.

— Ну, доченька, с богом! — вздохнула мать, не скрывавшая радости оттого, что выдает единственную, выросшую без отца дочь не хуже, чем другие.

— Мама, что мы делаем! — со слезами в голосе сказала Лиза. — Люблю ли я его?..

Мать в испуге замахала руками.

— Что ты, что ты, не дури! Или опозорить меня хочешь? Как потом людям-то в глаза глядеть?

Лиза и сама толком не понимала, что с ней. Ничего как будто не изменилось, но в последнее время она стала раздражительной, вспыльчивой. Недавно нагрубила Эдiku, матери, когда те рассуждали, где лучше жить молодым — здесь или у его тетки. Эдик весь ушел в хлопоты о предстоящей свадьбе: ездил по магазинам, заказал банкетный зал в кафе, рассказывал приглашения. Лизе порою казалось, что это не Эдик, а совсем незнакомый ей человек. Разве он похож на того запутавшегося в жизни парня? Того она жалела, а этот?.. Нужны ли ему ее жалость и доброта?

Сбылось то, о чем Эдик мог только мечтать. У него есть дом, семья — жена и крохотная дочурка Леночка. Но нет главного, что, по его мнению, придает жизни смысл — прочности, устойчивости. И все Лиза! Временами бывает веселой, ласковой, а то целыми днями молчит, хмурится. Или вздохнет

и скажет: «Не могу больше, уж лучше разойтись, чем жить так».

Ничем на нее не угодишь. Он работает за двоих, старается, чтобы в семье был достаток, навел порядок в квартире — перестелил полы, оклеил стены новыми обоями, врезал в дверь еще один замок. Теща его не хвалит, а Лиза все это безразлично. Еще и насмешки строит. Купил недавно в универсмаге картину «Три богатыря», повесил над сервантом. Лиза говорит: «Зачем они здесь? Рюмки охранять?»

Насчет ромашки она зря. Пьет он в меру, по праздникам. Бывает, конечно, и после работы. Но как без этого? За «спасибо» тебе никто ничего не сделает, а машине ремонт нужен. Кроме того, имеет он право поговорить с другом по душам? Приходили они с Петром, так Лиза даже за стол с ними не присела. Занята, дескать. Чем занята? Пластиинка крутит да книжки читает. А он приглашал Петра, так сказать, с ответным визитом. Думал, авось подружатся семьями. Не вышло. Вот и беседуют в «забегаловках».

— Какого рожна ей еще надо? — жаловался Эдик другу. — Зарплату отдаю, пеленки стираю...

— Женщина, потому и капризы, — заключил многоопытный Петр. — Ты что ей на Восьмое марта дарил, цветы?

— Духи, — нехотя ответил Эдик. — Буду я у спекулянтов каждый цветок за пятерку брать, как же!

Лиза порой физически ощущала нехватку воздуха. В квартире стало тесно от громоздких, ненужных вещей, которые появлялись стараниями мужа и матери. Приобретя что-то, они приглашали и Лизу порадоваться вместе с ними, но она не находила в себе подобающих слушаю чувств. Хотелось другого, чего-то большого, светлого, праздника для души. Вспоминала, что за время замужества они так ни разу и не были в театре. Эдик поздно возвращался с работы или уезжал в дальние рейсы. Пойти одной значило бы вызывать ревнивые подозрения и глупые пересуды.

Недовольство, раздражение, мелкие обиды — все накапливались, накручивались, как снежный ком. С каждым днем ком этот увеличивался, тяжелел и подвигался к той точке, откуда мог покатиться вниз и разлететься в прах. «Кому нужна моя доброта? — укоряла себя Лиза. — И его не исправила и себе жизнь испортила. Зачем я тогда слушала его, а не тех, кто меня удерживал? Видно, в один из таких горьких дней она и написала письмо в редакцию.

...О несчастье она узнала вечером. Прибежал Петр и сказал, что Эдик попал в аварию.

— Жив? — с испугом спросила Лиза.

— Жив, — успокоил ее Петр.

Мальчишка-школьник неожиданно выскочил из-за угла прямо на дорогу. Эдик резко нажал на тормоз и вывернул руль вправо. Машина кабиной ударила об осветительный столб. Мальчишка не получил и царапины, а водителя увезли в больницу в бессознательном состоянии.

Лиза наклоналась и выбежала на улицу. Все ее прежние обиды отступили перед бедой. Ей вдруг открылась вся та цепочка, которая уже навсегда связала их троих — ее, Эдика, Леночку. Лиза на какую-то секунду представила свою жизнь без Эдика и ужаснулась: Она поняла, что без его постоянной заботы, без его твердой руки они с дочкой осиротеют, пропадут. У них разные вкусы, разные увлечения, но разве это главное? Главное другое — он любит ее, Лизу, у них есть дочь, а все остальное придет. Лишь бы Эдик был жив. «Лиши бы он был жив, лишь бы он был жив», — беззвучно повторяла Лиза.

В больницу она ехала в полупустом трамвае. Люди удивленно смотрели на молодую женщину, которая плакала, не стесняясь слез. О чем она плакала, никто не догадывался.

К счастью, Эдик скоро выпился из больницы вполне здоровым, вот тогда-то мы и встретились с Лизой снова. Уже в доме молодых супругов. Эдик играл с дочкой, Лиза, поглядывая на их веселую возню, рассказывала о своем, как она пошутила, прозрении. Рассказывала, а сама опять ждала от меня совета.

А я не знал, что тут ответить, что посоветовать. Слушал Лизу и вспоминал давно прочитанные строки:

Принимаешь такого? С ошибками юности прожитой? — И ответила ты: «Принимаю такого, как есть!»

Поэт писал о счастливой любви. Вернее, о любви, которая вопреки « ошибкам юности» одного из влюбленных стала все-таки счастливой. Поэтому что Она умела и верить, и ждать, и бороться, и прощать. Лиза на тот же, в сущности, вопрос ответила иначе: «Не принимаю. Стань таким, как я хочу!». От такого требования веет чем-то эгоистическим, хотя с самого начала Лиза понимала, что Эдик «другой», не отвечающий ее представлениям об идеальном спутнике жизни. В отличие от своих коллег Лиза видела в Эдике добрые искры и решила, что с ее помощью они сразу, мгновенно вспыхнут ярким факелом. А надо было ждать, верить, бороться, прощать, наконец. Ведь это только глина легко поддается лепке, а взрослый человек, каким уже тогда был Эдик, со сложившимися характером, с тяжелой судьбой, не так просто и скоро меняется по чьему-то образу и подобию. Значит, если любишь, надо считаться с характером человека, его привычками, взглядами на жизнь. В этом соединении двух разных людей и заключается трудное и великое искусство любви.

Теперь Лиза поняла это и сама, без посторонней помощи. Я же взялся за перо и рассказал историю Лизы и Эдика с единственной целью: чтобы и другие молодые супруги, собирающиеся сегодня в зас с заявлениями о разводе, еще раз посмотрели друг другу в глаза и, пусть даже и не говоря ни слова, увидели и поняли, какое это, в сущности, великое счастье — видеть на себя в любимом, а любимого в себе.

После

выступления

«Смены»

В № 18 мы опубликовали письмо бывших воспитанников детского дома № 1 г. Буйнакска Дагестанской АССР, которые с тревогой писали о затянувшемся ремонте детского дома и ненормальных условиях жизни и быта его воспитанников. Корреспондент журнала вместе с ответственным работником Министерства просвещения РСФСР проверили факты на месте. В статье «Трешница» редакция призвала местные организации срочно принять конкретные, действенные меры, создать нормальные условия для жизни детей.

Недавно мы получили следующий ответ:

Совет Министров Дагестанской АССР сообщает о результатах рассмотрения статьи «Трешница». С начала текущего учебного года воспитанники Буйнакского детского дома размещены в здании Буйнакской школы-интерната, условия жизни удовлетворительные.

Поскольку здание Буйнакского детского дома находится в аварийном состоянии и дальнейшей эксплуатации не подлежит, принято решение о строительстве в г. Буйнакске нового здания для детского дома.

Распоряжением Совета Министров ДАССР от 28 октября с. г. поручено соответствующим организациям республики подготовить в первом полугодии 1984 года проектно-сметную документацию на строительство нового здания для детского дома в г. Буйнакске, выделить лимиты на его проектирование и земельный участок для строительства детского дома.

Данный вопрос взят на контроль.

Д. ДОВЛЕТХАНОВ,
заместитель председателя
Совета Министров
Дагестанской АССР

Конкурс эрудитов-84

Дорогие друзья!

Мы получили много писем, в которых вы вновь повторяете, что Конкурс эрудитов — игра для всех, кто любит читать, искать, размышлять, и просите продолжать ее.

Охотно откликаемся на вашу просьбу и, со своей стороны, просим вас присыпать письма с вопросами для Конкурса эрудитов-84. Вопросы могут затрагивать самые разные темы.

Наиболее интересные из них мы опубликуем на страницах «Смены» с указанием вашей фамилии. К каждому вопросу обязательна ссылка на его источник (ими могут быть газета, книга, журнал и т. д.).

Ждем ваших писем с вопросами. Чем быстрее вы их присыпаете, тем лучше.

На конверте обязательно пометьте: Конкурс эрудитов-84.

фотоателье

Валентина ДРОЗД

Место, куда мы шли, находилось за деревней. Фотоателье «Березка» — так назывался уголок, где мы любили оставлять на память себя и свое время. Березы росли здесь у обочины, песчаная дорога уводила их за собой вдаль. Калина и шиповник плотно кустились у стволов, из-за их гущины никак нельзя прорваться вглубь. Только узенькие тропинки со следами ходившего в лес стада показывали путь, где можно ступить. Городили шиповник зеленые заборчики лопухов, их большие листья с желтыми цветами выглядели контрастно — словно огни свечек мерцали в зеленой ночи. Солнце стояло высоко, оно набросило золотые сети на кроны деревьев, лучи пробивались сквозь листву, и она без всякого сопротивления пропускала их. Теплая трава нежила тело, июльское солнце слегка морило в тени, хотелось лежать долго-долго и чувствовать всю необъятность земли. Запрокинешь голову — вверху небо зеленое, а в нем золотые звездочки; набежит легкий ветерок, и задвигаются звездочки: какая больше станет, какая вообще исчезнет.

Креслом в нашем «фотоателье» служила большая кочка, вся устланная живым ковром. Рядом лежал сухой ствол березы, ее белая кора рвалась бахромой на ветру и шуршила. Брюхо ствола

лежало на возвышении, и от малейшего прикосновения береза трепетала.

Анна села на ствол, поджав босые ноги, обхватила колени руками. Черно-смолистые пряди рассыпались, сбегали змейками по плечам. Ситцевое платье придавало ей легкость березовой бахромы, в черных глазах таилась грусть. Щелкнул затвор аппарата... И, готово! Такой девушка осталась навсегда.

Русоволосая босая Юлия бежала ко мне, вскрикивая от уколов колючек:

— Сюда, сюда! Идем! — Она махала мне рукой. — Вот смотри, колокольчик! Я его не сорвала, зачем ему умирать... Ты меня прямо рядом с ним сфотографируй, ладно...

Юлия легла на землю, подняла голову, лицом оперлась о ладони, локтями утопая в траве. Щека ее коснулась сиреневых цветков, они вздрогнули от человеческого тепла и благодарно склонили головки. В девичьих огромных глазах светилась нежность, перенесенная в вечность.

Марина облюбовала себе молоденькую ветвистую березку, просила меня запечатлеть ее здесь. Стойные березы и девушка — они были схожи друг с другом. Кудрявые волосы Маринки отливали цветом каштана, обнажали шею, узенькая тесемка голубилась на загорелых плечах; небесного цвета глаза лучились изнутри озорством и непоседливостью.

Скоро фотоаппарат лежал в футляре. Сделавший свою работу, он, конечно, не знал, что совершил. Пройдут годы... Судьба по-разному обойдется с нами. Только ничего не сможет сделать с небольшими карточками, в которых наша юность — навсегда.

НОВЕЛЛЫ

Константин НОВИКОВ

Средина января. Около семи часов вечера. Несильный мороз легко висит в воздухе, изредка задевая лицо мягкой волной, осторожно касается ресниц и щек.

Надо льдом Чистых прудов плывут параллельно несколько проводов, к которым через равные промежутки прикреплены лампы, покрытые бледными плафонами. Лампы, окрашивая лед, в желтоватый цвет, делают его уютным, теплым, хорошо знакомым.

Именно эти, связанные в линию лампы под плоскими колпаками, похожие, если смотреть сверху, на точки и тире нерасшифрованной радиограммы, и именно этот желтоватый оттенок льда напомнили мне сейчас пруд из детства, пруд, к которому иногда приводили меня взрослые по вечерам. Стоя у края замерзшей воды, я подолгу смотрел на многоцветный живой водоворот, людоворот, состоявший из ярких размытых пятен, быстро скользивших мимо меня по кругу, по кругу, по кругу...

Вот и сейчас — коньки разрезают лед, негромкий приятный хруст смешивается со смехом, разговорами, и конечный, долетающий до меня звук сложен, состоит из множества оттенков — ну, прямо мелодия из детства.

Когда давным-давно забытое, стертное, ушедшее, которое, казалось, никогда более не вернется, все

же возвращается, начинаясь вполне реально ощущать собственную память — цепочку твоей жизни, содержащую все звенья, начиная с самого первого, неповторимого. И все годы, ушедшие неизвестно куда, на мгновение возвращаются, обретая объемность, наполняясь красками, живыми лицами, отчего становятся спокойно и грустно.

Передо мной по освещенному льду кружатся цветные костюмы, вязаные шапочки, свитера, гоняются друг за другом, смеются, раскрашивают лед. Краски, краски... Все смеется перед глазами, шапочки, шарфы, улыбки захватывают, завораживают.

Я неподвижно стою, глядя на уютный лед Чистых прудов, на красочный живой коллаж. Яркая, с размытыми желтоватыми краями точка, вытянутое черное тире, снова размытая горящая точка... И так до противоположного берега, края.

А дальше, там, где кончается лед, — темные неподвижные деревья, из-за скрюченных голых веток которых проглядывают цветные прямоугольники окон старого массивного дома. Я знаю, что если поднимать взгляд вверх, то освещенные окна будут рядами насыщаться друг на друга до тех пор, пока не начнется спустившееся совсем низко черное небо. Это я знаю, а потому поднимать глаза мне совсем неинтересно.

Ярко-красным елочным фонариком светится неоновая точка над входом в метро. Подошвы чуть поскрипывают на чистом, еще не утоптанном снегу, и я иду на густой красный свет. Торопятся люди с сумками, коробками, упаковками. А моя нюша легка и светла, словно перо жар-птицы в кармане: достану — и все озарится кругом...

Первые пробы пера... Еще, как говорят, в столе — замыслы повестей и рассказов. А пока — этюд, попытка уловить мгновение жизни. И оживить его пером. Представляем вам этюды в прозе Валентины Дрозд из Павлодарской области и москвича Константина Новикова.

Чистые пруды

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Литературный глобус
«Смены»

Вольфганг КИНАСТ,
ГДР

Перевод с немецкого
Льва ДЫМОВА

Tридцать часов подряд детектив размышлял, глядя то на банкноту на стене, то на свое лицо в зеркале.

Штомпс сказал ему то, что нужно было сказать. Возможно, это даже соответствовало действительности. Все остальное—лишь впечатляющие жесты. Они были неотъемлемой частью его ремесла. Держался Штомпс прекрасно, болтуном его никак не назовешь.

Гермес вздохнул. Гангстеры хотят жить спокойно—ну, что ж, это их право. Однако начальник полиции пребывает в смятении. Ему нужно спасать свою шкуру. Вероятно, он способный человек. Он пробился наверх и достиг положения, которым дорожит.

Нет, я должен взять себя в руки, решил Петер Гермес. Я ведь отношусь к малым мира сего. Штомпс раздавит меня двумя пальцами, как вошь, Вегнер покончит со мной одним росчерком пера.

А Тэлле? Ему было двадцать лет или даже меньше. Почему этому парню пришлось умереть? И почему от руки полицейского? Возможно, этот полицейский зависит от Штомпса? Теперь Тэлле мертв. Глаза закона крепко зажмурены. Нет никого, кроме маленького детектива Петера Гермеса. Маленький детектив может принести пользу.

Он схватил телефонную трубку, несколько мгновений вслушиваясь в знакомое гудение, потом набрал номер «Фольксблатт». Попросив соединить его с архивариусом, сказал тому, что хотел бы получить все имеющиеся в редакции материалы о злоупотреблении полицией властью.

— Все материалы?—переспросил архиварий.—На это уйдет неделя.

— Мне нужно сегодня.

— У меня работа кончается через час.

В конце концов договорились, что Гермес придет завтра в первую половину дня.

Детектив сидел в старом кресле и думал о том, почему смерть Тэлле так его задела.

Парень был вором и сопротивлялся аресту. Вполне возможно, что полицейский почувствовал угрозу для себя. Полицейский такой же человек, как и все остальные, но в отличие от остальных имеет дело только с противниками. Вся его деятельность, от малейших нарушений до уголовного преступления,—это деятельность преследователя, а преследователи не любят. Преследователю нужны характер, сила, мужество, здоровая мораль.

Несколько недель назад в городском парке собралась молодежь. Юноши и девушки принесли с собой грабли и инсценировали похороны. На гробах было написано: «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ПРАВО!», «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ДЕМОКРАТИЯ!», «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ!». Некоторые, подражая Христу, водрузили на плечи кресты, другие—надгробия с именами: Онезорг, Георг фон Раух, Мак-Лауд. Это были имена невиновных, убитых полицейскими.

Если посчитать, что Гермес относился к левым, то стоял он в этом крыле настолько справа, насколько это вообще было возможно.

Однако речь шла не только о жертвах политических стычек. В Вильмерсдорфе полицейский тяжело ранил выстрелом из пистолета человека, который грабил сигаретные автоматы. Пара блоков сигарет, которые не стоили и сотни марок...

А теперь полицейские и гангстеры сообща прикончили юношу. Дальше уже некуда, теперь не знаешь, где верх и где низ, где право и где неправо. Теперь полицейский стоит в тени и наблюдает, как гангстеры избивают детектива...

Черт возьми, мне ведь уже тридцать восемь лет, подумал Гермес. В двадцать два я завоевал олимпийское серебро. И будь я проклят, если не стою больше, чем Толстяк, Гонщик, Штомпс или Вегнер. Я от них не отстану, и если уж они меня прикончат, то им не удастся выставить меня преступником, как Тэлле.

Окончание. Начало в № 23.

Толстяк вышел из «Коринны» часа в два ночи, и, конечно, с ним был Гонщик. Они пошли по Кантштрассе в направлении станции «Зоологический сад»; на обоих были те же белые костюмы, что и два дня назад.

Гермес ехал за ними на машине, пока не убедился, что в такси они не сядут. Тогда он поставил машину и дальше шел пешком.

Он еще не знал, что будет делать. Знал только, что с каждым нужно расправиться поодиночке, и надеялся, что рано или поздно они разойдутся в разные стороны.

И верно, они разделились у вокзала—Гонщик зашел в здание. Гермес за ним не последовал, считая Гонщика наименее важным в этой игре.

Толстяк пошел дальше. Он держался очень непринужденно и кокетливо взбрыкивал ногами. Выглядело это нелепо и давало понять, что Толстяк нетрезв. Он прошел мимо вокзала, затем свернул налево. Очевидно, он направлялся к доходному дому за железнодорожной линией, где каждая квартира стоит шестьсот марок в месяц.

В его «профессии» зарабатывают неплохо, подумал Гермес без тени зависти. Толстяк вынул ключ из кармана и отпер массивную дверь дома. Потом замок защелкнулся за его спиной—Гермес остался стоять, растерянно глядя на запертую дверь. Изнутри послышалось шуршание противовеса поднимающегося лифта. Толстяк ускользнул.

Гермес поднял глаза на фасад. В трех окнах еще горел свет, но все они были в нижней части дома. Он прошел кругом, к задней стене. Там светились два окна, одно из них на верхнем этаже.

Противовес опустился до самого низа, в подвал. Значит, Толстяк поднялся на самый верх. Там было темно.

Детектив вернулся к фасаду. Теперь светились еще два окна, под крышей. Они располагались у края фронтона—следовательно, Толстяк жил в конце коридора.

Шел третий час ночи. Можно было не сомневаться, что Толстяк провалится в постели до полудня.

Гермес недовольно поморщился. Что дала ему эта прогулка? Никакого решения он не принял, и это его угнетало. К тому же было холодно. Ничего не оставалось, как вернуться к машине, ждавшей на Кантштрассе.

На следующее утро, вскоре после восьми, он опять стоял у доходного дома. Дом казался более холодным и обезличенным, чем ночью. На каждом этаже было по три дюжины квартир, и каждая из них представляла собою небольшую крепость, неприступную для посторонних.

Гермес наугад нажал одну из кнопок в середине панели. Ничего не произошло. Он нажал вторую кнопку, третью. Послышалось жужжание, дверь распахнулась.

В фойе он побежал прямо к лифту. Загрохотало, противовес пополз вверх. Наконец появилась кабина и остановилась с тяжелым вздохом.

— Тяжело тебе,—пробормотал Гермес. Он посмотрел на панели управления. Там были кнопки этажей и подвала. Гермес нажал кнопку восьмого этажа.

Кабина опять вздохнула и повезла детектива вверх. По пути никто к нему не присоединился.

На десятый этаж детектив поднялся пешком. Он не хотел неожиданно столкнуться с Толстяком лицом к лицу.

Эта предосторожность оказалась излишней. Корridor, в конце которого предположительно жил Толстяк, был пуст. Там, впереди, виднелось окно, через которое проник солнечный свет. Гермес медленно пошел туда. Дверь у окна, вероятно, вела в квартиру Толстяка. На прикрепленной большими кнопками табличке было написано «ШМОДИ».

— Шмоди,—задумчиво сказал Гермес. Кровь стучала у него в висках. Боевая лихорадка, как в лучшие боксерские времена. По старой привычке он вытянулся на носках, свободно опустив руки. Мышцы

и сухожилия слышатся хорошо, подрагивают от избытка энергии. А если Толстяк уже пьян? Или не один? Или...

Ну, нечего распускать нервы. Детектив нажал на кнопку звонка и вздрогнул от пронзительного звука.

Толстяк был дома. Он открыл дверь и удивленно взорвался на гостя. Потом моргнул.

— Ты не спиши. Толстяк?—сказал Гермес.

— В самом деле, не сплю...—проворчал тот. Он был в трусах и нижней рубашке, не скрывавших мощные мускулы. Лицо его от изумления выглядело еще более глупым, чем обычно.

— Малыш?!—прохрипел Толстяк, поверив наконец своим глазам.

— Точно.

— И что тебе нужно?

— Ты меня впустишь?—дружелюбно спросил Гермес.

Толстяк молча отступил в сторону и направился в глубь комнаты. Повернувшись, он заметил, что детектив закрыл дверь на цепочку.

— Это зачем?

— Не люблю, когда мне мешают.

— Эй, ты это брось.—Толстяк сделал пару шагов назад, к двери, но детектив стоял не двигаясь и смотрел ему прямо в глаза.

— У тебя что, пушка?—спросил Толстяк. На мгновение в его взгляде появилась растерянность.

— Успокойся, пистолета у меня нет.

— Что тебе нужно?

— Хочу кое-что тебе вернуть. И получить кое-что взамен.

— И...

— Это тысячетмарковая банкнота,—пояснил Гермес.—Она мне не нужна.

— А что же тебе нужно, малыш?

— Информация. Почему убили Тэлле?

Толстяк захлебнулся смехом. Потом болезненно закашлялся, повалился на кровать, по щекам его катились слезы. Он жадно хватал воздух ртом, весь побагровев, и даже не пытался помешать Гермесу, когда тот выдирал телефонный провод из соединительной коробки.

— Ну, малыш, с тобой и в кино ходить не надо. У тебя, правда, пушки нет?

Гермес покачал головой.

— Тогда ты герой.

— Ты повторяешься,—укоризненно заметил детектив. Он внимательно смотрел на Толстяка, выжидая, пока тот оправится от приступа смеха.—У меня при себе ничего нет, даже такого ножа, как у того парня, которого вы убили. Для тебя мне хватит кулаков.

Толстяк опять засмеялся.

— Малыш, тебе жить надоело,—прохрипел он.—Ты знаешь, когда меня последний раз били? В школе, малыш!

— Я напомню тебе школьные времена.

Толстяк вдруг посеръезнел.

— Ну, хватит, а то я умру от смеха. Катись отсюда. Гермес ухмыльнулся.

— Ты подпортил мне физиономию, а я не из тех, кто прощает такие шутки, Толстяк. Я один, а вас целая куча, так что придется брать вас по одному. Я боксер, Толстяк, и когда-то был в сборной страны. А в дзюдо у меня «красный пояс», понятно? Я из тебя отбивную сделаю, если не скажешь, почему убили парня. Ты меня слышал, Толстяк?

Тот молча смотрел на детектива. В мозгу Толстяка явно происходили какие-то мыслительные процессы, это было видно по выражению лица. Наконец он встал с кровати и направился к окну.

— И не пытайся,—предупредил Гермес.

Толстяк заколебался. Ситуация была неприятно новой для него, и он, очевидно, был к ней не готов.

— Я только хотел шанс достать.

Детектив усмехнулся.

— Я тебе пленси в глотку, когда кончу бить.

Он подошел к гангстеру и замер в боевой стойке, ожидая, что тот попытается захватить его врасплох.

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

— На кого ты работаешь? — спросил Толстяк.
— На парня, которого вы убили.
— Это не мы. Это полицейский был...
— Который служит вам.
Толстяк скрипнул зубами.
— Ну?

— Черт возьми, да проваливай ты наконец! Я тебя не боюсь! — прокричал Толстяк.

Он сделал шаг вперед и схватил Гермеса за руку. В следующее мгновение он уже лежал на полу.

— Этот прием основан на правиле, рыбага. Но тебе не понять. Для тебя это высшая математика.

— Ты мне руку вывернул, ты... — простонал Толстяк. Он боязливо поглядывал левую руку, не решаясь даже пошевелить ее.

— Говори, иначе и вторую потерянешь.

Толстяк медленно поднялся. Он был похож на мешок тряпья и уже не думал о сопротивлении.

— Но я ничего не знаю, — пробормотал он. — Шеф мне платит, вот и все.

— Тебе и Претцилу?

— Кто такой Претцил?

— Полицейский, который застрелил парня. Ты разве не знал?

Гермес с угрожающим видом приблизился к Толстяку.

— Помочь вспомнить?

Толстяк испуганно закрылся здоровой рукой.

— Ему платят за то, что он держит пальцы на замке. И предупреждает о налетах полиции.

— Почему он стрелял?

— Я не знаю.

Гермес провел короткий аперкот и попал точно в цель. Толстяк закрыл глаза и упал без сознания. Детектив не стал ждать, когда он очнется, а попытался поднять эту гору мяса, но даже пошевелить ее не смог. Тогда он нашел в стеклянном шкафу бутылку шнапса и плеснул Толстяку в лицо. Тот постепенно пришел в себя и жалобно взглянул на детектива.

— Почему Претцил стрелял в парня?

— Это только он знает.

— Тэлле был из ваших.

— Нет. Его сестра — одна из проституток, которых мы контролируем, но Тэлле не имел к этому никакого отношения. Вышло совершенно случайно, что он украл машину шефа. Потом он поехал в «Коринну», чтобы занять денег у сестры. Мы сначала и не знали, кто это такой. Только мертвым разглядели.

— А Претцил, он тоже только потом заметил, в кого стрелял? Они вообще-то были знакомы?

Толстяк молча покачал головой, и Гермес поверил, что он действительно ничего больше не знает. Вид у Толстяка был совершенно убитый.

нал ему какие-то схемы его прежнего существования.

— Что угодно? — спросил он.

— Я от Шмоди, — представился Гермес.

Бывший полицейский кивнул печально и отрешенно, как будто Гермес и не мог быть от кого-то другого. Конечно же, они по-прежнему держат этого человека в руках, а значит, его показания специальной комиссии были ложными. Впрочем, сейчас речь шла не о его показаниях в полиции, и Гермес прекрасно понимал, что Шмидт — гораздо более серьезный противник, чем сильный, но глупый Толстяк. Нужно захватить его врасплох и попытаться перетянуть на свою сторону.

— Заходите, — после некоторого колебания сказал Шмидт. Он провел детектива через сад, мимо террасы, на которой сидела женщина в кресле-качалке. Они вошли в дом, на заднюю веранду, оборудованную под рабочий кабинет.

— В чем дело? — спросил Шмидт. Он вытащил из ящика письменного стола бутылку водки, а из холодильника — графин с зеленоватым соком.

— Два стакана? — спросил он.

— Да.

— Что нужно Шмоди?

— Мне кажется, он на вас очень зол.

Шмидт сделал большой глоток, повертел стакан в руках.

— У него для этого нет причин.

— Организация трещит по всем швам. Начальника полиции пресса доводит до бешенства. Кое-кто требует его отставки. После того, как Претцил застрелил этого парня, Вегнеру придется принять особые меры.

— А какое это имеет ко мне отношение?

— Очевидно, показания были недостаточно согласованы. Претцил рассказывает немного не так, как вы, хотя в тот вечер вы были в машине вместе. Специальная комиссия ухватилась за эти различия и каким-то образом смогла прижать Штомпса.

Шмидт медленно поднялся. Он подошел к Гермесу и наклонился к самому его лицу.

— Вы не от Шмоди. И не по поручению Штомпса.

— Я от Шмоди, но я ведь и не говорил, что у меня поручение от Штомпса.

— Тогда наш разговор окончен.

— Не спешите! Почему вас отстранили от службы? Как это вышло?

— Все это в прошлом. И не имеет уже никакого значения.

— Нет, не в прошлом. Претцил вас подвел и теперь делает это снова. Почему начали следствие?

Шмидт зло рассмеялся.

— Кто-то меня «засветил». Анонимно и, вероятно, по приказу Штомпса. Я, слишком быстро вырос.

Он насмешливо улыбнулся.

— Но это все позади. Я наказан и ушел от дел.

— Еще не совсем. А слишком быстро вы выросли не для Штомпса, а для Претцила. Он тоже хотел получить кусок побольше и поэтому «засветил» вас. Может быть, он хотел слишком много, и шеф это не понравилось. Не знаю, почему решили убрать Тэлле, но палачом был Претцил. Только вот Штомпс немного просчитался. На простое убийство в нашем городе никто внимания не обращает. А если убил полицейский — совсем другое дело! Штомпс этого не учел.

— Чепуха. Каждое ваше слово убеждает меня, что вы всего лишь мелкий шпион и не имеете никакого представления об организации. Я сам уже не имею к организации отношения, и то, что я вам скажу, знает любой начальник отдела на Фризенштрассе. Организация поставляет телохранителей, контролирует питейные заведения и проституток. Она охраняет свою сферу влияния, но не убивает.

— Даже в случае реальной опасности?

Бывший полицейский пожал плечами.

— Никому не удалось доказать, что Претцил и Тэлле знали друг друга. Тэлле принадлежал к организации. Как и его сестра. И не странно ли, что вдруг Тэлле украл именно машину своего шефа? А Претцилу так и надо! — загрохотал вдруг Шмидт, распахаясь от воспоминаний. — Конечно, это он на меня накалал и потом сказался больным в тот день, когда меня накрыли. Он сказал мне, что за всем этим стоит Штомпс... Но мне это не помогло... А Претцил — психопат, он обожает уличных девок, особенно сестру Тэлле. Может, за этим что-то и кроется?

— Не верю! — упрямо мотнул головой детектива и распрощался.

Вернувшись домой, Петер Гермес усился в кресло и долго смотрел на голую стену. Что за дурацкий мир, думал он. Разгребаешь слой дермы, а под ним еще один, точно такой же. Потом третий слой дермы, за которым вообще уже ничего нет. Парень крадет «мерседес», чтобы прокатиться, и погибает. Его убийца — полицейский. Постепенно выясняется, что вся дорожная полиция подкуплена гангстерами. Гангстеры, затыкая дыры в своей неожиданно попавшей под удар организации, прибегают к насилию. Почему, черт возьми, именно маленького детектива Петера Гермеса угораздило вляпаться в эту навозную жижу?

— За что ты втянул меня в это грязное дело? — спросил он Тота, зайдя в его изящно обставлен-

ное бюро. Тот был в очках, которые делали его непривычно официозным.

— Это был удар наугад,— признался Тот.— Вегнеру нечего скрывать, кроме кучи подкупленных полицейских. Под этой кучей он и задохнется. Со Шмидтом уже покончено. Претцил тоже не выступается. Так что отсюда ничего остренского не высосешь.

— Что это значит?

— Дело закончено.

«Закончено»,— подумал детектив.— Парня нет в живых, а с Претцилла лишний волос не упадет. И Штомпс в полной безопасности— джентльмен-гангстер...»

— Представь нам свой счет, Петер, ты хорошо справился с заданием.

Гермес смотрел на лицо Тота, ставшее из-за очков чужим. Тупое, жирное лицо менеджера, с глазами, выражавшими тоску по утраченным «стреляющим» головоломкам.

— Хорошо, я представлю счет. Но сначала о другом. Ты свинья, Иштван. Холодная, расчетливая свинья. Больше я не буду выполнять заданий для твоей подлой газетенки. Как красиво ты говорил: все общество будет за моей спиной, если я возьмусь расследовать это дело. Меня тошнит от этого твоего общества, Иштван Тот!

Тот молчал, и Гермес поднялся.

— Последний совет, на будущее. Хорошенько отточи свои высокоморальные изречения. Для редакционных статей и уличных девок. И когда в очередной раз кто-нибудь умрет от наркотиков, не обращай внимания. Такая смерть публику не интересует.

Чувствовал он себя препаршиво. Хотелось съесть кусок хорошо прожаренного мяса, густо посыпанного перцем, чтобы перебить этот отвратительный привкус во рту. Может быть, это и есть то самое тайное средство, к которому прибегал и Тот, с раннего утра евший жгучий стречковый перец? Возможно, он пытался заставить угрожения еще не отмершей сювести?

В городе на каждом шагу подсказывали, что нужно делать. Пить ДАИНХАРД, потому что это ТВОЕ ШАМПАНСКОЕ. АППЕТИТНЫЕ СУПЫ откроют двери в рай, АРИЭЛЬ уберет любое пятно с пиджака. Не хватало еще, чтобы организация Штомпса вывела световую рекламу на фасаде церкви: ЕСЛИ ВАМ НЕ НРАВИТСЯ ЭТОТ МИР—ГАШИШ УВЕДЕТ ВАС В ЛУЧШИЙ! МАРИХУАНА—В НОВОЙ УПАКОВКЕ!

Стремление к приятным вкусовым ощущениям привело Гермеса в ресторанчик специально для гурманов. Он заказал дорогое блюдо, которое поджаривали рядом со столом. Голубоватые языки пламени лизали коричневое мясо—запах был восхитительный. Детектив ел и запивал пивом. И вдруг чуть не подавился: в зал вошел Штомпс и, приветливо улыбаясь, направился прямо в его сторону. Вид у Штомпса был ничуть не удивленный: очевидно, он располагал

широкой сетью осведомителей и всегда в точности знал, где находится интересующий его человек.

Петер Гермес сидел, окаменев. Он изрядно досадил гангстерам. Толстяка избил чуть не до полусмерти— нужно было бежать из города. А он сидит здесь, спокойно ест и ждет возмездия. Штомпс, казалось, угадал его мысли. Он улыбнулся еще более приветливо и сел за стол.

— Я тебе не помешаю?— сказал он.

— Вот это фокус!— выдавил из себя детектив.

«Останусь здесь,— сказал он себе,— ни за что не сдвинусь с места. Снаружи наверняка ждет Толстяк, а с ним и Гонщик».

— Я один,— сказал Штомпс.— Ты уже все узнал, что хотел? Ну и как, солгал я тебе?

Но Гермес молчал, и он заговорил вновь.

— Меня беспокоит, что ты считаешь нас убийцами. А ведь мы не крали ни одной серебряной ложечки и даже у маленьких девочек кукол не отбираем.

— Что тебе нужно?— спросил Гермес.

— Чтобы ты не пытался быть умнее полиции. Вот и все. Ты избил Толстяка, но это ваше с ним дело. В это никто третий не вмешается, да и он сам, я думаю, к тебе больше не полезет. Он получил, что ему причиталось, и теперь тебя уважает. Но ты в наши дела не суйся.

— Ты вслед за мной ехал?

Штомпс кивнул.

— Перестань упрямиться. Это последнее предупреждение!

— Неужели вы меня боитесь?

На лице Штомпса промелькнуло недовольство: это было облачко, на секунду закрывшее солнце. Потом он опять засиял. И по-отечески покачал головой.

— Боимся, потому что продаем любовь и яркие сны? Ты фантазер, мой малышик. Мы делаем не больше, чем любой оптовый торговец табаком или водкой, химический концерн, выпускающий успокаивающие таблетки, или какое-нибудь брачное бюро. Если ты хорошенько подумаешь, то, может быть, поймешь нас правильно. Ты ведь умный мальчик.

Штомпс сидел напротив Гермеса, кивал ему и был похож на довольного, сытого тигра.

— Да, серебряные ложечки ты не крадешь,—тихо сказал Гермес,— и кукол у девочек не отбираешь, и ни разу банк не ограбил, конечно. Ты не имеешь никакого отношения к тому, что полицейский застрелил юношу. Но сколько ты отравил, приучив наркотиками к ярким, сладким снам? Ты их считал, Штомпс?

Лицо гангстера стало холодным, как зимний день. Он медленно поднялся, и с побелевших губ скатились слова-льдинки:

— Я тебя предупредил. Не остановишься— пеняй на себя!

— А ведь ты боишься, великий Штомпс! Ты дрожишь от страха, потому что Претцил этим убийством

посадил тебе на шею специальную комиссию. Вегнер тебе сейчас не поможет, он борется за свое кресло. Что же ты станешь делать, великий человек? Убьешь меня? Тогда тебе действительно конец, потому что мою смерть связывают с тобой! Прощай, великий человек!

Гангстер, выругавшись, пошел прочь. Он забыл свою роль и сейчас вовсе не походил на преуспевающего дельца. Гермес смотрел ему вслед с почти эйфорическим чувством. Когда враги бессильны, по-думал он, они ведут с тобой дискуссию.

Полицейский налет на притон наркоманов на Берлинерштрассе, переживший уже дюжину таких налетов, был сделан в час ночи. Сигнал поступил от информатора, давно работавшего на отдел по борьбе с наркотиками.

Пивная располагалась в старом здании с множеством выходов. Комиссар, руководивший налетом, не думал, что результаты будут более ощутимыми, чем обычно. Он очень удивился, что оказался пойманным торговец наркотиками, которого уже много лет подозревали, но не могли застать с поличным.

Полицейский, выйдя из туалета, проводил взглядом торговца, которого уводили другие полицейские.

— Там одна из жертв этого мерзавца,— сказал он.

Комиссар обернулся.

— Где?

— В мужском туалете,— ответил полицейский.

Он пошел первым, комиссар—следом. Они миновали проход между столиками, зеркало, висевшее на стене. Зеркало было прозрачное изнутри и располагалось перед люком. У люка стоял Штомпс и смотрел вслед полицейским. На лице Штомпса играла холодная улыбка. Когда полицейские скрылись за дверью, он покинул здание.

В туалете, перед одной из кабинок, тоже стоял полицейский. Он молча отступил в сторону. Комиссар заглянул внутрь. На полу лежал скрючившийся маленький, пестро одетый человек. Один рукав рубашки у него был расстянут и закатан.

Полицейский показал на малоприметный след от укола у локтевого сгиба.

— Умер,— сказал,— вероятно, от передозировки. Я думаю, в шприце был чистый героин, а он к такому не привык. Его ведь почти всегда продают разбавленным.

Полицейский вынул из кармана что-то завернутое в новосовий платок.

— Шприц.

Потом он исследовал одежду убитого и нашел бумажник. Там были права водителя, удостоверение личности, лицензия на частный съск и немного денег.

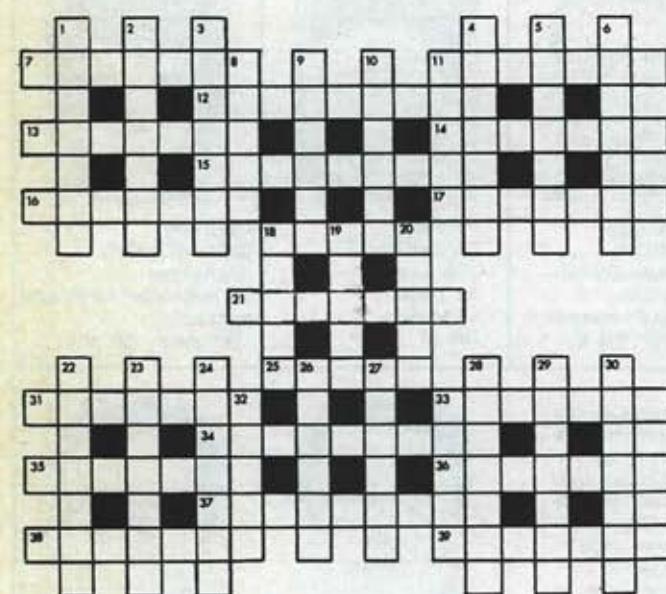
— Детектив. Его звали Петер Гермес.

Комиссар посмотрел на труп.

— Чаще всего погибают именно такие вот сомнительные типы,— сказал он.

КРОССВОРД

Составил В. ПОПОВСКИЙ,
Винница

По горизонтали:

7. Порода охотничьих собак.
11. Правосудие.
12. Ученый, готовящийся к защите докторской диссертации на высшую научную степень.
13. Комната для занятий.
14. Опера П. И. Чайковского.
15. Площадка для испытания авиамоделей.
16. Машина для дорожных земляных работ.
17. Землемер.
18. Город в Бурятской АССР.
19. Общая мера движения материи.
20. Река в Чехословакии.
21. Кондитерское изделие.
23. Механический музыкальный инструмент.
24. Комедия Б. Шоу.
25. Верхний полузатылок дома.
26. День недели.
27. Счетчик на автомобиле для перевозки пассажиров.
28. Сельскохозяйственная работа.
29. Южный плод.

По вертикали:

1. Полевой или луговой цветок.
2. Чуждое организму вещества, вызывающее в нем защитную реакцию.
3. Путеводитель.
4. Русский флотоводец, отличившийся на Малаховом кургане во время обороны Севастополя.
5. Актёр МХАТа, народный артист СССР.
6. Музыкальный исполнитель, владеющий высшей техникой.
8. Вращающаяся часть электромашины.
9. Мастерская художника.
10. Человек с широким кругом знаний.
11. Спортсмен школьного возраста.
18. Персонаж оперы Р. Леонкавалло «Паяцы».
19. Дальневосточная куница.
20. Героиня сказок Л. Кэрролла.
22. Розыгрыш выездной или демег по билетам.
23. Русский народный танец-пляска.
24. Прохладительная жидкость.
26. Воззвание для спортивных выступлений.
27. Левый приток Подкаменной Тунгуски.
28. Богиня римской мифологии, покровительница искусств и ремесел.
29. Югославский писатель, основатель македонской детской литературы.
30. Полуостров на юге США.
32. Огнеупорный материал.
33. Средство связи.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 23

По горизонтали:

7. Рвение.
10. Ритуал.
11. Колибри.
12. «Богема».
13. Миоцен.
14. Срагнум.
18. Шипец.
20. Гайка.
21. Репродуктор.
22. Ватман.
23. Кролик.
26. Детерминант.
29. Повар.
30. Декан.
31. Штеккер.
35. Чавыча.
36. Аспект.
37. «Свисток».
38. Софокл.
39. Штраус.

По вертикали:

1. Европий.
2. Инженер.
3. Бекас.
4. Гримм.
5. Отто Карл.
6. Заметка.
8. Ялта.
9. Жбан.
15. Фармацевт.
16. Геде.
17. Ускорение.
19. Центнер.
20. Гогланд.
24. «Амок».
25. Новатор.
26. Давыдов.
27. Темпера.
28. «Банкрот».
31. Шасла.
32. Еник.
33. Китс.
34. Ракша.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.11.83. Подписано к печати 18.11.83. А 02806. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2960. Заказ № 1709. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1983 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Леониду БЕЖИНУ—
за рассказ
«Я вас люблю...»
(№ 18)

Лилии БЕЛЯЕВОЙ—
за рассказ
«Третий в домашней войне» (№ 23)

Александру БОЙКО—
за статью
«Обязательный урок» (№ 22)

Сергею ВЫСОЦКОМУ—
за роман
«Анонимный заказчик»
(№№ 14—22)

Отару ДЕМЕТРАШВИЛИ—
за рассказ
«Воспоминания у старого тополя»
(№ 11)

Валерию ЕВСЕЕВУ—
за статью
«Порядок»
(№ 19)

Леониду ЖУХОВИЦКОМУ—
за статьи
«Диван в чужой квартире» (№ 17)
и «Тургенев» (№ 19)

Юрию ИВАНОВУ—
за портреты
В. В. Маяковского
(№ 14) и И. С. Тургенева (№ 19)

Анатолию КИМУ—
за рассказ
«Моя звезда»
(№ 19)

Георгию КОНСТАНТИНОВУ (Болгария)—
за цикл
стихотворений
(№ 16)

Игорю КУВШИНОВУ—
за «Рабочую повесть
«Смены»»
«Поезд в XXI век»
(№№ 15—16)

Игорю МИНУТКО—
за статьи
«Пьяниство в осаде»
(№ 3) и «Подростки в городе»
(№ 14)

Николаю МОЙКИНУ—
«239-й» предстает перед судом
(№ 18), «Отстоять жизнь!» (№ 24)

Борису ПАВЛОВУ (Свердловск)—
за статью «Рубль заработанный и потраченный» (№ 1)

Игорю ПЕТРЯНОВУ-СОКОЛОВУ—
за статью «Отходы производства: вред и польза» (№ 3)

Екатерине ПРАСОЛОВОЙ—
за очерк
«Ищу класс 41-го»
(№ 9)

Кларе СКОПИНОЙ—
за очерки
«Спеши на помощь»
(№ 7) и «Как сложится жизнь» (№ 12)

Георгию ТОВСТОНОГОВУ (Ленинград)—
за автобиографический очерк «Вечный диалог» (№ 20)

Леониду ФЛОРЕНТЬЕВУ—
«Жестокая логика одиночества» (№ 19)
и «Война против бедных» (№ 22)

Тихону ХРЕННИКОВУ—
за статью «Мерой гражданского призыва» (№ 21)

Ольге ЧАЙКОВСКОЙ—
за очерк
«Пикник в подъезде»
(№ 15)

Георге ЧОКОЮ (Кишинев)—
за цикл
стихотворений
(№ 17)

Владимиру ЦЫБИНУ—
за перевод стихов с молдавского языка
(№ 17)

Александру ЧУГУНОВУ (Великие Луки)—
за статью
«Правду говорят в глаза» (№ 8)

Яковасу ШАДЯВИЧУСУ (Вильнюс)—
за очерк
«Тракай»
(№ 9)

Виктору ШАЛАТОНОВУ (Вологда)—
за публицистический рассказ
«Предел» (№ 10)

ПРЕМИЯ ИМЕНИ МАТИ ЗАЛКИ
присуждена Леониду МЛЕЧИНУ—
за повесть
«Проект «Вальхалла»
(№№ 9—13)

«Смена» на протяжении нескольких лет шефствует над развитием Нового Уренгоя — города газодобытчиков и строителей. Это шефство осуществляется в рамках договора о творческом сотрудничестве. Стало уже традицией присуждение ежегодных премий, учрежденных городом Новый Уренгой, за лучшие материалы «Смены», посвященные первопроходцам Севера.

ПРЕМИИ НОВОГО УРЕНГОЯ ЗА 1983 ГОД присуждены:

Киму БАЛКОВУ (Улан-Удэ)—
за рассказ
«Деревья по весне, как люди» (№ 7)

Виктору ПЕРЕВЕДЕНЦЕВУ—
за статьи «Муж и жена» (№ 14)
и «Затянувшееся детство?» (№ 18)

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА

Итак, очередной конкурс рисунков читателей «Юмор-83» завершился. Хочется поблагодарить многих его участников; в редакцию поступило несколько тысяч рисунков. Рассмешить, заинтересовать ююрии своими работами пытались читатели из Одессы и Ленинграда, Ташкента и Боркуты, Москвы и Владивостока... На этот раз самыми оригинальными оказались юмористические рисунки В. ВАСИЛЬЕВА из Свердловска (№ 6, март), В. НЕНАШЕВА из Ставрополя (№ 13, июль), С. НЕЧАЕВА из Москвы (№ 14, июль), И. ПЕТУНИНА из пос. Дибуны, Ленинградской обл. (№ 13, июль), Е. РОТЕРМЕЛЯ из Москвы (№ 17, сентябрь), В. СКОПИНЦЕВА из Перми (№ 14, июль), И. СУРОВЦЕВА из Воронежа (№ 2, январь).

От души поздравляем лауреатов. Каждый из них награждается новогодним подарком — годовой подпиской на журнал «Смена».

Представляем работы победителей конкурса «Юмор-83».

Рисунок
Виктора
СКОПИНЦЕВА,
Пермь

Рисунок
Игоря
ПЕТУНИНА,
Ленинградская
область

Рисунок
Сергея
НЕЧАЕВА,
Москва

Рисунок
Игоря
СУРОВЦЕВА,
Воронеж

Рисунок
Владимира
ВАСИЛЬЕВА,
Свердловск

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 24 (1358) ДЕКАБРЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
работа палехских
мастеров
Калерии и Бориса
КУКУЛИЕВЫХ

- 1 МИР КАПИТАЛА: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА.
Николай МОЙКИН. «ОТСТОЯТЬ ЖИЗНЬ».
- 4 Овидий ЛЮБОВИКОВ. «РУКОПОЖАТИЕ ПОКОЛЕНИЙ».
- 6 Элла ЩЕРБАНЕНКО. «КАФЕДРА ПЕДАГОГИКИ ПГУ».
- 8 Владислав БАХРЕВСКИЙ. «ВТОР». Сказка.
- 11 «ЗЕМЛЯ МОЯ—СУДЬБА МОЯ».
Итоги конкурса одного стихотворения.
- 12 «РАБОЧИЙ, ОДЕТЫЙ ПО МОДЕ».
Фоторепортаж Станислава ЗИГУНЕНКО и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14 Эрик СЕДАШ. «ЦЕЛЫЙ ВЕК ПРОЖИЛ ЧЕЛОВЕК».
- 15 Итоги третьего тура конкурса зрудитов «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО».
- 16 Татьяна ШКОЛЬНИКОВА. «У САМОГО БЕЛОГО МОРЯ...»
- 17 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 19 ИТОГИ ТУРНИРА ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА.
- 20 ОТЕЧЕСТВО,
«РАДИ БРАТЬИ МОИХ...»
Фotoочек Алексея НИКОЛАЕВА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 24 Геннадий СУХИН. «ПОРТРЕТЫ ИРИНЫ КУПЧЕНКО».
- 26 ЖИЗНЬ СЕМЬИ.
Павел ЕМЕЛИН. «ДОБРАЯ ЛИЗА».
- 28 НАВСТРЕЧУ VIII ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.
Новеллы Валентины ДРОЗД и Константина НОВИКОВА.
- 29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Вольфганг КИНАСТ. «ЗАМКНУТЫЙ КРУГ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда», «Смена». 1983 г.

есть лет назад они, наверное, не сказали бы вам, что же такое детский театр на льду. Тогда все мысли были об одном: как сохранить ребят, как не обидеть родителей. По сто часов мамы и папы отработали на строительстве Дворца спорта автозавода имени Ленинского комсомола. И когда дворец был готов, выяснилось, что в школе фигурного катания оставят только самых талантливых, физически крепких, перспективных для большого спорта. А нынешние актеры театра на льду уже тогда считались переростками...

Но, видимо, все-таки надо верить в чудеса, ибо иначе в самые безысходные и тяжелые моменты нам приходилось бы отступать. Нынешний художественный руководитель театра заслуженная артистка РСФСР Нинель Михайловна Самсонова и хореограф Ольга Васильевна Сафонова надежды не теряли, смотрели на этих «неперспективных» и думали об их будущем. Нужна была

идея, которая вернет этим мальчишкам и девочкам веру в себя, вернет им лед. Тогда и был придуман детский театр на льду.

Он должен был стать не простой копией взрослого балета на льду, он вырисовывался в представлении его создателей ярким, многоцветным, масовым театрализованным праздником. И Самсонова вместе с молодыми тренерами Ольгой Барской, Мариной Галкиной, Еленой Карповой, Ириной Овчинниковой, Александром Брыкиным решает создать на льду жанр хореографических композиций, открыв тем самым для ребят возможность творчества, выдумки.

И детский театр начал свою творческую жизнь с композиций «Пусть всегда будет солнце!», «Неуволимые», «Широка страна моя родная!», «Время, вперед!». А потом был первый балет «Айболит». Теперь в репертуаре театра новая

концертная программа «Я иду-шагаю по Москве» и балет «Щелкунчик», поставленный на музыку Чайковского. В дни Олимпиады юные актеры показали ее гостям программу «Олимпийские узоры».

За шесть лет своего существования театр на льду превратился для ребят и взрослых в добрый дом. Здесь всех, от дошколья до десятиклассников, от пап и мам до бабушек и дедушек, встречают словами: «Вы нам нужны». А что, скажите, может быть радостней, чем быть кому-то нужными? И самый что ни на есть «гадкий утенок» вдруг превращается здесь в грациозного лебедя, и его бабушка становится незаменимой помощницей, потому что самые яркие, самые неожиданные костюмы для актеров сошьет она, потому что она знает, куда что положить, где что повесить, что выгладить.

Театру нужны мальчишки (их почему-

то всегда не хватает). Театру нужны девочки. Но и театр нужен им. Он учит не просто кататься на коньках. Он учит постигать азы театральной премудрости. Он учит понимать музыку. Он учит фантазии. Он не рисует для детей и их родителей какие-то необычайные розовые дали: мол, будешь ты «звездой» фигурного катания, возьмут тебя в Московский балет на льду (хотя, кстати говоря, берут). Театр учит тому, что пригодится каждому: выносливости, собранности, умению распределять и беречь время, жить в коллективе и зажигаться общей идеей. Занимаются в театре каждый день, и, согласитесь, для десятилетнего человека, скажем, это большая нагрузка. Ведь существуют еще и школа и домашние обязанности. Но едут со всех концов Москвы в Ледовый дворец АЗЛК десятки ребятишек и их

ЗИМНЯЯ ПЬЕСА

Ольга САСОРОВА.
Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

У СКАЗКИ
СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ.

НИНЕЛЬ МИХАЙЛОВНА
САМСОНОВА:
«В ЭТОМ ДВИЖЕНИИ —
БОЛЬШЕ КОКОТЕСТВА»

«КОСТЮМЫ
НАМ ШИЛИ
БАБУШКИ».

«МЫ ГНОМЫ-ВОЛШЕБНИКИ».

родители. Едут, потому что здесь хорошо, здесь теплый лед, здесь ты личность...

Билеты на концерт достать оказалось сложно. Ставился необычный спектакль: сбор от него поступал в Фонд мира. Мне были знакомы многие лица, и я уже видела сцены из спектакля, но не ожидала, что смогу так увлечься представлением, что с такой радостью буду слушать музыку Чайковского.

А после спектакля девочки смывали грим, аккуратно развесивали костюмы, и везде царила атмосфера большого праздника. В тренерской нас наперебой спрашивали, понравилось ли. И никто не спешил расходиться, потому что в который раз прогоняли весь спектакль, искали ошибки, радовались неожиданным открытиям. Здесь все были своими, здесь были наши дети, наши родители, наш лед. Я подумала: вот называют людей одержимыми, а, может быть, в этой одержимости и есть смысл и радость жизни, возможность ощутить не кратковременность бытия, а полноту и счастливость каждой минуты?